

ПУТЕВЫЯ ЗАПИСКИ

ПО

МНОГИМЪ РОССІЙСКИМЪ ГУБЕРНІЯМЪ

І 8 2 0.

СТАТСКАГО СОВѢТНИКА

Г А В Р І И Л А Г Е Р А К О В А.

~~~~~  
Хоть добрымъ словомъ подаришь,  
Я славы громкой не ищу.  
~~~~~

П Е Т Р О Г Р А Д Ъ,

въ Типографіи ИМПЕРАТОРСКАГО Воспитат. Дома.

І 8 2 8.

Позволено печатать,

съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи, до выпуска изъ Типографіи, представлены были въ Главный Цензурный Комитетъ семь экземпляровъ сей книги, для препровожденія куда слѣдуетъ на основаніи узаконеній. — С Петербургъ, 20 Іюня 1827 года.

*Цензоръ Надв. Сов. и Кавалеръ
П. Гаевскій.*

ПОСВЯЩАЕТСЯ
СЕЙ ТРУДЪ
ПОЧТЕННѢЙШЕМУ,
НѢЖНѢЙШЕМУ ПОЛУ.

Милостивыя Государины!

Вамъ посвящаю душевыя мои записки, потому единственно, что съ юныхъ лѣтъ и донынѣ всегда удалялся сколько возможно обществу мужчинъ, и ежели имѣю какія-нибудь добрыя качества, маленькія свѣденія, то бесѣда ваша тому причиною, и — на вопросъ, почему я предпочитаю собранія благородно-мыслящаго нѣжнаго пола? — отвѣчаю:

При нихъ нельзя въ словахъ забыться,

При нихъ не смѣю глупымъ быть;

Имъ долженъ сердцемъ покориться,

Чтобъ тѣмъ ушамъ находить.

Нашедъ и радость и утѣхи
Въ невинныхъ, Ангельскихъ душахъ;
Вкушашъ я буду безъ помѣхи
Покой и въ бѣдныхъ шалашахъ.

И такъ удостойте, прекрасныя
сердцами, благосклоннаго вашего
чтенія, непріугошовленные шруды
мои; пускай кришика вооружился,
я равнодушень къ оной; ваша еди-
ная улыбка, ваше одобреніе, и — я
доволенъ и счастливъ!

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Съ молодыхъ лѣтъ, веду ежедневныя записки: гдѣ былъ, что дѣлалъ, чему выучился, доволенъ ли ближними, доволенъ ли собою, въ мирѣ ли съ совѣстію своею и проч.; — въ такомъ почти видѣ представляю душевыя свои записки благосклоннымъ читателямъ, съ присовокупленіемъ къ предисловію крапкой жизни Зоила.

„ Зоиль родился въ Амфиполь, Ора-
„ кійскомъ городѣ; краснорѣчіемъ за-
„ нимаясь, *сѣтъ былъ*; но — желая себя
„ прославити и обогатити, написалъ
„ кришику на Исократовы (*) сочи-

(*) Кто не знаетъ сего славнаго вишію, добродѣтельнаго Аѣинянина, друга Сократова, истиннаго сына отечества? Кончина его доказываетъ чувствительнаго человека; имѣя уже 98 лѣтъ, узнавъ, что Филиппъ, Царь Македонскій, разбилъ Аѣинянъ при Херонеѣ, съ печали на четвертый день скончался, за 338 лѣтъ до Р. Х.

„ненія и на безсмертныя шворенія
„Омировы, называя себя бичемъ ихъ.
„За 270 лѣтъ до Р. Х. изъ Македо-
„ніи прибывъ въ Александрію, по-
„казывалъ свою криптику на Иліаду
„всѣмъ, наконецъ поднесъ оную Пшо-
„ломейю, прося за оную награды; ибо
„умиралъ съ голоду. Пшоломей, при-
„нявъ съ неудовольствіемъ, велѣлъ
„сказать ему: Омиръ, умершій за
„1,000 лѣтъ, кормилъ и кормилъ
„многія тысячи людей; Зоилъ же,
„хвально, что болѣе имѣешь доешо-
„инствъ Омира, пусть прокормилъ
„хотя самого себя. — Исторія го-
„воритъ, что сей сатирикъ - кри-
„птикъ имѣлъ бѣдственную кончину:
„одни пишутъ, что Пшоломей ве-
„лѣлъ его распять; другіе увѣряютъ,
„что онъ побилъ камнями; пре-
„шны утверждаютъ, что въ Смирнѣ
„сожженъ живой. “ — Зоилы нашихъ
временъ! бойшесь участи собрата
своего.

ПУТЕВЫЯ ЗАПИСКИ

П О Р О С С И И.

—
1820.

Юня 2-го числа.

Пелопонисъ родина отца моего, Константинополь колыбель манеры моей, а я родясь 1775 года въ Москвѣ, въ пеленахъ привезень въ С. Петербургъ, до семи лѣтъ находился въ родищельскомъ домѣ, въ сіи юныя лѣта лишаюсь отца, по Высочайшему указу съ старшимъ братомъ опредѣлень въ бывшій Греческій корпусъ, кадетомъ, гдѣ и воспитанъ щедропами Великой Екатерины II, подъ надзоромъ единственнаго *Русскаго Дворянства*; по волѣ Ея, служилъ нѣсколько мѣсяцовъ въ Балтійскомъ флотѣ, на кораблѣ Максимъ Исповѣдникъ, и съ 1790 года до 45 лѣтъ возраста ни шагу изъ Пепрова Града, занимаясь образованіемъ себя и другихъ, попеченіемъ о кровныхъ, службою военною, ученою и гражданскою. 1820 года прозбы и прозь-

бы молодого Рускаго Дворянина Г. В. Д.,
 убѣжденія многихъ, рѣшили меня согласи-
 сься, оставивъ спокойствіе единообраз-
 ной жизни, забывъ привычки свои и пу-
 стивъ въ дальное путешествіе по Рос-
 сіи; тѣмъ болѣе я долженъ былъ согла-
 сься, что хорошо воспитанный моло-
 дой человѣкъ, въ обязанность поставилъ
 себѣ, покосивъ, лелеявъ меня во всю доро-
 гу. И такъ съ упованіемъ на Бога, сопро-
 вождаемый благословеніями родившей ме-
 ня восмидесятилѣтней, почтеннѣйшей изъ
 женщинъ и всѣхъ честныхъ людей обоего
 пола, оставя друзей и пріятелей, выѣхавъ
 2-го Іюня 1820 въ шесть часовъ утра изъ
 прекраснѣйшаго города, столицы благо-
 словеннаго Государя великаго народа.
 Какой-то тяжелый камень лежалъ на гру-
 ди моей, и какое-то мрачное молчаніе не
 прерывалось до второй станціи *Мурзинки*
 по Шлиссельбургской дорогѣ; лошади мча-
 ли, коляска катилась быстро, пыль носи-
 лась за нами, ямщикъ, хопя и молодецъ,
 оплошалъ, наѣхавъ на перилы, коляска на
 боку, пацнилась . . . мигъ, всѣ полетѣли,
 охаюшъ, — вскочили; я будто пробудил-
 ся отъ объявшей меня думы; поварищъ
 мой ушибся до крови выше виска. Богъ
 сохранилъ его, какъ и всѣхъ насъ; егеръ

съ козель съ кучеромъ больнѣе спирадали
 ващъ покорный слуга, подобно душинькѣ,
 грудью упалъ на большой блокъ сѣна, од-
 наго лѣвая рука, съ мѣсяцъ была синева-
 та; хлопотня поднявъ коляску, которая
 ошъ сильнаго удару нѣсколько подадась
 въ лѣво; крестьяне сбѣжались; я стоя на
 новомъ роковомъ мосту, облокотясь объ-
 ими руками о перилы, думалъ про себя: что
 тебѣ сдѣлалось, для чего ты повѣхалъ,
 что за прихоши, видѣшь другихъ и себя
 показати? и когда? въ сорокъ пять лѣтъ
 безъ выѣзду, имѣя только книжное понятіе
 о почтовой ѣздѣ, о дорогахъ; не воротишь-
 ся ли! вѣдь до Тифлиса далеко! Такъ думая
 покраснѣлъ. Какъ! кто-то шепнулъ мнѣ
 на ухо, ты написавшій *твердость духа*
Русскихъ, не имѣешь самъ, столько твер-
 доссти, чтобы объѣхать часть Россіи!
 Имѣю, опивчалъ самъ себя. Между тѣмъ,
 добрыми крестьянами коляска поднята,
 сѣли и повѣхали; въ часъ по полуночи бы-
 ли уже въ Шлиссельбургѣ. Продолжая ѣзду
 по берегу Ладожскаго канала, благоговѣя
 вспомнилъ Петра Великаго, который
 симъ каналомъ много душъ сохранилъ и
 сохраняешь; прежде Ладожское Озеро мно-
 го поглощало, людей и грузу. Правдою
 руководясь, должны сказать: что дороги

одна другой хуже, мосты еще дурнѣе, ямщики молодцы, лошади хороши. Утверждають что весь каналъ наполненъ барками съ грузомъ, и вообще одна отъ другой въ пяти или шести саженьяхъ, а не прогаются: что сему причиною? вода ли? люди ли? или что другое? не мое дѣло допытываться.

3-го Іюня въ семь часовъ по полудни, по ужасно дурной дорогѣ, съ дождемъ, доѣхали до Тифина, и по словамъ предъидущаго смогришеля почтъ, пристали въ монастырь. Не должно внимать, большею частію расказамъ смогришелей: часто путешественникъ не то находитъ, о чемъ ему говорили. Приказавъ своему повару приготовить обѣдъ, пошли въ церковь, оспѣли съ должною чиностію благодарственный молебенъ о сохраненіи родившихъ насъ, друзей и пріятелей.

Что сказать о Монастырѣ? богатъ и хорошъ, особенно церковь. Архимандрита не застали, — изъ Монаховъ одинъ благообразный Марширій, который спавъ свѣчи, и продавъ по прошенію нашему, описаніе Тихвинской Богоматери, обратилъ мое вниманіе: и глаголь и поспуль и скромность, все показываешь ошельника, принявшаго душою въ живъ Ан-

гельскій образъ; по распросамъ моимъ, оп-
вѣчали всѣ Монахи: Марширій примѣръ бла-
гонравія, шолько и знаешь келью свою и
церковь; въ десятъ лѣтъ до ворошъ мо-
нашпырскихъ не доходилъ; пожелавъ бла-
гочесливому иноку здравія и швердосши,
вошли въ церковь женскаго Монашпыря,
и видѣли истинное благочиіе; — пока-
зывали ризницу, хороша, и все въ ошлич-
номъ порядкѣ. Монахини одна другой скром-
нѣе, разговоръ кропкой, умный и душѣ
пріяшній; съ благодарностію вышли про-
ся изъяснишь наше почтеніе больной Игу-
меньѣ, которую передъ пріѣздомъ нашимъ
соборовали; она ждетъ смерти, какъ по-
слѣдней опрады опличной жизни своей:
такъ о ней всѣ опносились.

Въ Тихвинскомъ женскомъ Монашпы-
рѣ, въ особомъ опдѣленіи, споишь бога-
тая гробница, съ шѣломъ Царицы Даріи
Алексѣевны, Супруги Царя Іоанна Василь-
евича Грознаго и племянницы ея Леониды
Александровны Княжны Долгорукой.

Въ 8-мъ часовѣ, обѣдали и ужинали
все почши свое; но за сѣно, ночлегъ, хлѣбъ
и сливки, заплашили очень дорого.

4-го Іюня рано выѣхали изъ Тихвина;
при станціи, ужаснѣйшая дорога и пре-
плохіе мосты; да не приведетъ Богъ, ѣхашъ

ни одному доброму челоуѣку, развѣ злымъ за наказаніе. Но маперіалы уже заготовлены.

Слобода Солинская прекрасна; на рѣкѣ Солинѣ видно, что жилища торговцы, чисны вообще; а женщины живы, не дурны и привѣтливы, ни одной шляпки, ни чепчика.

5-го Іюня, въ Ыздѣ, только останавливались въ Устюгѣ, въ дурномъ пракширѣ обѣдали, за то дорого заплатили; — опрятство и здѣсь замѣнили особенно въ женскомъ полѣ.

6-го Іюня, Воскресенье, въ десять часовъ въ Мологѣ. Все дышетъ Рускимъ: идушь къ обѣди въ нарядахъ, нарядахъ Рускихъ: опять какъ не сказать, нѣжный полъ былъ румянъ, прекрасенъ. Перемѣня лошадей, пустились, и въ Рыбинскѣ. Любезносію передоваго, остановились не въ часномъ домѣ, а въ Рускомъ пракширѣ, гдѣ при всемъ нашемъ, исключая суперлядки крошечной и дурной бошвиньи, ужаснѣйшій счетъ поданъ и заплаченъ; точно по Парижски, не берутъ а дерушь. Рыбинскъ городъ живой: все кипитъ, говоритъ, разсуждаешь, иначе бытъ нельзя, судовъ множество, и вошь кормилица С. Пешербурга. Въ даль не вхожу, а чинов-

ники живутъ и хорошо и гостепріимны; шутъ ужъ видны и шляпки и шурецкія шапки, и прочіе наряды. По улицамъ, иныи ходящъ, другія гуляющъ, въ кружку спояющъ, прохожихъ оглядываютъ, замѣняя новое лицо, поклоняющъ: *еще грубость иноземная не достигла сего города, слава Богу.*

Голова Рыбинска, купецъ Поповъ, богатче всѣхъ, умнѣе и скромнѣе, по сердцу пришель мнѣ, весело учиняся не у надушаго, каковы большею часпю иноземные просвѣтители, только пылъ въ глаза бросающъ. Поповъ на мои слова, что при богатствѣ города сщадно видѣтъ деревянную набережную, отвѣчалъ: есшли бы Государь Императоръ приказалъ бранъ по денежкѣ съ куля привознаго, то въ самой скорости, вся набережная была бы каменная; однако городъ имѣетъ прекрасныя церкви, биржу, и болѣе сша пашидесящи каменныхъ домовъ; усшавъ, сѣли и поѣхали. Дорогою пили кофій въ чешвертомъ часу ушра, у смошришелей почпъ. Иные живутъ чисто, и можно кое-что досшавъ, а иные, — войши нельзя.

7-го Іюня, чрезъ Ярославль и Ростовъ пріѣхали въ три часа по полудни въ деревню шоварища моего, Богородиц-

кое. — Нынѣ словъ описаніи радости крестіянъ, увидя своего барина въ первый разъ, и нынѣ словъ пересказапіи, видя численному мужиковъ, бабъ, дѣвокъ и дѣшей, счастье и довольство на лицѣ у всѣхъ; какъ весело всрѣчапіи въ низкой долѣ прямое веселіе и должную признашительность къ своему доброму помѣщику. Вошедъ въ барской домъ, въ которомъ Золѣнъ некто не жилъ, а все въ порядкѣ, можно замѣпиши что шупъ живали Бояре: какія алеи, пруды, сады, багатство крестіянъ! Все возвыщаешъ хорошее управленіе. Послѣ многихъ посѣщеній, хлѣба и соли и душевныхъ разговоровъ, въ девятомъ часу обѣдали, и вскорѣ утомленные предались сладкому сну, въ замкѣ огромномъ, гдѣ прилцапіи лѣнъ ни кно не ночевалъ; *слишню*, однако я пересмопрълъ двери, замки, хорошенъко прищворилъ; осторожность вездѣ нужна, хоши среди добрыхъ поселянъ.

8-го Іюня. Шестисуточная ѣзда, молніи, громъ, проливные дожди, холодъ, не причинили новичку, мнѣ, ни какого вреда; маленькой флюсь, насморкъ, привѣздѣ изъ С. Пешербурга; шеперь здоровъ. Были у обѣдин; послѣ которой молебень, Священникъ молодой человекъ,

чищаль проповѣдь о повиновеніи Начальству и урокъ Господину; дай Богъ, чѣтобъ и въ снѣдницахъ такъ говорили. Обѣзжали другія деревни, принадлежащія моему товарищу, и слезы радости вспрѣчали и провожали. Бани Руская горячая и купанье, обѣдъ и ночлеги въ селѣ же Богородицкомъ.

9-го Іюня. Деревни собрались; пѣсни, пляски выпроводили насъ двѣнадцать верстъ, какъ будто въ шоржѣсствѣ; въ 8-мъ часовъ по полудни остановились въ Ярославль у купца Федора Аванасьевича Москопильникова; человекъ умный, лѣтъ 75-ти, былъ нѣсколько разъ Городскимъ головою. Въ 10-ть часовъ прислалъ просить къ себѣ Губернаторъ Александръ Михайловичъ Безобразовъ; онъ такъ же гостепріимный, какъ и въ снѣдницѣ; имъ и супругою его Анною Феодоровною, прелестною по душѣ и наружности, не могу нахвалиться; часъ времени побесѣдовавъ, возвратился къ своему товарищу, и воздавъ благодареніе Богу, бросился на свѣжее сѣно, заснулъ.

10-го Іюня. Въ седьмомъ часу, пошли ходишь по городу: очень числѣ и хорошъ съ Москвою; сорокъ чешыредер-

кви каменные, одна другой лучше, (*) въ снариномъ вкусѣ, что и придаетъ величїе, особенно, что снутри и снаружи съ верху до низу разрисованы. Я заходилъ къ споящему здѣсь Дивизионному Генералу Н. М. Сипягину, копорой годъ тому назадъ сдѣлалъ мнѣ услугу, да и кому онъ не радъ дѣлать прїятности? Въ 12 часовъ, по приглашенію Москошильникова, въ его древней покойной коляскѣ, вмѣстѣ съ нимъ были въ сумасшедшемъ домѣ. Какъ больно, видѣть себѣ подобныхъ, въ такомъ жалкомъ положеніи, но должно посѣщать сіи дома, дабы смиряться. Кто изъ смертныхъ можетъ сказать, что чрезъ часъ, и менѣе, не постигнетъ его сіе горестное несчастіе? Тушъ одна дѣвица оспавила во мнѣ сильное впечатлѣніе. Болѣе четверти часа, я сморѣлъ на нее: шло и глаза какъ бы оцѣпенѣли, горестъ и равнодушїе видны на блѣдномъ правильномъ лицѣ ея; другіе и другія смѣялись, будто счастливые: какое ужасное счастье! Отворошилъ, чтобъ уперть слезы; въ цѣпяхъ, не хотѣлъ видѣть. Боже сохрани и помилуй! лучше дай смерть, нежели лишишься ума, се

(*) А по словамъ жителей Яр слава болѣе шестидесяти церквей, большихъ и малыхъ.

единный неоцѣненный даръ Творца, чѣмъ чело-
вѣкъ различаетъ зло отъ добра. Были
въ больницахъ, въ рабочемъ домѣ; вездѣ
чисто и хорошо, но въ домѣ незакон-
рожденныхъ чрезвычайно чисто и опрят-
но, и дѣти здоровы, сколькихъ видѣлъ.
Въ часъ дома, писали письма. Обѣдали у
Губернатора и вмѣстѣ съ нимъ въ Сирот-
скомъ домѣ, учрежденномъ покойнымъ
Мельгуновымъ, возобновленномъ и въ воз-
можный порядокъ приведенномъ бывшимъ
Губернаторомъ Полинковскимъ, шакъ го-
ворилъ Ал. Мих. Безобразовъ; шунъ вос-
питанники читали свои сочиненія въ
прозѣ и стихахъ. Прилагаю одну басню,
сочиненную принадлежавшимъ воспитанникомъ Павломъ Антиповымъ.

У Ч Е Н Ы Й В О Л К Ъ .

Когда развратъ звѣрей проливенъ Зевсу спалъ,
То онъ за то на нихъ смерть съ голодомъ послалъ.
Тогда и Левъ и Барсъ съ похитшею главою
Внимали съ ужасомъ болѣзненному вою,
На силу ноги волкъ отъ голоду шаскалъ
И щцею себя онъ больше не ласкалъ.
Чѣмъ буду, думалъ онъ нишаться
За что могу шеперь приняться?
Нѣтъ силъ ловить овецъ,
Пришолъ знатъ мой конецъ!
Въ бѣдѣ шакъ весь умъ волкъ собралъ свой,

Придумалъ я — прибрелъ кой-какъ къ жрецу сми-
ренно

И съ поспѣшной рожею просить спалъ умиленно.
Возмись, свяшой отецъ, добру меня учишь,
Злымъ хищникомъ ужъ мнѣ прошивно спало жить.
Да сердца и ума благое просвѣщенье
Опкланяя опъ меня небесъ правдивыхъ мщенье,
Хочу я истину какъ добрымъ бытъ узнать
И болѣе впередъ грѣшить не начинать.

Жрецъ добрый удивился

Что волкъ перемѣнился,

И такъ не мѣшавши его до сыта накормилъ
И съ радостью попомъ за книгу посадилъ;
Разинувъ волчью пасть завылъ а, а! нашъ волкъ.

Жрецъ радъ былъ, видя шолкъ;

Другую букву задаетъ.

Трудишься волкъ; кривляешь рошъ,
Пошъ градомъ съ волка льешься
Но бе, подъ лапъ ему ни мало не дается,

Однакожь бился, бился

И бе, произносишь онъ твердо научился,
И повторять ее безъ затрудненія могъ,
Жрецъ дальше, а злодѣй со всѣхъ скорѣ ногъ
Въ лѣсъ лыжи навострилъ и въ ремесло пустился
Въ кустахъ близь ручейка покойно поселился,

И тамъ богато жилъ

И безъ труда овецъ душилъ.

Лишь только свой урокъ бе бе, онъ протвердитъ

Тотъ часъ барашекъ и бѣжитъ,

Хотя ученіе и трудно волку было

За то ужъ жиренькой кусочекъ приносило.

Но чтожь, плакая жизнь не долго продолжилась

И хитрость на бѣду ученаго открылась;

Губителя оведъ поймали

И тошъ часъ кожу сняли.

Изъ басни сей намъ видѣть должно

Что зло подъ именемъ добра, хоть скрыть и можно,

Однакоже оно не долго продолжится

И истина должна открыться.

Изъ Сирошскаго дому повезъ благо-
склонный Губернаторъ въ Губернское
Правленіе: внушренность очень хорошо
расположена, трудами бывшаго Губерна-
тора. Были въ Приказѣ Общественнаго
Призрѣнія, прекрасно; въ Демидовскомъ
училищѣ вышшихъ наукъ, Профессора ка-
жешся хороши. Начальникъ Виленскій,
Профессоръ древности Ханенко, болѣе про-
чихъ мнѣ понравились. Въ женскомъ Мо-
настырѣ, гдѣ Игуменья строитъ пре-
красную ограду. Въ Спасскомъ Монастырѣ,
гдѣ Архимандритъ Неофитъ съ просвѣще-
ніемъ, живаго характера; библіотека по-
рядочная, рукописи довольно хороши, И-
ліада и Виргилій, старинной печати. Въ
Соборахъ, Успенскомъ, Констаншинов-
скомъ и другихъ; вездѣ древность живо-
писи, богатство ошанавливаетъ, каж-
дый скажетъ: прекрасно, прекрасно. При-
неся благодарность ошличному Губерна-
тору за все, пустились въ одиннадцать
часовъ вечера въ Кострому.

11-го Іюня, три станціи, очень хороши дороги; не доѣзжая Коспромы, по моему настоянію заѣхали въ Ипатьской Монастырь, видѣли Храмъ Божій, хорошъ и все древнее прекрасно, но въ какомъ я былъ изумленіи, когда пожелавъ видѣть перемъ Царя Михаила Ѣеодоровича Романова и машери его Марѣи Ѣеодоровны, куда по назначенію великаго челоуѣка Сусанина, скрылись родоначальники Романовыхъ, нашелъ, что спѣны покоевъ, исписанныхъ испорическими каршинами: избраніе на Всероссійскій пресполъ Романова, забѣлены. Въѣхали въ Коспрому въ 7 часовъ упура. Почтмейсперь Де — въ, знакомый мнѣ по Пешербургу и по женѣ своей, пригласилъ къ себѣ; дождь лилъ проливной, однако въ его карешѣ съ нимъ объѣхали и осмошрѣли Соборы и Монастыри. Успенскій Соборъ очень хорошъ въ древнемъ вкусѣ. Воскресенскій Монастырь на Дебрѣ, Богоявленскій — прекрасный и оппечашокъ Рускаго народа къ Богопочипанію и щедростѣ; почпѣнная древностъ и богапшшо. Убѣжденные оспались обѣдашъ у гощепрімныхъ хозяевъ, очень доводень, — шущъ увидѣлся съ давнишнимъ пріашелемъ Г. В. Нелидовымъ, Предсѣашелемъ Уголовной Палашы;

его хваляшь за благородство чувствъ и дѣяній. Городъ Коспрома далеко отсталъ отъ Ярославля по всемъ отношеніямъ: и весьма грязно, и строенія не Ярославскія. Въ три часа пополудни, по благодаря Де — хъ, пустились въ дорогу. Хотя и люблю величественную природу, но отъ Коспромы до города Кинишмы 84 версты безъ отдыха, молніи, громъ ужасный, дождь и градъ, сопровождая насъ, родили во мнѣ неудовольствіе; къ симъ непріятностямъ, дороги недодѣланныя, и большею частію дурныя, горы, рышвины, стремнины, паромы дурнѣйшіе, и мы по грязи глинистой должны много верстъ прогуливаясь — едва, едва достигли Кинишмы. Бѣднось вездѣ выказываетъ свое чело; вошедъ въ чернѣйшую избу изъ лучшихъ, мылись и пили кофій, со множествомъ разнородныхъ гадинъ и насѣкомыхъ, шупъ я самъ собиралъ градъ, болѣе голубинаго яйца; два пасуха были ранены и нѣсколько овецъ побило.

До Юрьевца-Повольскаго дорога прекрасная, время очень хорошо, солнце возсіяло.

12-го. Приѣхавъ въ Юрьевецъ-Повольской, остановились подлѣ почты, у Мѣщанина Шацонникова, число живущаго,

передъ обѣдомъ, были въ Соборъ Входъ въ Иерусалимъ, или Спасовходскій и Успенскій. Говорящъ, что Великій Князь Юрій Всеволодовичъ выстроилъ сей Соборъ. Городъ плохъ, и чю спраниѣ, по словамъ Шапошникова, жишелей 551, а домовъ 599. Въ девять часовъ вечера, по изрядной дорогѣ, исключая размытія отъ дождей и горъ, пріѣхали въ село Лукинское; три раза должны были по грязи итти пѣшкомъ. Въ сіе время рѣчка Ячмень отъ дождей не токмо разлилась, но такъ вздурилась, что прорвала плотины, сдѣлавъ мужикамъ убытку тысячи на двѣ; паромъ унесенъ былъ въ Волгу; сія послѣдняя прекрасна во всемъ теченіи своемъ. Много споровъ: товарищъ мой, по пылкости своей, хотѣлъ переѣхать бурливую Ячмень; я не соглашался, представляя смерть Князя Аркадія Александровича Суворова, который не хотѣлъ нѣсколько часовъ подождать, лишился въ Римникѣ жизни, и имѣлъ лишить опечеснво опличнаго Генерала. При томъ мужики, собравшіеся около насъ, будто про себя говорили: упрю вечера мудренѣе. — Эти слова подѣиснвовали; мы оспались; въ чистой избѣ у ямщика Василія Смирнова, ужинали и со множесн-

вомъ мухъ спали, — ну ужъ сонъ! мужики
смышлены.

13-го Іюня. — Напившись кофею, пере-
ѣхали на лодкѣ чрезъ Ячмень, коляска и
бричка, рѣчкою не глубоко. Двѣ сшанціи
дорога хороша, нѣсколько горъ, особенно
первая крута — пѣшкомъ перешли, пого-
да прекрасна; въ одиннадцать часовъ укрѣ-
пились яичницею и поѣхали въ Нижний-
Новгородъ, изъ деревни Гунмища К. Уру-
сова; она хороша, крестыяне и крестыянки
числы. Это доказываетъ, что помѣщикъ
честной человекъ; я его не знаю, но до-
вольство вѣранныхъ ему, заснавляетъ
любитъ его. Въ половинѣ осьмага по по-
лудни, пріѣхали въ Нижний - Новгородъ
чрезъ паромъ. Видъ оныхъ рѣки Оки — пре-
десно; по горѣ, — уступами дома, домики,
лачужки; для новой ярмонки, строеніе по
виду хорошо, еще строится. Тутъ на
ярмонку спекающа до двухъ - сошь пы-
саячъ человекъ, съ 20 Іюля до 20 Августа.
Кто Россіянинъ и не знаетъ, что 32 гу-
берніи соединяются Волгою? При семъ могъ
бы я написать двадцать страницъ Ис-
торію ярмонки; но выписки изъ книгъ
не дѣлаю, какъ многіе путешествуя
по книгамъ, и слѣпо вѣряя онымъ. Оспа-
новились на Покровской улицѣ, недалеко

опѣ Губернашора, въ домѣ купца Булошникова. Передъ окнами, какъ меня увѣряли, та площадь, гдѣ 1612 года, Козма Мининъ Сухорукой уговорилъ согражданъ ополчиться противъ Поляковъ, спавъ въ ряды, — подъ знамена К. Пожарскаго. Смотри изъ окна на площадь, вдоль улицы, гдѣ довольно людей гуляло, предался думѣ о минувшихъ временахъ, воспоминалъ свою юность, когда и ночи просиживалъ надъ книгами, чѣмъ бы отыскать, вырыть такъ сказать полезное, и передать современникамъ; слабымъ перомъ начерпалъ дѣла К. Пожарскаго и Минина, достигъ своей цѣли, возбудивъ нашего Русскаго Фидіаса, Маршоса, принявъ за рѣзецъ, — и мы увидѣли, по волю ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА, по желанію Русскихъ, памятникъ воздвигнушый въ Москвѣ, симъ великимъ Мужамъ. Душа моя торжествуетъ! Разговоры съ Полицмейстеромъ Смирновымъ, пылкимъ и гошовымъ услуживъ, ужинъ и сонъ разсѣяли мою думу.

14-го. Утромъ увидѣлся я со старымъ знакомымъ, нынѣшнимъ Губернашоромъ, Александромъ Семеновичемъ Крюковымъ, вѣжливымъ человѣкомъ. До обѣда, вмѣстѣ съ Смирновымъ были въ Соборъ: — хорошъ;

поклонились гробницѣ безсмертнаго Минина; не бывъ сеншменпальнымъ, подвиги Минина приказали слезамъ выкашиться изъ глазъ моихъ — и се жершва великому челоѡвѣку. Были въ другихъ церквахъ, всѣ хороши; но Ярославскія богаче, а Коспромскія лучше. Обѣхали почти весь городъ: видно, что торговый; но не только красавицы не вспрѣшили, даже милой; можешь быть на нашу бѣду, или на наше счастье, хорошенькія попрыгались. Въ два часа съ половиною, прошенные обѣдали у Губернатора; супруга его, изъ Англичанокъ, шѣмъ больше почтеньѣ для меня, что говоришь по - Русски, какъ Руская; обѣдъ славный по всѣмъ отношеніямъ, и бесѣда порядочная; съ балкона, глазъ видишь лучшее мѣстоположеніе. Присутственные мѣста давно сгорѣли; обывателей считашоушь до 15 тысячъ челоѡвѣкъ. Семинарія, говоряшь, хороша; времени не было самимъ посудишь. Гуляли, были въ церкви Рождества Богоматери; построенна Демидовымъ, при Пётрѣ Великомъ; служенія не было, по словамъ Священника, съ 1722 до 1725; что за причина? не даромъ; ибо Пётръ I все дѣлалъ съ умомъ. Тушь видѣлъ, писанныя Евангелія, образа письма опличнаго, и все прекрасно. Ве-

черъ, и я дома, въ пріятныхъ разговорахъ, съ добрымъ и любезнымъ поварихомъ.

15-го Іюня. — Насъ посѣщали многіе, и Прокуроръ, котораго хваляшь, Николаевъ, принесъ мнѣ рукопись о Нижнемъ-Новгородѣ; въ оной ничего новаго не нашелъ; однако очень благодаренъ за учтивость. До двухъ часовъ дома; званые Смирновымъ, коего зналъ Офицеромъ въ Преображенскомъ полку, обѣдали хорошо, и чувствительны за ласки. Ходили по городу и первой разъ видѣли нѣсколько дамъ. И здѣсь, какъ и въ другихъ городахъ, въ два дни я узналъ и то, и другое; кто говоритъ шутъ и правъ, Богъ да помирить всѣхъ. Лелевыхъ (Амурныхъ) дѣлъ мало извѣстныхъ, за то у насъ хоть не слушай. Помолясь, заснулъ крѣпко.

16-го. Утромъ слушали обѣдню въ дѣвичьемъ Крестовоздвиженскомъ монастырѣ, гдѣ болѣе восьмидесяти монахинь и бѣлицъ; службу совершалъ Священникъ очень хорошо; на крылосахъ монахини и бѣлицы пѣли изрядно; все вмѣстѣ благоговѣніе внушаетъ; приглашены къ Игуменѣ, (Дорогее Михайловна Маршынова замужемъ была за Новиковымъ). Въ монастырѣ нельзя не замѣтить чистоту, чинослѣдствіе, красоту, умъ Игуменьи, просвѣщеніе

шу глагола. Обѣдали у Губернашора, были въ Ланкасперской школѣ: порядочно. Вице-Губернашоръ Д. С. С. Моллеръ, показывалъ намъ вино въ подвалахъ; оплично хорошо поставлено; желашельно бѣ было, чѣтобъ вездѣ былъ такой порядокъ. Въ Театрѣ играли Богапонова, дворовые люди Князя Николая Григорьевича Шаховскаго, очень изрядно, особенно акприсы. Проспясь со всѣми, пригошвились къ ошѣзду.

17-го Іюня. — Дорога не совсѣмъ дурна; до Василя двѣ версты; розы дикія, благовоніемъ своимъ пріятны обонянію и зрѣнію, — жаль, чѣто церковь давно спрощишя и къ концу не доходитъ.

18-го. Въ дорогѣ. Ошъ Чебоксара до самой Казани, дороги большею частію дурны; но я замѣшилъ, чѣто деревья садятъ передъ рвами, а не за рвами; это спасаетъ ошъ несчастія, при шемношѣ ночей, при дождяхъ и разливахъ. Только одинъ паромъ проѣхали въ Казанской Губерніи, и шопъ дурнѣйшій. Ямщики ошъ С. Пешербурга всѣ хороши. Ошъ Эмангаша везли насъ Черемисы: хошя бѣдные, но управляющъ хорошо; жены ихъ очень дурны; пошомъ Чуваши, не хуже, и жены ихъ не красивѣе; ошъ Чебоксара Русаки

везли, опличные молодцы, а дорога самая несносная. — Шестнадцать верстъ до Казани, дорога гладкая, хорошая, но ямщики *Татары*; чуть - чуть не были опрокинуты; я выходилъ, и по глинистой, грязной землѣ подъ дождемъ верстъ восемь шелъ пѣшкомъ, чѣмъ сберечь себя, взвѣзжая на гору, а лошади назадъ во всю лошадиную прыть; Богъ помогъ, мы выскочили и — живы! У поварища моего хоща нога болѣла, но у спреха глаза велики, забудешь и боль. Вообще дороги до Казани опѣ Василя - Сурска горисшы, мосты довольно хороши; сучки не обѣдали, а бѣли много. Въ 12 часу по полудни въѣхали въ Казань, остановились въ Проломной улицѣ, въ домѣ купца Дьяконова: не чисто; помолясь, бросился на сѣно и проснулся въ девятомъ часу ушра.

19-го Іюня, умылись, нарядились и пошли къ знакомому мнѣ Губернатору П. А. Н. Привѣтствовалъ, какъ человѣкъ съ хорошимъ воспитаніемъ, просилъ ужина. Казань, хорошій городъ, послѣ пожаровъ выправляется лучше прежняго, множествъ каменныхъ домовъ; Соборы и церкви далеко отстояли отъ Ярославскихъ, Ростовскихъ, Костромскихъ и Нижняго - Новгорода; улицы немощены, и

весь городъ то на горѣ, то подъ горою. Каменный Госпиный дворъ даже нахожу лучше С. Пешербургскаго, и множество деревянныхъ лавокъ, лавочекъ и шалашей; вездѣ народу много: счищаютъ около сорока тысячъ Русскихъ и Татаръ. До ужина Губернаторскаго, послѣ нашего хорошаго обѣда, пошелъ я къ Прокурору Ильѣ Михайловичу Авдулину, моему пріятелю, и не доходя до дома, спросилъ проѣзжаго объ немъ. Прокуроръ умеръ отъ удара, часа при шому назадъ; меня сія вѣсть поразила, шѣмъ болѣе, что отъ Губернатора начиная, всѣ его хвалили и хвалятъ; душевно жалѣя объ умершемъ, пошелъ къ Коменданшу Алберту Карловичу Пирху 2-му; онъ, завидя меня, вспрѣшилъ, какъ опца, какъ спараго наславника; обнималъ со слезами и шѣмъ доказалъ благородство чувствъ своихъ; говорили о многомъ, и онъ здраво мыслилъ и оплочно выполнялъ наложенную должностъ. Тушъ былъ Полк. Блумъ съ женою, умною и почтенною; бесѣда ея пріятна. За ужиномъ у Губернатора, познакомился съ Княземъ Давыдовымъ Почтъ - Директоромъ и Масловымъ: оба своимъ обращеніемъ оставили во мнѣ признательностъ. Что сказать о хозяинѣ? Онъ всегда одинаковъ, слѣдственно заслу-

живаешь благодарность. До двухъ часовъ писалъ у себя. Спалъ хорошо.

20-го Іюня. Въ десятомъ часу упрямѣшъ съ Губернашоромъ были въ Соборѣ, гдѣ покояшся мощи С. Гурія; и праздникъ онаго; народу очень много, Архіепископъ Амвросій чинно, хорошо служилъ; Протоіерей читалъ своего сочиненія предлинную проповѣдь. — Городъ Казань горисшъ, шесть лѣшъ шому назадъ горѣлъ, и — по словамъ жишелей, вышпроенъ гораздо лучше, и болѣе каменныхъ домовъ. После обѣдни были въ Казанскомъ Богородицкомъ дѣвичьемъ монастырѣ, гдѣ Игуменья Назареша Васильевна, урожденная Гладкая, умная женщина, все сама намъ показывала, и все очень хорошо: болѣе семидесяти монахинь, бѣлицъ и одна схимница; много привлекашельныхъ лицъ, чшо веселишъ сердце человѣческое! Игуменья одарила насъ копіями образа Казанской Богоматери, персиками, сливами и желаніемъ счастливаго пуши; крайне довольны, а я болѣе чшо она меня узнала, пошомъ и я; хошя не видѣлсь болѣе пятнадцати лѣшъ, улыбаясь, почши вдругъ сказали: пошарѣли! Обѣдали со многими у Губернашора; читали; были у Пирха: радъ душею госшамъ и угощаль сердцемъ;

молодецъ и собою и дѣлами! Были въ славнѣйшей банѣ у Маслова; насъ посѣщили многіе, просились со всеми съ благодарностію, ужинали, и предались сладкому, безмятежному сну.

21-го Іюня. Въ шесть часовъ выѣхали изъ Казани, и на седьмой верстѣ, на прехудой лодкѣ, съ коляской и бричкой переѣхали Волгу, шире Невы рѣки; слава Богу, что тихо было, а то бѣда неминуемая; спускаешься по крупѣйшему берегу страшно; счастливы мы, что ночь не настигла насъ. Горько, что люди мало заботятся о безопасности ближняго, и ждуть, чѣмъ грянуль громъ; а безъ того хоть шрава не росши, для нихъ все равно! Переѣхавъ Волгу въ Верхній Услань, шли подъ гору и на гору версты шри, устали; девять часовъ ушра, и мы ждемъ, сидя на горѣ, экипажей. Двѣ станціи *Сейтово и Бурундукъ* — Ташары; *Чивергинъ* — Русскіе; хотя гористо, но виды прелестныя; лѣса, — дубъ и липа, цвѣтловъ множество, и благовоіе оныхъ; москы очень дурны; въ Бурундукѣ остановились у Ташарина крестьянина; на дворѣ обѣдали, окруженные нечистыми Ташарами; рамазанъ, — постъ ихъ; они ѣдятъ по закалѣ солида, и пошому будно шочи, блѣдны; дѣши

презамаранныя и женщины шоже, и дурны же къ тому. Четыре спанціи, ослѣпляющія частыя молніи, громы, дождь проливной, вѣсперъ сильный, грязь и ошъ того можешъ быть дурныя дороги, приводили въ ужасъ; мы закрыли коляску, я предаль душу свою Богу и заснулъ; пробудился у послѣдней спанціи, подъѣзжая къ Симбирску, ошъ крику женскаго и дѣвичьяго; проширая глаза, слышу: „Баре! не ѣздише по мосту, пусть грѣшники ѣздяшъ, и шо передъ вами ось переломилась у какого-шо проѣзжаго.“ Спасибо, сказалъ я, и выпрыгнули изъ коляски, кошорую вмѣстѣ съ брячкою ошправили въ объѣздъ, а сами перешли по новымъ периламъ; мостъ съ верху новъ, а съ низу гниль: вошъ причина, что провалились четыре доски; бѣда да и шолько!

22-го Іюня. Въѣхали въ Симбирскъ; городъ прегрязный, а осенью, говорили мнѣ, Боже упаси. Всѣ почти строенія деревянные, вѣшки; дѣвичій монастырь, гдѣ Богомашеръ Свирская, четырнадцать монахинь, бѣденскихъ спарушекъ; Троицкій Соборъ ошвѣчаетъ всему городу, бѣдень. Черезъ часъ выѣхали; въ спанціи Ключищъ обѣдали въ избѣ, и проѣхавъ Ташлу Ясашную, Тиренгуль, Горюшки, Ива-

новку, въ чепыре часа упра 23-го Іюня въѣхали въ чиспенькой городъ Сызрань.

23. — Весело видѣшь людей хорошихъ, шариннаго покроя; здѣсь Экспедишоръ почшы, придцашь лѣшь на одномъ мѣспѣ, и все - шаки бѣденъ, а очень доволенъ своею судьбой и придцаши - лѣшнимъ рыжимъ парикомъ своимъ. Выпивши кофею, поѣхали; дорога ошь Сызрани — степи гладкія, рѣдко увидишь деревцо и земля не вспахана; грустно видѣшь верспѣ сно и болѣе нагую природу, и шрава сквозь извеспѣ мало выказываея; верспѣ шакже болѣе сна, гора за горою извеспѣковыя; пѣшкомъ должны были идти почши до города Хвалынска; по охотѣ разъ можно видѣшь, а на каршинѣ красивѣе; лишь Хвалынскъ проѣхали, почва земли лучше, и рука челоѣческая видна, вездѣ хлѣбъ; солнечные лучи, ударяясь о горы извеспѣковыя, прекрасными ихъ кажушь; шупѣ начинающія горы, зеленью покршыя, и до самой Алексѣевки: Саращовской Губерніи, деревня моего шоварища съ 1500 душъ. Сколько мы были восхищены въ Богородицкомъ селѣ или Капцовѣ, шолько здѣсь не шо по всѣмъ отношеніямъ; ошь чего же шакая разноспѣ? Ошь шого, что бурмиспѣрь не по выбору креспьянъ. Въ при часа лишь

пріѣхали, принесли и сперлядей и осетра аршина полтора длиною, въ челнокъ, да все такъ сухо; — поѣли, и въ девять часовъ, поговоря и о томъ и о другомъ, заснули. И такъ въ двадцать одинъ день ѣзды, мы оспанавливались ночевать въ Тихвинѣ, Капцовѣ, Ярославѣ, въ Нижнемъ-Новгородѣ и здѣсь, въ Алексѣевкѣ.

24-го. Праздникъ у моего товарища, были у обѣдни, церковь въ самомъ горестномъ подоженіи; душа моя пронута была во время службы; мало крестьянъ у обѣдни; хошя великій праздникъ, церковью устроенный, Іоанна Предтечи. Товарищъ мой недовольный поѣхалъ по другимъ своимъ деревнямъ, а я обходилъ избы, и по распросамъ моимъ, много крестьянъ имѣющихъ по десяти лошадей, столько же коровъ и по пятидесяти овецъ, а бурмисръ въ пятеро болѣе, не говоря о деньгахъ; ошъ чего же церковь Божія въ бѣдности, и мало было и бываетъ у обѣдни? Не смошря, что деревня богатая, домъ или лучше сказать изба для пріѣзда барина, не ошвѣчаетъ избышку крестьянъ. Въ шесть часовъ обѣдали, погуляли безъ удовольствія; никогда не видалъ споль безчисленнаго множества мухъ; однако въ поставленныхъ стаканахъ съ виномъ,

поминушно исчезало тысячъ по нѣсколь-
ку. Чѣло ежели бы люди злые и дѣлающіе
пагубу ближнему, такъ скоро умирали,
когда не хотѣли покаяться и вести
жизнь добродѣтельную?

25-го Іюня, въ десять часовъ утра
выѣхали изъ села Алексѣевки, не слиш-
комъ довольны, по многимъ отношеніямъ.
На второй станціи; проѣхавъ 36 верстъ,
широкой буеракъ въ деревнѣ Графа Кочу-
бея; лопнулъ ремень задней рессоры: бла-
годареніе Богу, съ нами ничего не случи-
лось! запасными веревками завязали. Въ
имѣніи Графини Ливень, Терса, шли двѣ
версты пѣшкомъ, переѣзжали на дѣрнень-
комъ паромѣ; лошадь у брички попала въ
воду, опѣ дѣрнаго спуску; вышацили.
Опѣ Алексѣевки до широкаго буерака до-
рога хороша, не смотря, что съ горы на
гору, но можно безъ трудности ѣхать;
до Вольска дорога гориста, известкова,
виды очень часто хороши, особенно подѣ-
ѣзжая къ Вольску, спускаясь къ городу
вершны полторы, хотя и кажется кру-
то, но съ оспорожностію можно, не
шормозя, ѣхать, а поднимаешься рысью;
честнѣ Губернатору Алексѣю Давыдовичу
Панчулидзеву, что такъ устроилъ гору!
Въ Вольскѣ оспановились въ домѣ вдовы

Плехановой; число живешь, не дурна собою, учлива, хорошо говоришь; жаль только, что старообрядица! Здѣсь много каменныхъ строеній, но пусты; двѣ церкви и одна старообрядческая, нынѣ запечатана; жишелей мужескаго пола чешыре тысячи, всего около десяти тысячъ. Вольскъ — родина Злобина, бывшаго купца богача, и называлась, шринадцать лѣтъ тому назадъ, Маловка, нынѣ лучше Коспромы и грязнаго Симбирска. Городничій, Коллежскій Совѣтникъ Спруковъ, порядочнаго обращенія, шеснадцать лѣтъ въ одной должности и доволенъ. Въ городѣ ярмонка до 1-го Юля. Изъ Вольска на второй спанціи, ямщикъ, ошъ неосторожности сломалъ два валька: эшо ничего; пошомъ шучи, какихъ не видывалъ, дождь проливной, грязь, шемноша, въшеръ, холодъ, я въ безпокойствіи, шоварищъ мой спишь, а я самъ не свой; наконецъ, въ закрышій коляскѣ, задернувъ и занавѣску, помолясь и безъ спыда со слезами, предаль себя Богу, заснулъ, и бѣды не было.

26-го Юня. Дошхавъ до Жуковки, въ семь часовъ ушра, у шаросты на дворѣ, кончили ушренное убранство и пили кофей; но какъ дошхали не на почшовыхъ

лошадяхъ? увы! часа три въ шемношѣ плушали; изъ Жуковки поѣхали на лоша-
 дяхъ моего поварища, и въ Алексѣевкѣ
 (экономическое дѣло Саратовской гу-
 берніи:) чрезъ гнилѣйшій деревянный и
 безъ перилъ мостикъ, искусствомъ кучера,
 мы переѣхали благополучно; бѣда же обру-
 шилась на бричку, кошорая съ двумя ку-
 черами, камердинеромъ и поваромъ опро-
 кинулась въ ровъ и повисла на деревьяхъ;
 двѣ лошади оспались на мостикѣ, ни-
 кто изъ людей не ушибся, одна бричка
 сильно поспрадала; общій испугъ на дол-
 го останется у всѣхъ. Нельзя не по-
 впоиришь: мосты и мостики, дороги и
 дорожки проселочныя, большею частію,
 новыя не додѣланы, а старыя запущены.
 Кое-какъ доѣхали до деревни Машюшки-
 ной, принадлежащей моему поварищу,
 въ прекраснѣйшую погоду. Здѣсь кресъ-
 яне добрые люди, со слезами радости
 встрѣтили своего молодого барина; хотя
 не богаты, прешертивъ два раза пожаръ,
 но большую каменную церковь спроехъ
 при нѣкошорой помощи молодого барина.
 Проѣхавъ семь верстъ, вѣхали въ село
 Никольское, такъ же моего поварища; види-
 мо, что иго бурмиспра не шягошишь
 кресъяны: ошъ стараго до малаго и

женскій полъ въ нарядахъ, окружили своего помѣщика, и обвились около него, какъ дѣти около своего отца; говорили, разсуждали, имъ хорошо, дѣльно опившесивсвали, и душа моя была въ восторгѣ; шунъ любяшъ и бурмистра и шаросну, онъ шого, что изъ среды своихъ выбираюшъ лучшаго. Мы ночевали покойно, будучи счастливы, — счастлиемъ поселянъ; я вчужѣ радовался!

27-го Іюня. — Побѣда подъ Полтавою 1709 года; мы были у обѣдни, хорошо служили, были у бурмистра, чисно, и при сына женатыхъ, молодцы; заѣхали и въ другую деревню моего шоварища; поѣли и прямо въ Сарановъ; дорога хороша. Въ семь часовъ вечера были уже въ домъ, принадлежащемъ Губернатору на берегу Волги. Здѣсь заочно угостили насъ гостепріимный Алексѣй Давыдовичъ Панчулидзевъ, кошораго по С. Пешербургу знаю. Довольные, предались власшсна. Тушъ получилъ онъ кровныхъ писмо: здоровы, и другое — онъ молодой особы; второе роковое огорчило меня до слезъ; да будущъ счастливы всѣ досшойныя дѣвицы; мнѣ осталось ожидать очереди, Богъ и меня не оставишъ. Сарановъ

чистой городъ и много церквей; мы проѣхали почти весь, въѣзжая въ оный.

28 - го Іюня. Погода прекрасная; въ девять часовъ были у Губернатора, который принялъ чрезвычайно хорошо, пригласилъ обѣдать, и такъ какъ почта оплодилось разъ въ недѣлю, то мы поспоропились домой, написали письма, оправили; привѣзжалъ къ намъ благосклонный Губернаторъ въ два часа; вмѣстѣ поѣхали къ нему обѣдать; сполъ опличный по всему. Тутъ познакомился съ супругою его Екашериною Пешовною, привѣтливою дамою; увидѣлся съ давно - знакомыми, Екашериною Ивановною Рѣзановой, почтенною дѣвицею; съ дочерью покойнаго почтеннѣйшаго Сенагора Сушкова, Софьей Николаевной, которой красота наружная согласна съ красотою душевными: она за мужемъ за сыномъ Губернаторскимъ Александромъ Алексѣвичемъ, чувствующимъ цѣну своей супруги, опличной молодой матери; всѣ ее почитаютъ, и въ одинъ голосъ превозносятъ ея сердце, умъ, душу. Тутъ же свидѣлся съ Совѣстнымъ судьей Ив. Мих. Веденяпинымъ, точно честнымъ человѣкомъ; онъ мнѣ обрадовался; мы давно пріятели; онъ для своего мѣста созданъ. Всѣ опмѣнно учтивы,

зяшь хозяина живой; прїѣзжій Н. А. Норовъ, похожій на почтеннаго моего наставника Евграфа Пепровича Башурина, (*) съ прїятымъ просвѣщеніемъ человѣкъ; Предсѣдатель Уголовной Палаты Н. Л. Б. тихой. Послѣ обѣда сидѣлъ у нездороваго сына Губернаторскаго, съ которымъ по Пепербургу знакомъ: съ дошюинствами молодой человѣкъ; дома писалъ, въ девять часовъ ужинали — и день миновалъ. До полуночи, собрались градами шучи, блѣснули молніи, грянулъ громъ, при сильномъ вѣтрѣ и пошелъ ливнемъ дождь.

29 Іюня, Петра и Павла Апостоловъ; одѣлись, хошѣли насъ видѣть нѣкоторые чиновники, Голова градской и нѣсколько купцовъ, по виду и разговорамъ люди порядочные; жаль, что изъ купечества много старообрядцевъ, однако Губернаторъ и ими нахвалился не можешь, за то и его всѣ любяшь; вся полиція посѣшила насъ; слушали обѣдню въ Соборѣ: церковь хошя не изъ Ярославскихъ, но порядочна, особенно иконостасъ; — по окончаніи службы, поѣхали въ новоспрокущую церковь Пророка Іліи: прекрасная, живо-

(*) О подвигахъ его, можно читать въ Твердоши Духа Русскихъ.

писъ хороша, примѣшно и богатство; стѣны и плафонъ будущъ расписаны ал-фреско; съ часъ гуляли по городу чисно-му; жаръ несносный. Въ сіе время, по при-ходѣ домой, вручилъ мнѣ провіантскій чи-новникъ, въ Грузіи служащій, описаніе дороги отъ Моздока до Тифлиса; изрядно написано. Въ два часа повѣхали обѣдать къ Губернатору. Бесѣда съ хозяйкой бы-ла пріятна, шутъ были миловидныя осо-бы, обратившія мое вниманіе; о Софіи Николаевнѣ нечего и говорить, все въ ней достойно вниманія. Въ семь часовъ были уже мы въ театрѣ, и сіе невинное заня-тіе для города, не менѣе приписываютъ стараніямъ Губернатора. Театръ не ве-ликъ, но очень миленькой, если можно такъ сказать; освѣщенъ хорошо; ор-кестръ весьма хорошъ; играли Комедію, сочиненіе Князя А. А. Шаховскаго, *Своя семья*, не хуже Петербургскихъ Актеровъ; особенно Госпожа Грузинова вдова, укра-щеніемъ была бы и Петербургскому теа-тру, если не лучше, то ни чѣмъ не ху-же славной нашей Актрисы Рахмановой старухи; и молодая Грузинова не дурно играла; мушкетеры ошестали отъ Актрисъ. За Комедіей слѣдовала Опера *Плѣвецъ и Портной*, музыка Г. Гаво, тоже не дурно.

лучшенскія — Давидова, игравшая ролю сшарухи, и ошпшь вдова Грузинова; будучи доволенъ почти всѣми, долженъ сказать, что декламация у всѣхъ слаба, кромѣ вдовы Грузиновой. — Сущики прошекли въ пріятныхъ занятіяхъ.

30 Іюня. — Очень жарко, ѣздили осмашриванъ примѣчательное въ городѣ; больница въ самомъ лучшемъ порядкѣ, дай Богъ видѣшь вездѣ шже: Докшоръ Ренгольмъ, заботливый и всѣми хвалимый человекъ; богадѣльня для обоего пола прекрасна; сшаросшѣ имѣешь особое прибѣжище, и все это шруды Панчулидзева, шакъ какъ Соборъ и монастырь недоконченный, вскорѣ будешь тошовъ. Жаръ зашпавилъ бросишься въ Волгу, воды которой своими лобзаніями осшавляли здравіе на шѣлахъ нашихъ; обѣдали въ при часа у Губернашора, гулялъ въ саду его: хорошъ, но много еще денегъ нужно, чшобъ привести оный въ совершенство; ванна прекрасна. Концершъ, сосшавленный изъ людей его, при иносшранцѣ Казели виолончелистѣ, восхищаль; особенно сей послѣдній, подражая Ромбергу въ Русскихъ цѣсняхъ; всѣми весьма довольный, и знакомствомъ съ молодою, умною и любезною дамою Н. Н. Р. — ю.

1-го Юля. Цѣлое утро занимался писаніемъ; посѣтили насъ многіе, большаго чина люди мыслящіе; обѣдали у Губернатора, познакомился съ Французенкой Шпопъ, женою учителя музыки; собою не дурна, но образованіемъ подобна всѣмъ Французенкамъ: это первая по выѣздѣ изъ Пешрова - града встрѣча; какъ весело душѣ моей видѣнь однихъ Русскія лица, и славный, полный гармоническій, Русскій языкъ всюду слышенъ, не такъ какъ въ столицѣ: рѣдко даже въ среднихъ домахъ говорятъ на опечесивенномъ нарѣчій; по сіе время не выходяшь изъ жалкаго заблужденія, полагая воспитаніе въ знаніи многихъ языковъ! Забыли бѣдененькіе, что древніе Греки изучались одному своему языку во всю жизнь, и однимъ роднымъ нарѣчіемъ достигли во всѣхъ почти чинахъ совершенства, безсмертія; — Римляне, сверхъ своего языка, знали и Греческой; — а нынѣ, говоря на многихъ языкахъ, понушъ въ невѣжествѣ, и только изъ маленькихъ книжонокъ вытвердя кое-что, мечшаютъ обняшь всѣ познанія; горе! — Послѣ обѣда гуляли въ саду и поѣхали въ Театръ; играли *Одну Шалость*, нельзя сказать, чтобы хорошо; но и сего довольно; во время представле-

нiя мучилъ меня одинъ сосѣдь Французскимъ языкомъ; я ему опшвѣчалъ все по Русски; видя однако, что онъ не переспаешъ, принужденнымъ нашелся увѣрить его, что я сытъ и въ С. Петербургѣ опъ сего лепешанiя, и радѣхонекъ, что изрѣдка слышу говорящихъ на семь языкъ въ путешествiи; сосѣдь удивился, особенно, что я всю жизнь провелъ въ столице, въ кругу большомъ, а все остался любилелемъ Россiйскаго языка. По закатѣ солнца, благодатная Волга манила къ себѣ; повинаясь ея волѣ, бросился въ спруи ея и вышелъ здоровѣе.

2-го Юля. Спранно, однако случается въ свѣтѣ, что правда хопя и глаза колешъ, но бываешъ иногда причиною шѣсной дружбы, соединяешъ два сердца навсегда; первой разъ бывъ въ Сарашовскомъ театрѣ, замѣня въ ложѣ сидящую молодую даму, съ огромнымъ вѣромъ, примѣнно улыбнулся, потомъ усмѣшка обратилась въ шихой смѣхъ, потомъ пересказалъ мое замѣчанiе нѣкошорымъ дамамъ; онѣ передали прiятной дамѣ съ опахаломъ мои слова: что не должно обращать на себя вниманiе бабушкиными нарядами, особенно пригожей особѣ и проч. Она передъ ужиномъ подошла ко мнѣ, благодарила такъ умно, такъ

крошко и чистосердечно, что приведши меня въ краску, заполонила сердце, и доставила случай — бесѣдуя съ нею, познашь прямое не иноземное воспитаніе; я увидѣлъ въ ней то, что должно ожидать во всемъ нѣжномъ подлѣ: знаніе хорошо своего роднаго языка, начитанность полезнаго съ пріятнымъ, обращеніе благородное безъ кокетства; всѣ сіи качества, при добромъ сердцѣ, при пылкомъ съ кропосью умѣ, при наружныхъ прелестяхъ, соединенныя съ возвышенными чувствами, нехотя заставляють навсегда вспоминать сію особу, которая должна бы счастьемъ пользоваться, счастьемъ истиннымъ; но увѣ! всегда ли бывають достойныя награждаемы? И плакъ мудро ли, что вашъ покорный слуга, сидя за ужиномъ подлѣ сей любезной особы, сожалѣлъ, что завтра должно расстаться и съ Саратовымъ и можете быть долго не бесѣдовать столь пріятно, невинно и поучительно.

3-го Іюля. Рано всталъ, уложился, одѣлся по дорожному, сѣлъ къ окну, смотрѣлъ съ полными слезъ глазами на Волгу, думалъ много — особенно о счастьи земномъ; повторилъ сказанное къмѣ-шю: далеко отъ глазъ, далеко отъ сердца, и что печаль, тоска и грусть ложатся

очень близко къ сердцу; слезы тихо капались по полнымъ ланинамъ моимъ, я сама не знала причины; нисѣма ли, полученнымъ мною издалека заспавили горевашь, или что другое; но все равно, по крайней мѣрѣ я еще не разрывала кольца, связывающаго меня съ кругомъ счастья міра сего; чинашеть смѣешься, что сорокапяти лѣтній молодой человекъ разбѣжился и *селадонить*! Въ девятиомъ часу, товарищъ мой проснулся, экипажи гошовой, мы ихъ отправили вперёдъ, а сами пошли къ почтенному госпепринимному Губернатору, вмѣстѣ съ нимъ, его семействомъ, Норовымъ и интересною Н. Ив. Род., поѣхали званые къ его родствѣннику объѣдашь, чешырнадацать верстъ отъ Саратова. Богатый помѣщикъ М. А. Успенновъ, чѣмъ могъ, тѣмъ угостилъ; въ дорогу снабдили насъ, Губернаторъ и Успенновъ, хлѣбомъ, виномъ и плодами; между тѣмъ дождь лиль, громъ гремѣль, молніи блискали, дорога поршилась; распросхьясь со всѣми какъ съ родными, особенно съ прелюбезнѣйшею Н. И. Р...; и у неё, изъ *значительныхъ* глазъ капались горячія слезы; что же я дѣлала? просто плакала; и принесла чистую благодарность за все, всѣмъ и каждому, пустились въ путь, по

полудни въ восемь часовъ съ провожа-
нымъ, даннымъ Успиновымъ. Здѣсь дол-
гомъ пославляю упомянушь о сценѣ Фран-
цуза съ женою своею: пускай изъ сего
увидяшь чисташели, что такъ называемая
нація полированная имѣетъ также не-
досшатки, даже въ общежитіи. Когда
топовидись ѣхашъ изъ Сарацова, то мо-
лодая, недуренькая Французенка надѣ-
ла своей работы чепчикъ, который
былъ ей къ лицу; учивой мужъ и гувер-
нёръ, забывъ всякую благоприсойность,
шолько по своенравію своему, велѣлъ ей
снять оный; она, прося осшатся въ ономъ,
не снимала; любезный муженекъ сорвалъ
съ нее, вмѣстѣ со многими волосами; она,
расплаканная, рассказала не мнѣ одному,
но и всѣмъ; я его журилъ, говоря, что
у насъ сего не дѣлають, даже въ дере-
вняхъ; уговаривалъ бытъ примѣромъ кро-
шоспи для дѣшей, кои ему поручены; въ
противномъ случаѣ, онъ, лишась почтен-
наго дома, никогда не сыщеть другаго.
Ей далъ наставленіе, повиновашся су-
пругу и наряжашся по вкусу его, чтобы
шѣмъ прекрашнѣ распри, кои могутъ
имѣть послѣдствія для нея же непріят-
ныя; оба остались кажется мною доволь-
ны. Прощаніе съ обѣихъ сторонъ было

слезное; я во всю жизнь мою не забуду Сарашова: начиная съ Губернашора, его семейства, всѣми обласканъ, скажу утвердительно безъ лицемѣрія: нѣжной полъ надолго оставилъ впечатлѣніе въ сердце мое. Первая станція хороша, но вторая Толовка, при шемнотѣ ночной, дурныхъ моспахъ, (новые дѣлающся) и Нѣмцы колонисны ямщики, приводила меня въ ошчаіаніе; всю ночь не смыкалъ глазъ; пишался страхомъ, надеждою и упованіемъ на Бога. — Въ Сарашовѣ изъ дѣловыхъ людей не видѣлъ Вице-Губернашора Бибикова, и очень жалѣю, ибо всѣ, начиная ошъ Губернашора, не находяшъ досшойныхъ словъ восхваляли его.

4-го Іюля. — Воскресенье, въ семь часовъ утра, оспановились въ Каменкѣ, у колонисныхъ, спарухи Марьи Слепановны съ дурненькими внучками; напоила своимъ прежидкимъ кофеемъ; сверхъ денегъ, я далъ внучашамъ шесть персиковъ, а у насъ разбились семь бушылокъ съ бѣлымъ виномъ: это великая пошеря въ дорогѣ! До Камышина все спешъ; шущъ упросилъ насъ Городничій Будищевъ 2, бывшій мой каденъ въ Греческомъ Корпусѣ, угоспилъ обѣдомъ и пріятнымъ разговоромъ молодой своей супруги. Весело встрѣчалъ

благодарныхъ людей. Отъ Камышева до посада Дубовки степь; грустно! права желная! дорога — охъ! особливо ночью.

5 - го Юля. — въ Дубовкахъ, Полицмейстеръ Александръ Осиповичъ Ребиндеръ, своимъ обращеніемъ, госпепріимствомъ, прибрѣлъ нашу благодарность; дочь его видѣлъ въ Саратовѣ, хорошо воспитанную дѣвицу; мать сама образуетъ дѣтей; — поѣхали довольные; дождь, молніи, громъ и еще проливной дождь очень испортили дороги. Послали повара впередъ, въ Сарептѣ приготоновишь обѣдь; наше желаніе не выполнилось; по-то! человекъ предполагаешь, а Богъ располагаетъ; въ пять часовъ приѣхавъ въ Царицынъ, должны были остановиться у Городничаго Петра Ивановича Быкова, бывшаго моего кадеша въ первомъ Кадетскомъ Корпусѣ; душею радъ, увидя спараго своего насшавника; и мнѣ много пріятности для сердца; хорошо начальнику вести себя хорошо; даже взысканіе строгое, но справедливое, со временемъ приобрѣтаетъ благодарныхъ. — Рѣчка Царицына, отъ дождей, отъ прорванія плотины при мельницѣ, такъ разлилась, что пошопида берега, сшала быспра, и воспрешила ѣхать; и шушь молодой мой поварищъ хотѣлъ пе-

реѣхашь; я наспояшедьно говорилъ, что не поѣду, безъ нужды не хочу лишиться жизни; и Городничій, исполняя свою должность, не допуская ѣхашь, угостилъ насъ славнымъ обѣдомъ и покойнымъ ночлегомъ. Былъ въ раскольниковомъ молищенномъ домѣ; число, образовъ много, женской полъ завѣсой опдѣленъ; Евангеліе писанное. Въ присущивенномъ мѣспѣ видѣлъ карпузь ПЕТРА Великаго, копорый, опдавая дворянству Царицынскому, сказалъ: „какъ никто не смѣетъ снятъ съ меня карпузь, шакъ и вы останешесь на своемъ мѣспѣ.“ Видѣлъ дубинку сего же Императора, выше моего роста. Познакомился съ нѣкопорыми чиновниками и съ умнымъ Прошопопомъ. Послѣ прекрасной Русской бани, обѣдали въ девять часовъ вечера; въ одиннадцать были на свѣжемъ снѣ.

6-го Іюля. Переѣхавъ бурливую вчера рѣчку Царицыну, ниже сшущицы, сего ушра, вѣхали въ 10 часовъ въ Сарепту. Говоряшъ, что рѣчка Царицына получила названіе опъ Княжны Ташарской, копорая, принявъ Христіанскую вѣру, была, по приказанію опца своего, Хана, ушоплена въ сей рѣчкѣ. Вчера опъ разлитія, берега сей рѣчки сдѣлались крушы; сего дня, по

приказанію опличнаго Городничаго Быкова, исправлены. Дорога до Сарепты изрядна; городъ сей получилъ имя свое отъ рѣки Сарпы; дай Богъ видѣть иные и губернскіе города въ такой чистотѣ: точно *миленькой*, числѣ какъ на ладони; дома снаружи и снутри гордяща опрятствомъ, передъ домами возвышаются красивые попола. Мы остановились въ общественномъ прачширѣ; тутъ привѣщивоваль насъ общества Полицмейстеръ, молодой человекъ, говорящій хорошо по-Русски, съ краснѣйшими щеками, дышашій здоровьемъ, и предложилъ показати намъ заведенія. Пошли въ домъ Сесиръ, гдѣ болѣе старухъ; однако естѣ и молодыя, хорошенкія; онѣ всѣ съ семи часовъ утра до двѣнадцати прудятся, какъ дѣти; разные классы; надзирательница лѣтъ пятидесяти и болѣе, хорошая, привѣтливая женщина; послѣ обѣда опять, по колокольчику въ прудахъ; два раза въ сутки бывають на молиштвѣ; спальни ихъ очень чисты. Видѣли домъ Брашневъ: старики болѣе молодыхъ естѣ лѣтъ 80-ти, всѣ работаютъ по колокольчику какъ дѣти; спокойствіе почти на всѣхъ лицахъ, и улыбка полувеселая встрѣчаешь посѣщителя. Всѣ заведенія очень хороши, особенно гдѣ гостовашъ гор-

чицу; хозяинъ съ разумомъ челоѣкъ. Всѣхъ въ Сарептѣ съ женскимъ поломъ, считается не болѣе 400 душъ. Я радъ, что *система* ихъ правленія перемѣнилась, и что нынѣ каждый, еспли захочетъ, можетъ выбратьъ трудъ себѣ, жить особливѣ и не ходитъ за общественный споль. Грустно для челоѣчества не выходить изъ положенія дѣшества и не имѣть собственности. Горестно видѣть прекраснѣйшихъ, навсегда осужденныхъ носить воду, заниматься черною работою, и ходитъ босоногими, а другихъ въ лучшемъ положеніи; конечно нельзя обижаться, ибо жребій опредѣляетъ cadaго. Среди городка большой колодезь, откуда проведена вода во всѣ дома; у колодца видишь Калмыковъ, Ташаръ, Русскихъ, напоющихъ своихъ лошадей; мы познакомились съ первыми гражданами, одинъ былъ съ Георгіевскимъ крестомъ. Въ общественномъ магазинѣ, какъ сказывали, гораздо менѣе товаровъ прежняго; я купилъ сапоги за десяти рублей, за кошорые въ столицахъ заплашишь вдвое. Въ часъ обѣдали; въ сіе время посѣпилъ насъ Александръ Михайловичъ Мамышевъ, начальникъ караншина; просилъ ошановишься въ Аспрахани въ занимаемой имъ

кварширь; приняли предложеніе его съ благодарностію, шѣмъ болѣе, что онъ увѣрилъ насъ, что Аспраханъ не шопъ уже городъ, что бывалъ. Выѣхали изъ Сарепшы въ три часа съ половиною; дорога шидцать верстъ прегрязная; лѣтъ шестъ и болѣе не было шоль благословеннаго, дождливаго года. Всѣ приносятъ молебны ко Всевышнему. Далѣе дорога — шепъ, кое-гдѣ завидишь деревцо, какъ сирота расшущее; солнце ярко, печѣтъ неумолимо; орлы вспрѣчаютъ и провожаютъ, плаваютъ по воздуху десятками; ястребы шожѣ ошдѣльно летаютъ ошъ царей - пшицъ.

7-го Іюля. Провѣхали много станцій; при перемѣнѣ лошадей, шолько и видишь людей, а шѣ все шепъ и шоска; какое-то новое чувство торесши родилось въ душѣ моей; Волга иногда выказываетъ съ своими прелестями; казацкія спаницы чисны, и казаки молодцы, даже спарики.

8-го Іюля. Казанской Божіей Матери. Ошъ Сарепшы до Аспрахани почти чешыресѣа верстъ; вообще можно сказать, шепи, Творцемъ созданная, лучшая дорога, а прочія песчаная; съ покоренія Аспрахани, съ 1554 года, мало или совсѣмъ человѣческая рука ничего не

улучшила, и эшо горе для путешесствія. Съ Лебяжинской станціи, въ хорошую погоду, поѣхали, и сколько я ни уговаривалъ товарища моего, ѣхашъ по большой дорогѣ, онъ, находя удовольствіе смотрѣть на Волгу, воспоминалъ Прусской Куришгафъ, дорогу Шпрандъ, былъ веселъ, шутилъ надъ моею прусосостью; я не опивчая, ворчалъ, предвидя опасность, ѣхавши по рухлому песку, берегомъ Волги, съ правой же стороны крутые гористые пески. Разъ я сходилъ съ коляски, и еще удосповѣрился о предстоящей опасности; надо мною продолжалъ шутить неустрашимый товарищъ; между тѣмъ, опъ неосторожносш ямщика, два валька переломились; приѣхали другіе; ремень рессорный лопнулъ, перемѣнили; у кибешокъ два раза вальки ломались, эшого мало; наконецъ, видя пропасть подъ собою, или бышь въ Волгѣ утопленнымъ, или въѣзжая на крутизну песчаныхъ горъ, лишишься руки, ноги и жизни; и шо и другое находилъ бесполезнымъ; почему съ неудовольствіемъ выскочилъ изъ коляски; было уже семь часовъ по полудни, и до Дурновской казачей станціи оставалось пять верстъ; товарищъ мой послѣдовалъ мнѣ, выпрыгнулъ, а за нимъ и егеръ съ козель; кибешки поѣхали впередъ и на

крушизнѣ оспановились, переломавъ кое-что, а коляска помчалась, и всѣ чешыре лошади увязли до головы въ рухломъ пескѣ; коляска выше спущиць; въ это время, опть разныхъ чувспивъ, полились слезы у меня; поварищъ былъ въ ужасномъ положеніи; лице его измѣнилось, только и слышно — *ахъ, Боже мой! ахъ, Боже мой!* на Французскомъ языкѣ; поваръ и камердинеръ тоже восклицали по - Русски, а егеръ по - Нѣмецки; бѣда великая! вынули всё изъ коляски на песокъ. Волга волновалась, и какъ бы готовилась поглотить коляску и лошадей; я, возлегши на песокъ, облокотясь на сафьянную подушку, спалъ чишащъ *Памятникъ событій*, бывшій со мною; но что происходило въ душѣ моей, того мудрено описатьъ; молебны неслись къ Богу; милосердый, не разъ видимо спасавшій насъ во всю дорогу, при дурныхъ мостахъ, горахъ, паденіяхъ и рвахъ, вырытыхъ по дорогамъ, въ другихъ губерніяхъ, спасъ и шеперь. Камердинеръ Федоръ повхаль верхомъ въ Дурновскую спаницу, и — благодаря празднику Казанской Богоматери, казаки были дома, прискакали или лучше сказать ихъ нахлынуло болѣе пятидесяти съ Калмыками въ казачкомъ одѣяніи; выщипали прежде шрехъ лошадей

ямщики; чепверстную съ помощью казаковъ и коляску на себѣ. Мы прошли версту пѣшкомъ, сѣли и доспигли парома или лодокъ проплавъ Аспрахани; Волга въ семь мѣспѣ не шире версты; тихо мѣсяць освѣщаль насъ опѣ Дурновской спаницы, гдѣ дали намъ казака провожаемымъ, а Ашаманъ Скворцовъ, на встрѣчу намъ ѣхавшій, приказаль проводить до мѣста; пробило одиннадцать часовъ; небо звѣздами смопрѣло на насъ и луна свѣшила еще, хопя дымчашья облака изрѣдка носились надъ небосклономъ. Калмыки хорошо перевезли насъ; и мы на берегу Аспрахани; перекрестился; пробило полночь, темненько, привели лошадей, поѣхали, и безъ всякаго приключенія оспановились въ квартирѣ Мамышева, освѣщенной восковыми свѣчами, и чистю; тушь поваръ приготовиль намъ супъ и яичницу; поѣли и легли спать на хорошихъ диванахъ, прежде принеся Богу благодареніе за спасеніе. Хозяйка дома, Аксиныя Христофоровна Горбунова — Армянка.

9-го Юля. Мы еще спали, пріѣзжали Предсѣдатель Палаты, въ должностни Губернашора, Полицмейстеръ, и Вицъ-Губернашоръ; едва опили кофе, опянь явились, поговорили, уѣхали. Сынъ хо-

зайки привѣсповалъ насъ именемъ ма-
тушки своей и просилъ на завтракъ. Въ
полдень, я одинъ вошелъ къ хозяйкѣ, и
нашелъ пріятную, умную, и по-Русски хо-
рошо говорящую женщину, и есъли бы
она сама не сказала что ей 53 года, что
имѣла 18 дѣшей, то можно не болѣе ей
дашь какъ придцашъ пянь лѣшь: хороша,
мила и безъ всякихъ припираній. Вскорѣ
и поварищъ мой молодецъ явился; Лукул-
ловъ завтракъ приглашалъ къ себѣ: по-
ѣли, благодарили, разсуждали, спорили;
хозяйка любезна, мужа не видѣли. Дрож-
ки гошovy Мамышева; однако мы пошли
пѣшкомъ и осмопрѣли госпиные дворы:
старый, новый Персидскіе, хороши; но
не такъ - то чисты; въ каждой лавкѣ
кухня; Индѣйской, гдѣ познакомились съ
Индѣйскимъ богачемъ, слишкомъ двадцашъ
лѣшь шущъ живущимъ: Собра Бонда-
совъ, почтенный человекъ и лице предо-
брое: сидѣли у него, конфекшы ѣли, но
нельзя похвалишь нечистоту кухни и за-
маранаго повара; спальня, госпиная, спо-
ловая и передняя одинъ и шопъ же по-
кой, а подлѣ кухня. Были у Хивинцовъ,
гдѣ ужасно нечисто и по десяти вмѣстѣ
снпашъ; ошъ дурнаго запаха мы скоро вы-
шли; шущъ видѣли лежебоковъ, ихъ му-

чениковъ безобразныхъ, прошивныхъ взору, ничего не дѣлающихъ, курящихъ кальяны, ѣдящихъ что бросая ихъ, часто улыбающихся, и кажешься за грѣхъ поспѣвляющихъ умываться: гадко смотрѣть! Домой пришли по другой улицѣ и по каналу, успроенному болѣе нежели на двѣ версты, соединяющимъ Волгу съ Кушомою, Грекомъ Варваціемъ; сей каналъ есть первое и послѣднее украшеніе и гулянье Аспрахани, и Высочайшимъ Указомъ Императора Александра Павловича на все времена названъ Варваціевымъ. Сей же почтенный Грекъ выстроилъ прекрасную колокольню. Аспраханъ не мощена; въ сухую погоду пыль поднимается, какой я никогда не видывалъ, а въ дожди непроходимая грязь. Армянки ходящъ по улицамъ въ бѣлыхъ покрывалахъ съ головы до ногъ, похожи на привидѣнія или на Веспалокъ шеапральныхъ, страшны и смѣшны. Я еще не видѣлъ хорошихъ. Полицмейстеръ утверждалъ, что разныхъ народовъ счисляется въ Аспрахани болѣе сорока тысячъ обоюдо пола и семнадцать націй. (*) Обѣдали дома; въ семь часовъ,

(*) При семь прилагаю принесенную мнѣ записку Полицмейстеромъ: 1820-го года — въ губернскомъ городѣ Аспрахани:

по приглашенію видѣли службу Индѣйцевъ
идолопоклонниковъ; насъ ввели въ кро-
шечный садикъ, посадили на лавки, по-
крытыя коврами; старикъ Собра-Бонда-
совъ и лѣпообразный племянникъ его по-
дали намъ цвѣтвъ; чрезъ полчаса, по

2.825,000 Квадратныхъ сажень земли подъ городомъ.

110 Улицъ.

3 Часни.

9 Кваршаловъ.

21 Каменная церковь.

7 Деревянныхъ церквей.

5 Монастырей.

1 Пустыня.

2 Старообрядскихъ часовень.

14 Ташарскихъ мечетей.

152 Каменныхъ домовъ.

3818 Деревянныхъ домовъ.

352 Духовныхъ Россіянъ.

2 Духовныхъ Люшеранина.

6 Духовныхъ Кашоликовъ.

72 Духовныхъ Армянъ.

77 Духовныхъ Ташаръ.

120 Военно-служащихъ Штабъ- и Оберъ-офи-
церовъ.

443 Штабскихъ Штабъ- и Оберъ-офицеровъ.

51 Дворянъ.

1469 Нижнихъ чиновъ.

401 Приказныхъ и опещавныхъ нижнихъ слу-
жителей.

14 Присяжныхъ.

678 Асраханскихъ купцовъ.

звонку, насъ просили выдши, повели въ прешій эшажъ огромнаго каменнаго дома; вошедъ въ маленькой покой, половина коего на поларшина возвышена и покрыта коврами; намъ двумъ подали спулья; мы чинно сѣли, не говоря ни слова и не улыбаясь;

-
- 59 Иностранныхъ купцовъ.
 - 4748 Астраханскихъ мѣщанъ.
 - 119 Иностранныхъ мѣщанъ.
 - 406 Дворовыхъ помѣщичьихъ крестьянъ.
 - 536 Астраханскаго уѣзда крестьянъ.
 - 451 Иногороднихъ крестьянъ.
 - 2587 Армянъ.
 - 35 Лютеранъ.
 - 173 Грузинъ.
 - 12 Грековъ.
 - 123 Кашоликовъ.
 - 1522 Ташаръ.
 - 378 Персiанъ.
 - 58 Индѣйцовъ.
 - 154 Хивинцовъ.
 - 60 Трухменцовъ.
 - 32 Бухарцовъ.
 - 7 Ташаръ, новокрещенныхъ казеннаго вѣдомства.
 - 1 Калмыкъ новокрещенный казеннаго вѣдомства.
 - 172 Ремесленника и ювелира.
 - 6896 Сходцовъ изъ верховыхъ городовъ.
 - 25067 Жишелей мужеска пола.
 - 15214 Женска пола.
 - 14 Трубъ пожарныхъ.

шупъ же сшояли у возвышенія Конно-Егерскаго полка Маіоръ Ипаліанецъ Графъ.... и какая-то несносная Француженка, содержашельница пансіона, вышедшая здѣсь замужъ и какія-то другія дамы; всѣ онѣ безпресшанно говорили, смѣялись и мечшая, что мы не понимаемъ по-Французски, гуляли на нашъ счетъ, взирая на наши смиренныя лица, и чтобы болѣе досадишь, сшали передъ нами; мы будшо не замѣчая, оподвинулись: тогда одна молоденькая шепнула несносной Француженкѣ, и мы спокойно смопрѣли и слушали службу. Явился жрецъ въ красной шапкѣ или колпакѣ, въ замаранной толстой рубашкѣ, и въ шакомъ же нижнемъ плашѣ, босоногъ, спалъ къ присшавденному

-
- 12 Лошадей полицейскихъ.
 - 12 Чиновниковъ полицейскихъ.
 - 72 Нижнихъ служителей.
 - 106,000 р. городского дохода.
 - 43 Арестанта мужеска пола.
 - 7 Женщинъ арестаншогъ.
 - 26 Казармъ каменныхъ и деревянныхъ для военныхъ конюшенъ, для кавалеріи иѣтъ.
 - 1 Смирительный домъ.
 - 7 Богоугодныхъ заведеній.
 - 131 Фабрикъ и заводовъ.
 - 17 Мостовъ деревянныхъ.
 - 3 Трактира въ городѣ.
 - 31 Пишешныхъ домовъ.

къ спѣнѣ, родъ ковчегу спереди отккрытому, наполненному уродливыми мешаллическими идолами, изображающими людей, рыбъ, змѣй и разныхъ гадовъ, засвѣшилъ при маленькія восковыя свѣчи, прилѣпилъ одну къ вершинѣ ковчегу и двѣ по бокамъ; взявъ пригошовленную курильницу съ благовоніемъ, при раза обводилъ ковчегъ, родъ шкапа: глубиною, шириною и высокою не болѣе аршина, при же раза пепель изъ курильницы высыпалъ въ посшавленную на полу шарелку; пошомъ взялъ двѣ губки, напоенныя одна масломъ, другая водою, каждую губку обводилъ при раза около ковчегу, и каждую при раза же выжималъ въ шу же шарелку; съ лѣвой спороны ковчегу свѣшилась лампадка и нѣсколько свѣчь желшаго воска пеплились внупри ковчегу передъ уродливыми идолами; на правой споронѣ ковчегу, къ потолоку прикрѣплены при небольшихъ колокола. Неболѣе десяти Индѣйцевъ были при служеніи, всѣ въ шапкахъ и босоноги. Во все время служенія, продолжавшагося съ часъ, священникъ звонилъ лѣвою рукою въ колокольчикъ, а правою обводилъ около ковчегу и пѣлъ со всѣми двѣ ношы, слово *Рамъ, Рамъ, Рамъ* (Богъ), шолько мы удержали въ памяши, а прочія слова не

могу вспомнить; другіе звонили въ родъ каштаньешъ, одинъ не игралъ, а скрипѣлъ на скрипкѣ или гудкѣ шѣ же двѣ ношы, и безъ-успали звонили въ при вышесказанные колокола. Подобной скуки въ жизнь свою не ощущалъ; глаза, уши и обоняніе ужасно спрадали; однако знаки всѣхъ руками крестообразны, и что Жрецъ всегда три раза обводилъ и поклоны земные, дѣлаемые ими три раза какъ будто увѣряющъ меня, что и Индѣйцы по своему чшупъ проіспвенное число; но всего прошивнѣе показалось мнѣ, что по окончаніи службы, неопряшный жрецъ давалъ каждому по маленькому кусочку дыни, изрѣзанной на блюдѣ, поставленномъ съ правой стороны у ковчегу на полу, и пошомъ давалъ запивашъ золу и изъ двухъ глубокихъ выжашую жидкосшъ. Мы принесли имъ свою благодарносшъ; они были очень довольны и насаказали намъ много пріятностей на Русскомъ языкѣ. На дворѣ уже было шемненько; но мы побѣхали по улицамъ, гдѣ нѣшъ ни одного фонаря и ни одной будки, исключая по каналу пашъ, шесшъ, построенныхъ Варваціемъ. Меня увѣряли, что въ шемныя ночи много бываешъ шалосшей и безпорядковъ, и пошому собакъ вездѣ множесшво, и я въ

жизнь свою не слыхаль сполько собачьяго лаю и вою, сколько здѣсь при въѣздѣ нашемъ и во всѣ дни пребыванія въ Аспрахани. Въ девять часовъ были дома, и передъ ужиномъ въ неопряшной банѣ мылись; помолясь, легли спать. Цѣлая супки былъ несстерпимый жаръ.

10-Юля. Въ восемь часовъ вспали, и хотя очень жарко, но должны были писать; были у насъ кое-кто. Съ пяти до семи гуляли; какъ будто въ Африкѣ, зной; въ восемь обѣдали; замѣчашельно въ Аспрахани, что лѣтомъ, почти во всѣхъ домахъ окна цѣлая супки заперты ставнями, отъ жару, мошекъ, мухъ и комаровъ, и у большей части домовъ, у оконъ снаружи приделаны желѣзные рѣшетки; хотя будокъ нѣтъ, но у множества домовъ, коихъ считаеся съ лачужками около четырехъ тысячъ, споятъ ночные спражи разныхъ націй и перекликающа; папрули видны по улицамъ. Всѣ почти дома имѣютъ лавки, даже въ Губернапорскомъ весь нижній этажъ въ лавкахъ; мы всходили на Варваціеву колокольню Собора: виды прекрасные! Легли упомянутые рано, но отъ жару долго спать не могли.

11-го Юля. Воскресенье, съ трехъ часовъ до полуночи, дилъ дождь и при-

билъ пыль; за то стало грязно; въ шестъ часовъ всшали, и пошороились въ крепкую церковь къ обѣдни, гдѣ службу совершалъ Архіепископъ Гаій, болѣе восьмидесяти лѣтъ, но еще бодръ и благообразенъ. Послѣ обѣдни почтенный спарець пригласилъ насъ къ себѣ, подчивалъ, но мы благодарили: еще восемь часовъ ушра было; глаголь умнаго свяаго мужа кронокъ, убѣдигелень, просшь, ошкровенень; дай-шо Богъ, чшобъ всѣ Архіереи неслись сполько о вѣрѣ, благолѣпїи Церкви и о ввѣренномъ спадѣ. Мы у него видѣли поршпрешы всѣхъ Епископовъ и Архіепископовъ, бывшихъ въ Аспрахани: писаны даже хорошо, во весь ростъ безъ уменьшенїя природы; по его приказанїю, показывали намъ ризницу; досшовѣрно могу сказать, чшо подобной нигдѣ не видѣлъ, по богатству и множеству. Въ Успенскомъ Соборѣ, Царскїя двери кованаго серебра много - ошоятія, пожертвованы первоспашейнымъ купцомъ Сапсжниковымъ, единственно изъ преданности къ Архіепископу Гаїю — прекрасны, и вся церковь красива и необыкновенной Архитектуры; спо двадцать лѣтъ какъ вновь выстроена. Были у Коменданша, Генераль - Маїора, 82-хъ лѣшняго Дельпоцо, кошораго я не видѣлъ

около приддаци лѣвъ; живой сшарець, память какъ у молодого, разговоръ быспрый и умный! Были въ Каполической церкви, гдѣ много Армянъ и Армянокъ; чинно происходила служба и чинно всѣ внемлютъ, не шакъ какъ въ сшоплицѣ. Одиннадцать часовъ ушра и небо прояснилось, показалось солнце, не шакъ жарко, и улицы со скоростію высыхаютъ. Мы дома: я въ задумчивости пишу; шоварищъ мой шже занятъ; въ эшо время, доложась, вошелъ имянишый богатшйшій купецъ Сапожниковъ, въ гарнишуровомъ голубомъ Русскомъ безъ кушака кафшанѣ, съ двумя золошыми медалями на груди, обложенными крупными бриліаншами, росшомъ великъ, сѣдовласъ, съ большою сѣдою жъ бородою, вся наружность привлекательна и значительна, масшерище говоритъ, и шонко судитъ, довольно начинанъ; но шакъ какъ я обратился разговоръ на расколы, онъ съ кротостію защищалъ Сшарообладцевъ, никогда не упоминая слово раскольникъ; я ему совѣшовалъ прочесть *Камень соблазна*, *Минятія*; онъ съ благодарностію взялъ записку; очень доволенъ былъ мною, когда я опдавалъ справедливостъ, хвалилъ жену меньшого его сына, кошорой онъ еще не видалъ, а я по Пешербургу знаю.

Просиль къ себѣ, и мы распались. Аспраханская рыбная торговля въ рукахъ нѣсколькихъ богачей; рыба здѣсь, какъ говоряшь, въ рошъ сама идетъ. Гуляли по грязнѣйшимъ улицамъ; жалко смотрѣвъ на лачужки, въ такомъ городѣ, гдѣ бы должно всему процвѣшашъ. Ермоловъ еще не былъ здѣсь: Грузія его занимаетъ. Обѣдали въ прешнемъ часу, много говорили; поварищъ мой не хвалищъ меня, что я всѣмъ правду говорю; что дѣлашь? но мнѣ поздно пересшашъ испиною руководитъся. Въ пящъ часовъ прибыль Дельпоцо; разумный сшарикъ: чего онъ намъ не рассказываль! Въ шестъ часовъ пришелъ ко мнѣ С. С. Лашкаревъ, хорошій человекъ, что женашъ на Лазаревой племянницѣ, и я оставивъ товарища, пошелъ къ нему, возобновиль знакомство съ женою его; познакомился съ дѣвицами Ивановыми, богатыми, умными, любезными, оспрыми; другой разъ по выѣздѣ изъ Пешербурга пиль чай, шо есть чрезъ 40 дней! Въ девашъ дома съ перомъ въ рукахъ — и день кончился.

12-го Юля. Ушро проведено въ писани и гуляни; съ Лашкаревымъ ѣздили къ Сапожникову; проливной дождъ; и мы въ каретѣ его пробхали званые обѣдашъ къ Коменданшу Дельпоцо. Сшарикъ радъ былъ,

предспавиль насъ своей родспвенницѣ, тушь много объдало чиновниковъ Аспраханскихъ: разговоръ продолжался, до объда начашый о злоупотребленіяхъ по губерніямъ, о чиновникахъ скоро богатыми дѣлающихся, коша Философскаго камня не нашли; горбашыхъ единая могила исправиль! Діогенъ давно сказалъ, что воришковъ ворами называють, а воры первошпашейные разумниками именуются; и что большіе воры осуждаютъ и ведутъ на казнь воришковъ. Вздохнешъ и вспомнишь Анахарсиса, кошорой уподоблялъ Солоновы законы паушинѣ: большая муха прорветъ сѣшь и пролепиль, а маленькая запущается и оспається на сѣденіе пауку. — Поблагодаря хозяина за угощеніе, пошелъ къ Лашкареву, гдѣ нѣжный полъ очень любезенъ: крошокъ и съ хорошимъ воспитаніемъ, особенно двѣ сесприцы, хозяйки. Дома въ занятіяхъ: гошовимся въ Тифлисъ.

13-го Іюля, въ пять часовъ проснулся; хотѣлъ кончить письма, не удалось; я за перо, а Сапожниковъ съ сыномъ и зячемъ въ дверь; Дельноцо шакъ же пріѣхаль, поварищъ мой пробудился, и мы поѣхали на Учугъ Чаганскій, К. А. Б. Кур. на рѣкѣ Чаганѣ, впадающей въ Волгу; дороги, осо-

бенно въ карешахъ, нѣсколько верстъ нельзя похвалишь; пересѣли въ кашерь большой, рѣка волновалась, не люблю; подняли паруса, кашерь быспро разсѣкалъ волны; гребцы хощя Калмыки, но одинъ другаго молодцовашѣ; прїѣхали на Учуги, позавшпракали на берегу, сѣли опяшь въ кашерь, чшобъ ближе осмошрѣшь ловлю осешровъ и севрюги. Заколы, подобно какъ на Невѣ для ряпушекъ, но крѣпче; болѣе 200 поймали, менѣе часу; лодочекъ было съ пшѣдесять, въ каждой по два человѣка, во многихъ женщины, дѣвушки, даже дѣши, и всѣ въ родѣ вуалей, опъ солнца и насѣкомыхъ, въ перчашкахъ; искусно и проворно, ударяють рыбу вынырнувшую, деревяннымъ молошкомъ въ голову, она скроешся и опяшь выныриешъ, ее багрять и шашашъ въ лодку. Признаюсь, предъ прочими охошами, эша мнѣ болѣе понравилась. Весело и прїяшно смошрѣшь. Иныя лодочки поймали по семи и болѣе, получають плашы за каждую бѣлугу 2 руб. 55 копѣекъ, за осешра рубль пшѣдесять копѣекъ, за севрюгу полпину; при насъ не было лову бѣлугъ: не то время; въ удовольствіе наше ошановили охошу, и всѣ лодочки причалили къ берегу къ выстроенымъ анбарамъ; со скоросшію вшацили

ихъ, съ искусствомъ и проворствомъ распластали, отдѣляя икру, клей, вязигу, солили; при насъ паисную икру въ десять минутъ приготовили, и два мѣшка подарили. Справедливо скажу: порядокъ, почтоспъ, шишина — соблюдены, что доказываетъ знаніе своего дѣла, сына старшаго Сапожникова, который сохраняетъ бороду; но жаль, что въ *сюртукъ*, а не въ Русскомъ кафтанѣ; въ немъ виденъ человекъ начищенный, имѣетъ даръ глагола и машемашическую ясность въ мысляхъ. Обѣдъ, данный Гг. Сапожниковыми, хотѣ бы въ С. Пешербургѣ въ первѣйшемъ домѣ, по всѣмъ отношеніямъ; и услуга, и чистота отличны. Принесли нашу благодарноспъ, поѣхали въ Аспраханъ, куда въ семь часовъ прибыли, кончили свои письма; одѣлись по бальному и въ девять часовъ были уже у Лашкаревыхъ и Ивановыхъ. Тутъ было болѣе сорока Армянокъ; почти всѣ хорошенькія, много въ національныхъ платьяхъ, и безъ перчатокъ, и пальцы унизаны бридіаншовыми перстнями, что очень не нравишся; головы хорошо убраны; а что всего лучше — у всѣхъ почти глаза огнемъ наполненные, черные, и всѣ малорѣчивы, сшылдывы, что болѣе привлекаетъ сердца; танцуютъ

большею частію прелестно, исключая Армянской пляски, которой молоденькія не любящъ, моношонна или единообразна и скучна; но ли дѣло наша Русская пляска единая въ мірѣ, и всѣ Французскія, Нѣмецкія, Испаліянскія, Англійскія и проч. должны преклонить колѣна предъ Русскою, говорящею пляскою! Товарищъ мой танцевалъ безъ устали, и всѣ полюбили его, и вашъ покорный слуга съ первою красавицею, вдовушкой двадцати - лѣтней М. М. урожд. Г., съ премилыми дѣвицами С. М. И., С. Я. Б. и съ другими. Русскія, бывшія тутъ, должны были уступитъ преимуществу въ красотѣ Армянкамъ. Музыканты играли безъ нощъ до чепырехъ часовъ, и очень не дурно. Ужинъ прекрасный, во время котораго, я упросилъ многихъ снять перстни и оставить старый обычай, носить перчатки; кажется, съ благодарностію приняли мой совѣтъ, и шѣмъ доказали свою кротость.

14-го Іюля. — Въ пятомъ часу ушра, распростяся со всѣми бывшими на балѣ, поѣхали домой; переодѣвшись, сѣли въ шлюбку, и въ шесть часовъ перѣѣхавъ Волгу, оставили Асѣраханъ. Экипажи перезезены были на паромъ, насъ провожали: Лашкаревъ Сергѣй Сергѣевичъ, Князь Да-

выдѣ Меликшановъ, сынъ госпепріимной хозяйки — Горбуновъ, и другіе, снабдили винами и разными съѣстными припасами.

15-го. Въ Кумской станціи, почтовой домъ дурень, конюшень нѣтъ, жалко смопрѣть на лошадей, однако почти всѣ хороши; ѣхали шочно Ливійскими полями или степями: зной солнечный, раскаленный песокъ, и вокругъ, кромѣ обгорѣлой травы, ни чего не видно; въ одиннадцать часовъ на станціи Бѣлое озеро; только и видишь людей при перемѣнѣ лошадей, и какую нибудь встрѣпишь спарую женщину; тамъ и сямъ пасущся верблюды. Калмыки и ужасно нечислыя ихъ кибитки обратили со вздохомъ мое вниманіе. Въ каждой кибиткѣ посреди уголья, и мефипическій воздухъ, съ дымомъ, не пріятенъ и глазамъ и обонянію, дѣши закопѣлыя отъ дыму и солнца, не похожи на людей, шочно головешки, — дѣвушки и немаленькія, безъ покроя, какъ мать природа произвела на свѣтъ; грустно и душѣ больно; я съ ними говорилъ, подходилъ близко, и уговаривалъ жишь въ избахъ; на меня смопрѣли, ни чего не отвѣчая. Ямщики, не смопря что Калмыки, молодцы. Степь разнообразна и воды — солончаки; мы по головой соли ѣхали, ходили, и я

лилъ слезы отъ благодарныхъ чувствъ къ Богу; какъ все это приближаетъ къ истинному почитанію Промысла; шутъ же какъ бы нарочно, для утѣшенія человѣческаго, летаютъ или по солончакамъ *елуно*, *гордо* гуляютъ бабы *пищицы*, лебеди *осанисто*, фламаны красиво, гуси и ушки просто; если бы время, сколько сравненій можно написать. Всѣ сіи *пищицы* не приспугны по дикости своей; лишь взвизывая человѣка, ужь подъ облаками, а люди спесивые видяшъ, да не хощашъ видѣшъ себѣ подобнаго. Въ шестомъ часу по полудни, оставили за собою Аспраханскую губернію въ Худоцкой станціи и въѣхали въ Кавказскую. Отъ С. Пешербурга, родныхъ и любезныхъ далеко, далеко! До сихъ поръ проѣхавъ болѣе тысячи верстъ степями, долженъ признаться, что или за наказаніе, или изъ нужды, или по службѣ, или изъ прямой любви къ отечеству, можно предпринять столь трудное путешествіе; однако если кто готовитъ себя быть полезнымъ отечеству, особенно родясь на высокой степени, тотъ неоспоримо долженъ знать свою родину не по Географіямъ, а самому видѣшъ, судишъ и достигнувъ званія дѣловца Государственнаго, извлекашъ пользу изъ каждой губер-

ни; таковой чиновникъ заботился о на-
зиданіи истиннаго счастія соотечичей, о
благѣ великаго Россійскаго народа.

16-го Іюля. — Всю ночь въ дорогѣ, въ
шестъ часовъ утра на развалившейся стан-
ціи Горшкинской, въ девять въ Адхихан-
ской, гдѣ смотритель почты напугалъ
насъ о опасности дороги, что вчера къ
нему вошли четверо вооруженныхъ Персі-
янь, что хотѣли заколотъ, и что онъ съ
Татарами, своими ямщиками, попалъ на
злодѣевъ, опиялъ у одного ружье, кото-
рое и показывалъ намъ, а прочіе де раз-
бѣжались; правду сказать, въ снѣгахъ,
горахъ и въ глуши, слыша подобные раз-
говоры, родятся незабавныя мысли; впро-
чемъ на меня, не шакъ-то храбраго, ни-
какого вліянія не сдѣлало, а на товарища
моего и менѣ того. Богъ даетъ крѣпость
душевную и слабымъ духомъ, когда пред-
стоитъ опасность; мы доѣхали счастли-
во до станціи Бороздинской. Съ сей стан-
ціи въ первой разѣ, шестью козаками бы-
ли сопровождаемы; съ конвоемъ безопас-
нѣе и даже *веселье*; однако у меня, какое-
то новое чувство родилось, въ опечесивѣ
своемъ — и не быть безъ страха! Что дѣ-
лалъ, сосѣди дикари неутомонные: Чечен-
цы, Персіяне, Кабардинцы, Лезгинцы и

другіе. Переѣхали на паромахъ двѣ рѣки Прорву и Борозду, впадающихъ въ Терекъ. Въ четвертомъ часу по полудни, при множествѣ провожашихъ, вѣхали въ Кизляръ; остановились въ домѣ богатаго Армянина Ломизова, по письму С. С. Лашкарева, которому онъ родственникъ; жарко и вѣпрено, дорога не слишкомъ хороша, особенно одна яма, лошади по морду въ грязи; по моей просьбѣ, въ два часа зарыли яму, и благословенія неслись на главу мою, особенно бѣдняками. Кизляръ городъ деревянный, садовъ виноградныхъ много; завтра напишу болѣе; только что опобѣдали въ семь часовъ и кинулись на солону, крайне упомянутые отъ дороги и жару.

17-го Іюля. Вчера осмошрѣли все; жителей мужескаго пола около 4000; Армянъ 2500, Грузиновъ болѣе 400, Русскихъ 41 человекъ, есть еще разные пришельцы. Церкви изрядныя, а Соборная Армянская — недоконченная, дорогá и будущее хороша; сѣна положена болѣе трехъ-сотъ тысячъ рублей, и большая часть денегъ нашего госпепріимнаго-хозяина Ломизова, который, по наружному одѣянію своему, не общаетъ своего богатства, чужды свѣпскихъ учпивостей. Осмапривая крѣпость,

взглянулъ на арестаншовъ закованныхъ, присланныхъ Ермоловымъ; двое изъ оныхъ шакъ ужасно посмопрѣли на меня, казалось, что кинжалъ убійственный въ груди моей. Комендантъ имѣеть обширные виноградные сады; Городничій Швецовъ очень хорошій молодой человѣкъ, былъ и таможенный начальникъ. Въ семь часовъ ушра сопровождаемые шестью козаками выѣхали изъ Кизляра. Богъ вселилъ покой въ душу мою; шесть станцій до Наура, болѣе 150 верстъ, по палящимъ степямъ; тако-го жару не ощущалъ никогда; ѣли два раза подь огненнымъ солнцемъ на знойномъ пескѣ. Вода вездѣ дурная; въ послѣдней станціи домики, а въ пяти предъидущихъ небо и песокъ. На послѣднюю пріѣхали въ десять часовъ вечера, очень было темно; шупль совѣшовали не ѣхать и что ни кто не ѣздишь хопя и съ конвоемъ; и мнѣ не хотѣлось, но поварищъ мой убѣдилъ меня, и шѣмъ болѣе я рѣшился, что ямщики Ташары пугали, а Русскіе, смѣясь намъ ними, опасности не предвидѣли; перекрестясь усердно, поѣхали, однако конвой былъ увеличенъ. Опасностей конечно много, но — должно Рускому дворянству имѣть понятіе обо всемъ, чтобы въ послѣдствіи умѣть разсуждать.

18-го Іюля. Въ часъ по полуночи прѣ-
хали въ Науръ, остановились въ казенномъ
домѣ, поѣли супу и легли спать на матра-
сахъ, принадлежащихъ кварширующему
шутъ Подполковнику Петрову, Команди-
ру Моздокскаго козачьяго полка; въ сіе
время онъ былъ съ женою на Кислыхъ во-
дахъ. Въ восемь часовъ были уже одѣты, и
насъ посѣтилъ Подполковникъ Поповъ, Ко-
мандиръ 19-го Егерскаго полка и Коман-
дантъ Наурскій. Когда, по его желанію, вру-
чилъ я ему записку о себѣ, онъ съ радо-
стнымъ лицомъ привѣщивалъ меня и
между прочимъ говорилъ: „я васъ знаю, вы
„истинный патриотъ, я ваши труды съ удо-
„вольствіемъ читаю, читаю и буду читать;
„вы вашимъ перомъ воспламеняете любовь
„ошечество и Государя своего.“ Я кра-
сивѣль; но пріятнѣе было слышать похвалы
на *линіи*, нежели въ С. Пецербургѣ. Тамъ
у насъ *мода* дѣйствуетъ на все и на умы,
знанія и даже на поведеніе; здѣсь большею
частью правдою руководствуясь — и
ложь мало извѣстна. Церковь одна, жишелей
1500. Въ одиннадцатомъ часу, поблагодаря
за ночлегъ, пустились далѣе и проѣхавъ бы-
спро съ молодцами, Моздокскими козаками
57 верстъ, при благопріятной погодѣ до-
стигли давножелаемаго Моздока, и что жъ

увидѣли? Деревянные домики, мазанки, почти всѣ соломою крытые, семь церквей очень небогатыхъ. Комендантъ Кошыревъ больной поставилъ намъ караулъ, что было и въ Науръ. Мы пошли по городу, доходили до Терека, быспрѣйшей и прешумной рѣки; въ семь часовъ обѣдали хорошо, въ домѣ Ерловой. Купивъ соломы дорогою цѣною, ходили еще по городу; мало встрѣчали, а женщины ни одной; многія изъ нихъ выглядывали изъ домиковъ своихъ; но лишь взглянуть, тотчасъ скроются. Большая часть мужчинъ поѣхали на Макарьевскую ярманку, а потому жены ихъ, мащери и дочери сидѣли или дома или въ своихъ садикахъ, и единообразно проводя въ время. Въ десятомъ часу мы легли спать.

19-го Юля. Понедѣльникъ. Комендантъ Кошыревъ говорилъ, что, безъ военныхъ, 7000 жителей въ Моздокъ, Армяны болѣе всего, а Россіянъ менѣе; путь живутъ Осетинцы, Грузинцы, Кабардинцы, Чеченцы и Капхолики - Армяне. Чеченцы нынѣ такъ усмирены почтеннымъ Ермоловымъ, что нанимаются возить хлѣбъ Рускимъ опісюда въ Тифлисъ и на линію, но всегда странно вооружены, и всегда провожаютъ ихъ какъ дѣшей, чтобы не напали-

ли дорогою, команда, хорошо вооруженная, съ пушками и съ зажженнымъ фишидемъ. Прибавить должно, что мы ѣхали отъ злодѣевъ Чеченцовъ, отъ бо до 20 верстъ близости, но ничего не случилось. Дорога отъ Наура до Моздока хоть шаромъ покаши; слѣва видны въ дали горы, и извивистый Терекъ, есть деревья и множество дикихъ розъ, съ правой степь, обработанная же степь къ Тереку.

Сего дня вспалъ въ пять часовъ, написалъ свой журналъ, въ восемь пили кофе, потомъ сѣлъ подгорюничивши у окна: много идей пробѣжало въ голову моей, слезы нечувствительно выкатились, а все отъ того, что нѣтъ вѣстей изъ столицы, что не вѣдаю о здоровьи родившей меня, и о близкихъ сердцу моему. Желая разсѣять себя, взялъ чинить какое-то вздорное путешествіе по Крыму, безымяннаго Француза. Въ часъ сѣли обѣдать; Моздокское вино даже хорошо; жары и успалось отняли позывъ къ ѣдѣ, при дни ѣлъ — чтобы ѣсть, безъ всякаго желанія, сего дня какъ здоровый. Моздокскій нѣжный полъ, подобно Астраханскимъ дамамъ, завернушы съ головы до ногъ въ бѣлые просыни. Нашу хозяйку Ерлову наконецъ увидѣлъ въ саду запущенномъ; на мой по-

клонъ ошвѣчала поклономъ, краснѣя; на мои привѣтливыя слова ошвѣта не было, повторился только поклонъ, и дѣвушка ея шже, но съ грубосцію и ни какой услуги не хотѣла оказать; хорошо, что у насъ все нужное съ собою, а что бѣда; шодли дѣло въ другихъ городахъ, шакъ и ухаживаютъ. Нездоровый Комендантъ Кошаревъ увѣдомилъ лично насъ, что завтра мы можемъ пуститься къ Тифлису, что онъ уже свои распоряженія сдѣлалъ, насъ будутъ провожать около ста человекъ пѣшихъ солдатъ, съ одною пушкою, и шесць козаковъ, самое сеншменшальное, шрогашельное пупешествіе! Уложились, въ девятномъ часу предались покою.

20-го Іюля. Дождь, сыро, въ пять часовъ вспади, въ семь выѣхали; до Терека пять вершъ, — предурная дорога, новая дѣлаешся, въ два года будетъ гошова и прямѣе; въ девять съ половиною, въ чешыре пріема, на дурномъ паромѣ перѣѣхали; каждаго ужасъ обнимешъ, видя нѣсколько сошень вооруженныхъ полунагихъ, съ звѣрскими лицами, загорѣлыхъ, брадашыхъ. Лезгинцевъ, Осепинцевъ, Кабардинцевъ, Киргизъ-Кайсаковъ, Нагайцевъ, Татаръ и другихъ; но мой ужасъ еще болѣе увеличился, когда меня окружили нѣсколько десятокъ изъ

оныхъ, и чрезъ переводчика, просили приказашъ заплашишь имъ недоплаченное за перевозку хлѣба; справедливая, или нѣтъ, была ихъ просьба, не знаю; но я, чѣмъ отвязался отъ спрашивающаго, общалъ всѣ желанія ихъ исполнишь, и чѣмъ далѣе отъ себя отвлечъ, указалъ на молодого по отдалъ стоящаго, лѣпообразнаго моего товарища; они, увидя на немъ звѣзду и кресты, оставили меня и обратились къ нему съ тою же просьбою; и онъ имъ все посулилъ; они остались довольны; между тѣмъ, мы стояли на берегу и съ изумленіемъ смотрѣли, какъ сіи дикари гоняли быковъ изъ Моздока чрезъ Терекъ. Одна часть гонитъ быковъ по Моздокскому берегу, прошивъ печенія; и вдругъ съ быками бросающа въ Терекъ, которая быспрошую своею спремилъ ихъ по печенію; тогда, видишь безспрашнѣ оныхъ нѣтъ спрашивающа, то на быкахъ, то схвативъ за рога, крутящя вмѣстѣ въ водѣ; другіе въ это время нѣтъ же кидаются съ берега прошиво-лежащаго, гдѣ мы стояли, и помогающъ тѣмъ извлечъ быковъ изъ рѣки; мудроно описашъ эту картину, такъ она необыкновенна; кажется, видишь Американцовъ въ самой дикости своей. Жаль, что единственнѣй

Державинъ скончался: только ему, его великому дару можно бы, въ стихахъ высокихъ, начертать Терекъ, и дать выпренному своему разуму пищическую пищу. Нынѣ только и пишутъ нищенскія Баллады, посланія, пѣсенки и подобныя бездѣлки. Одинъ Мерзляковъ Поэзією занимается, а Каченовскій учитъ какъ писать прозу, и судитъ какъ Болшинъ.

Коль скоро наши экипажи, были перевезены, мы сѣли у редуша Александровскаго, недалеко отъ берега построеннаго; шутъ Комендантъ Гильденгофъ. Отъ сего укрѣпленія до редуша Константиновскаго 33 версты. Половина дороги гориста и не слишкомъ лѣсиста; малая Кабарда; провожавшій насъ живой офицеръ Никановичъ; говорилъ, что въ лѣсахъ водятся кабаны вѣсомъ въ двѣнадцать пудъ, козы, олени, зайцы, много разнородныхъ птицъ; но мы видѣли только дикихъ козъ, красиво прыгавшихъ и красивыхъ фазановъ. Есть также и другіе звѣри; но злѣ всѣхъ Лезгинцы. Проѣхавъ двѣнадцать верстъ, между горъ, въ ущельѣ, на сырой правѣ, у колодца, выкопаннаго Генераломъ Дельпоцомъ, обѣдали холодное, вмѣстѣ съ офицеромъ, и солдаты поже дѣлали; а козаки на горахъ фланкерами. Въ началѣ сего го-

да, въ этомъ ущельи, на возвращающуюся изъ Тифлиса почту, въ числѣ двѣнадцати человѣкъ козаковъ съ унперомъ, напали было нѣсколько десятокъ Лезгинцевъ. Горы зеленныя зрѣнію пріятны, черноземъ вездѣ, и ежели бы Лезгинцы воздвигали землю, не имѣли бы времени убійствомъ и грабежемъ заниматься, нынѣ смирнѣе стали: имя Ермолова спрашивать ихъ, они не шутятъ, а смерти предаются злодѣевъ. Въ семь часовъ по полудни вѣхали въ Константиновской редушъ, гдѣ Комендантъ Капишанъ Тимошевскій, молодецъ и очень мнѣ понравился своимъ образомъ мыслей. Поваръ приготовилъ намъ ужинъ, и мы послѣ него въ казармѣ пѣсенной легли на сѣно, и крѣпко заснули; давно я такъ не уставалъ; 33 версты мы ѣхали въ коляскѣ, верхомъ и шли, всего времени десяти часовъ.

21-го Іюля. Вставъ въ шесть часовъ, хотя дождливо было и грязно, но я осмотрѣлъ редушъ; нельзя сказать, чтобы укрѣпленіе было слишкомъ хорошо, и казармы ветховаты; шумъ стоятъ двѣ роты и въ амбразурахъ, на платформахъ, чешыре пушки; здѣсь живутъ по необходимости какъ пустынные и вѣчно въ трудахъ; вошъ шакская служба — точно

служба и заслуживаетъ уваженіе и награды: всякой день держи ухо остро, и всякой день думай драться.

Въ 8-мь часовъ упря выѣхали, при той же необходимой церемоніи: сто человекъ пѣхоты съ заряженными ружьями, двѣнадцать козаковъ и пушка. Вчера едва доѣхали на дурнѣйшихъ, некормленныхъ лошадяхъ, данныхъ намъ за деньги въ Моздокъ. Сего дня на славнѣйшихъ, едва въ часъ и 25 минутъ переѣхали семиверстовую крушую гору, (цѣпь сихъ горъ, большая Кабарда): трудность переѣзда умножилась отъ трехъ-дневныхъ дождей, ужасно спало грязно; почтенные солдаты почши на плечахъ вывезли коляску; въ бояхъ, трудахъ — всегда молодцы. Поручикъ провожавшій насъ, Серро, родомъ Грекъ, очень порядоченъ; жаль что не говоритъ по Гречески. Оставя гору за собою, пѣлохранители наши ошдыхали и ѣли, и мы тоже дѣлали. Гора, которую мы проѣхали, черноземъ, съ обѣихъ сторонъ покрыта лѣсомъ; дорога сажени полторы шириною, и уже въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, солнечные лучи мало доходятъ, а пошому не скоро высыхаетъ гора; однако есть красивые виды, орѣшникъ, дикія розы, липа, дубъ. На восьмой верстѣ соединяющя

горы; шунь-шо было, по словамъ Серро, нѣсколько нападеній на козаковъ. Съ сего мѣста дорога до Елисаветинскаго редута почти хороша, но все-таки горы, между ними есть и долины; по горамъ съ обѣихъ сторонъ ѣхали фланкеры, по шри козака. Встрѣтили почту изъ Елисаветинскаго редута 15 козаковъ и 15 пѣшихъ: такое распоряженіе сдѣлано послѣ выше-сказаннаго нападенія. У самаго редута проѣхали мостъ чрезъ рѣчку Камбелейку; шунь на поляхъ, косятъ солдаты и козаки вооруженные, не смотря что живутъ мирные Осетинцы—но все злодѣи. Съ правой стороны не оставляютъ путешественника горы большой Кабарды; слѣва оплого. Въ три часа по полудни пріѣхали въ Елисаветинскій редутъ, гдѣ Комендантъ Маіоръ Успенковъ. 28 верстъ ѣхали въ коляскѣ, верхомъ и шли, всего времени семь часовъ: есть время наговориться, надуматься и наглядѣться. Въ низенькой казармѣ съ малѣйшими окнами, только что расположились обѣдать, пріѣхалъ изъ Индіи и Персіи, чрезъ Тифлисъ, Англійской Гусарской двадцати-двухъ лѣтній Капитанъ Иванъ Ло; послѣ пяти словъ ошъ товарища моего на Англійскомъ языкѣ, съ видимою радостію сѣлъ за нашъ столъ, все хваля, бѣ

въ обѣ щеки, увѣряя, что при себѣ, кромѣ чаю, ни чего не имѣетъ, и что давно-такъ хорошо не обѣдалъ; выпилъ къ гореспи нашей цѣлую бутылку мадеры: это не шутка въ дорогѣ и на Кавказской линіи; при немъ какой-то смышленный переводчикъ, Жидъ или Нѣмецъ, не знаю; молодой Иванъ Ло говорилъ о себѣ, что хотѣлъ; будно рисуетъ, будно пишетъ свой журналъ; я послѣ обѣда по Французски увѣрялъ его, что онъ ни чего не пишетъ: ибо не спросилъ даже — у кого онъ имѣлъ честь обѣдать, и насильно далъ ему записку о шоварищѣ моемъ и о себѣ. Вотъ такъ-то ѣздящъ иностранцы по Россіи, и потомъ выдають огромные свои журналы. Горе намъ! — Въ десяти верстахъ отъ сего редуна живущъ крещенные Осепинцы въ аулахъ своихъ, хуже нашихъ презамаранныхъ избъ. Въ 8 часовъ мы легли спать, дождь лилъ, грязно, и что за пріятность гулять въ редунахъ спѣсенномъ; я однако успѣлъ быть у Коменданша Усшинова: пилъ чай, и познакомился съ его сестрою; се одна дама, которую видѣлъ, оставя Моздокъ.

22-го Іюля. Въ шесть часовъ утра, уже были мы готовы, опили и кофе, Иванъ Ло, Англичанинъ, шутъ какъ шутъ;

проспились, семь часовъ пробило, съ поюже церемонією отсправились; дорога хороша; проѣхавъ верхомъ и прошедь 16 верстъ, остальные восемь, въ открытой коляскѣ, съ козаками шолько рысью поѣхали въ Владикавказъ, куда прибыли въ часъ по полудни. Провожавшій насъ Штабсъ-Капитанъ Токаревъ, препорядочный молодой человекъ. Дорогою справа Кавказскія горы, снѣжныя, при тучныхъ облакахъ, мало были видны. Вышедь изъ коляски, прямо пошли къ Владикавказскому Коменданту, Полковнику Николаю Пепровичу Скворцову, человеку хорошему, ошличному, крошкому и дѣло свое исправно выполняющему: шакъ о немъ всѣ говорятъ; и всѣ хвалятъ. После привѣщевій, просиль обѣдать; мы съ удовольствіемъ остались. Явилась супруга гостепріимнаго Скворцова, Марья Ивановна, дочь покойнаго Генераль-Майора Ушакова, двадцати одного года, съ чешырьма дѣтьми: прекрасна собою и самаго любезнаго, умнаго обращенія; масть ея, лѣтъ сорока, привѣшлива и пріятна; обѣдь хороша, и вѣчно поже; въ пять часовъ мы были въ чистомъ домѣ; распорядилсъ, оставивъ коляску и кибитку большую здѣсь; а самимъ съ егеремъ и поваромъ, при одной кибиткѣ, вхавъ въ Тифлисъ верхомъ; горько мнѣ

было такое учрежденіе, но нечего было дѣлать; должно повиноваться обстоятельству. Въ седьмомъ часу, мы опять пошли къ Коменданшу, поговорили и о томъ и о другомъ, пили чай; поварищъ вскорѣ отправился спать, а я упрощенный остался ужинавъ, и чрезвычайно былъ доволенъ бесѣдою нѣжнаго пола; въ одиннадцатъ часовъ былъ у себя, написалъ журналъ, почилъ и предалъ себя, послѣ молитвы, сладкому успокоенію.

23-го Іюля. Ночь ливнемъ лилъ дождь и упроще; въ шесть часовъ мы были готовы, а выѣхали въ десятъ; дождь пересталъ; грязь ужасная; безъ пушки, только прийдца пѣшихъ солдатъ и шесть козаковъ провожали до редута *Новинки*, который занимаетъ офицеръ съ сорока рядовыми для охраненія дороги; шесть верстъ показали мнѣ шестидесятью; дорога гладка, съ лѣва шумитъ Терекъ, вдали со всѣхъ сторонъ горы, и видѣнъ снѣжный и ледяной Казбекъ. Еще шесть верстъ и мы въ слободѣ и крѣпостцѣ *Балтъ*; неносная дорога! хотя и красива природа, ни въ чемъ нельзя пріятно проѣхать; я, по пѣшкомъ, по верхомъ, по въ кибишкѣ, — ужасъ худо, безъ вины страдаешь, а въ хорошемъ экипажѣ жаль. Передъ *Балтою* горы лѣси-

сшы, Терекъ шумнѣе и долина прошивуле-
жащая прелестна. Редущъ *Гайдукино* или
Максимовка, восемь верстъ, несстерпимая
дорога, каменистая и *прерябая*; еше шестъ
верстъ до крѣпостицы *Ларси*; вообще двад-
цать чешыре версты, горы обнаженныя,
каменные, высокою ошъ шрехъ - сошъ са-
женъ до вершы и болѣе, по крайней мѣрѣ
мнѣ такъ казались; ѣхали по подошвѣ оныхъ
я пѣшкомъ, и нѣсколько разъ верхомъ;
спрашно и шрудно; съ права ужасъ наво-
дяшъ горы, съ навислыми выступами и съ
шорчащими по бокамъ большими деревьями,
кажешся ошпоргниушся и размозжашъ пу-
тешешшвенника; съ лѣва не перешаешъ
шумѣшъ Терекъ, капаешъ большіе каменья;
какъ камешки; дорога шириною ошъ двухъ
саженъ и въ половину менѣе; съ права какъ
сказаль раздавшъ шебя горы, съ лѣва
оешупясъ полешиншъ въ Терекъ. Въ ше-
стомъ часу по полудни добрались съ боль-
шимъ шрудомъ до *Ларси*; я ужасно упо-
мился, ошъ пѣшеходешва и верховой ѣзды,
въ сорокъ пять лѣшъ, и не мудрено; дай
Богъ каждому выдержашъ несносный жаръ,
и вдругъ, взойдя на горы, пронцашельный
холодъ; въ грязи, въ водѣ, и весь промо-
ченъ насквозъ ошъ дожда и высушенъ ошъ
прямыхъ лучей солнечныхъ; благодарностъ

Богу! я здоровъ, какъ молодой. На пути къ Ларси, страшно и пріятно проходить или проѣзжать, по крутому берегу седишаго Терека; въ двухъ мѣстахъ, на нѣсколько сажень, сдѣлана дорога въ горѣ, взрывомъ пороха: высока, широка и ужасна; надъ побою виситъ двѣ громады ужасающей скалы, высунувшейся отъ родившей ее горы, если критика позволитъ такъ сказать. — Въ крѣпостцѣ *Ларси* Капишанъ и Комендантъ съ женою и тремя дѣтьми, уснуваль намъ въ сажень квадратную комнату: благодарилъ, не желая стѣснить семейство его, и безъ того стѣсненнаго; мы избрали для своего ночлега казарму; въ дорогѣ все перенесешь, и Богъ даетъ здравіе. Душею жаль офицеровъ, которые прямо служатъ, ежечасно въ опасностяхъ, не вкушая никакихъ пріятностей жизни; однако веселы и съ мужествомъ довольны. Смѣйтесь, критики, а я опять повѣрю, что дорога по подошвѣ цѣпи Кавказскихъ горъ, узка, гориста, и большею частію дурна. Конечно горы плѣнительны дикостію и разнообразіемъ; но естъли бы всё сіе не сопряжено было съ такою опасностію и безпокойствомъ; Казбекъ видѣнь, но мы не доѣзжали до него. Въ жизни разъ можно жер-

шбу сію сдѣлашь по охотѣ, и по мущинамъ, служба другое дѣло, куда пошлютъ, сездъ хорошо. Присяга съ благородною душею все переносишь, съ швердоспію и безъ ропота; такими мужами гордится древность; таковы почпи всѣ Русскіе, особенно гошоващіеся въ военное поприще; таковыхъ я знаю нынѣ живущихъ, кои готовы, по велѣнію Государя своего, летѣшь на край Свѣта, для блага своего опечества. Кто осмѣлится не почипашъ истинныхъ военныхъ людей?

Въ Ларси съѣхалось много чиновниковъ изъ Тифлиса и Владикавказа съ разными порученіями; познакомился съ двумя Греками, одинъ Сулшанинъ, другой Геракопуло, молодцы. Крѣпостца выстроена въ Тагаурскомъ ущелѣ, красиво и дико; — въ сорока саженьяхъ глубины, аулъ крещенныхъ Осетинцевъ; я было пошѣлъ къ нимъ, но солдаты опсговѣтовали, прибавя, что они не любяшь новыхъ лицъ, можетъ случишься и бѣда. Осетинки всѣ почпи прекрасны, не смотря, что обгорѣли, и въ изорванномъ одѣяніи; лица ихъ правильны и глаза выразительны.

Въ избранную нами казарму съ крошечными безъ стеколь окнами, съ землянымъ поломъ, купили сѣна и соломы; по-

сплали себѣ постели и кончивъ обѣдъ и ужинъ въ семь часовъ, въ восемь, легли поживать; дождь идетъ.

24-го Іюля. Ночь, на сіе число, провели въ мученіяхъ; миллионы насѣкомыхъ терзали насъ, особенно черные прыгуны; однако мы крѣпко отъ успали заснули, предавъ себя на съѣденіе; безъ всякаго прибавленія, проснувшись въ шесть часовъ, спалъ одѣваясь, увидѣлъ себя безъ сапоговъ, въ сапогахъ: шелковое-то множество черныхъ прыгуновъ! Нечего дѣлать, одѣлись, и вышли на чистый воздухъ; солнце освѣщало окрестности великолепно. Вчера отъ того не доѣхали до Дарьяла, что громошумящій, быспропечный Терекъ, силою своею оторвалъ часть дороги сажени на три; остались на отпоргнутомъ мѣстѣ гора и Терекъ.

Въ семь часовъ утра, товарищъ мой, желая удостовѣриться, поѣхалъ къ Дарьялу; при насъ Терекъ, съ ужаснымъ шумомъ, оторвалъ еще дороги на двадцать и болѣе сажень. Первую, какъ утверждалъ офицеръ, бывшій у меня кадемомъ, можно дни въ четыре поправить, при двухъ-стахъ рабочихъ, вторую и въ мѣсяцъ мудрено. И такъ наше желаніе быть въ Тифлисѣ не выполнилось; признаюсь, для ме-

ня и вышеписанныхъ трудностей довольно; въ Тифлисѣ я только и хотѣлъ видѣть Ермолова и Митрополита Теофилакта; перваго зналъ кадепомъ, вшораго и свѣтскимъ и Архіепископомъ; а впрочемъ, по словамъ многихъ, Тифлисъ мало имѣетъ достопамятностей. Когда товарищъ мой опѣхалъ осмотрѣть дорогу, я оставаюсь въ крѣпости, окруженный горами, врагами и смертельною скукою; два часа показались мнѣ недѣлею. Явился товарищъ мой, мы побѣжали, и въ четыре часа по полудни возвратились въ Владикавказъ, по прежней дорогѣ; въ пять часовъ, по милости Команданта Скворцова, были въ банѣ, отдохнули, и съ аппетитомъ обѣдали и ужинали въ одно время, у него же; всѣ рады были намъ, какъ роднымъ; нѣтъ словъ благодарить за всѣ попеченія!

25-го Іюля. Воскресенье; день для души моей пріятный: рожденіе одной особы, которая соединяетъ въ себѣ качества, достойныя подражанія (*). Угодно было намъ посѣтить нѣкоторымъ начальникамъ Осепинцевъ и Кабардинцевъ, по словамъ ихъ совершенно преданнымъ Россіи. Были у обѣдни, гдѣ Священникъ, уроженецъ Перм-

(*) Нынѣ она, за свои добродѣтели, ликуетъ съ Несозданнымъ.

скій, хорошо служилъ. Завтракъ у Коменданша; при благопріятной погодѣ гуляли въ саду его: не дурень и огромень. Обѣдали у него же; подлѣ меня сидѣла Капишана Шабинева жена: очень мила и молода; онъ скромной офицеръ. Съ шести часовъ до восьми, въ саду, пили чай, ѣли фрукты, роговая музыка для слуха была пріятна; рога сдѣланы изъ карпужной бумаги, выкрашенной подъ цвѣтъ мѣди. Если бы не сказали и я не ощущалъ, никогда бы не повѣрилъ сей выдумкѣ; — нужда научить калачи ѣсть. Я запѣвалъ, рады были всѣ, пустились въ танцы, только три дамы и столько же кавалеровъ; нѣжный полъ въ сихъ краяхъ рѣдокъ; чпо всего пріятнѣе и необыкновенно, подлѣ большими, многолѣшвенными персиковыми деревьями проходили наши вальсы, экосесы и кадрили. Дамы, Скворцова, Шабинева и дѣвица Кастыгова, дочь Подполковника, здѣсь служащаго, всѣ три молоды, хороши и танцовать мастерицы. Довольныя разошлись. — Послѣ одного супу у себя, предались власпи Морфея.

26-го Іюля. Мы были у многихъ, простились; ранѣ обыкновеннаго угостили насъ послѣднимъ обѣдомъ Комендантъ; всѣ пожелали намъ счастливаго пути. Въ два

часа по полудни были уже мы въ Елисаветинскомъ редушѣ; ошъ нечего дѣлать, писалъ много писемъ. Погода хороша, наши сунки кончились въ 8 часовъ.

27-го Іюля. До Константиновскаго редуша, по пѣшкомъ, по верхомъ, по въ коляскѣ, — жарко, и я утомился; въ восемь часовъ день насъ оставилъ.

28-го Іюля. Худо спать, насѣкомые тревожили; въ чешыре часа встали, въ шестомъ выѣхали, съ двумя спами быковъ, и сшо фуръ, при большомъ конвоѣ; офицеръ второй Сорре; въ пятнадцати версахъ, въ девятомъ часу у Колдца заѣхали; погода прекрасная. Два Англичанина изъ Индіи, Персін, чрезъ Тифлисъ, присоединились къ намъ. Одинъ дѣлать шестидесяти Ламздель — Профессоръ Восточныхъ языковъ, какъ онъ увѣрялъ, шакъ худъ, шакъ худъ, что худощавѣе известнаго *С. Петербурскаго жителя*; другой и великъ собою и въ шесть разъ толще своего шоварища, Капитанъ Арнимольдъ; мы пригласили сихъ богачей покушанъ; они съ удовольствіемъ согласились. Надобно справедливостъ ошдаться обоимъ: мастера поѣсть, особенно худой; цыплята жареные мигомъ исчезали, а картофель и Англійскій сыръ, при хорошей мадерѣ, при-

водилъ ихъ въ восторгъ. Мнѣ жаль было картофелю, во-первыхъ: что Комендантъ-ша Скворцова подарила мнѣ, а во вторыхъ: что нигдѣ достать нельзя; офицеры, и то мало, съюсъ для своего обиходу.

Во второмъ часу перѣхали Терекъ; сего дня не было онъ сердитъ, шумъ мелодическій, и картина вообще была мягче; дикарей не видѣли. Остановясь на Моздокскомъ берегу, послали карантинному смотрителю Капитану Виникову сказать о нашемъ прѣздѣ, и нельзя ли миновать карантина; прѣхалъ чиновникъ и повезъ насъ въ карантинъ, пять верстъ отъ Терека; на дворѣ три часа, солнце палило. Насъ приняли учтиво, но говорили въ сажень разстоянія и далѣе, какъ съ чумными; особенно Штабъ-Лекаръ, которому я представлялъ, что мы въ Тифлисѣ не были, и слѣдственно чумою не заражены, да и шамъ оной нѣтъ; онъ отвѣчалъ, что насъ нельзя прежде четырехъ сутокъ выпустить: вы были за Терекомъ, сего и довольно, чтобъ посидѣть въ карантинѣ. Цицеронъ, Демосѣенъ и Ломоносовъ напрасно бы употребили свое краснорѣчіе. Здѣсь въ карантинѣ все берутъ отъ насъ щипцами; порядокъ, чистота, учтивость похвальная; однако всѣ вещи взяты, сундуки

открыли и при насъ заперли въ особую избу, безъ оконъ, оставили намъ плащье и на чемъ спать; и съѣстное. Шшабъ-Лекаръ среди сей темной избы, поставилъ три горшка глиняные съ *Acide muriatique oxigène*, подъ горшки уголье; коль скоро кислый газъ началъ раздаваться, заперли двери, приложены двѣ печати, наша и Капитанская, и поставленъ часовой. Мы пошли въ назначенные намъ покои, оупъ Терека во сна саженьяхъ. Покои похуже Владикавказскихъ, однако изрядны и чистеньки. Кухня весьма дурна, ибо надо стоя на колѣняхъ готовить; видно, что мало съ поваромъ ѣздящъ. Въ семь часовъ обѣдали и ужинали, въ девять уже покоились. Англичанамъ, богачамъ скупымъ, полсному и худощавому, доходилъ запахъ оупъ чепырехъ блюдъ нашихъ; мы боялись смонрѣшь на нихъ: того и гляди, что пожалуютъ; они подъ крышею, на чистомъ воздухѣ, занимались молокомъ и хлѣбомъ, изрѣдка поглядывали на насъ, мы — будто не видимъ. Скупоспъ непомѣрная и непроепительная; за шо съ нихъ и за молоко взяли въ три - дорога. Слуга, нанятый ими, Армянинъ, какъ угорѣлая кошка, въ посыкахъ, шо туда, шо сюда, и бричка не важная: горько видѣшь скупыхъ;

это недоспашоѣ, заслуживающій презрѣнія.

29-го Іюля. Погода чрезвычайно хороша; встали въ семь часовъ, осматривались въ необходимомъ одѣяніи, прочее взяли окуришь; чрезъ три часа принесли намъ окуренное плашье, которое надѣли, хотя оно было непріятнаго запаха; снятое съ насъ понесли напоить газомъ; служащимъ намъ, надѣли балахоны и колпаки окуренные: смѣшной нарядъ! Очень скучно сидѣшь въ карантинѣ; ша только выгода, что будешь имѣть маленькое понятіе о шюрѣмъ; изъ порядка не должно ни кому выходить. Сутки показались недѣлею, хотя мы читали, писали, говорили, обѣдали, купались въ Терекѣ. Купцы съ товарами сорокъ дней выдерживають карантинъ: сія оспорожность необходима, хотя очень тягостна. Къ намъ приставили прехъ часовыхъ съ заряженными ружьями, чтобъ мы за карантинную черту не вышли; въ восемь часовъ, дабы избавиться отъ мухъ и другихъ насѣкомыхъ, закрывши окна, легли, а заснули въ часъ; каково лежать въ шемногѣ пять часовъ и сномъ не наслаждаться! Теперь ясно понимаю, отъ чего дѣши плачуть, когда ихъ спать укладываютъ, а имъ не хочется.

30-го Июля. Въ несносномъ карантинѣ.

31-го Июля, четвертый день насталъ; слава Богу, намъ щипцами подали отвѣтъ на наше письмо, отъ управляющаго Кавказскою Губерніею, Анастолупо: велѣно болѣе насъ не держать, — спасибо, какъ мы уже высидѣли прое сушокъ. Въ одиннадцать часовъ, поблагодаря Капшиана Виникова, поѣхали; черезъ часъ оставили Лукувскую станцию, въ Павлодольской перемѣнили лошадей — 13 верстъ; до Екашериннограда 28; до Прохладной 17; до Солдатской 18: здѣсь бродяги и ошеставные солдаты; до Павловской станции 20 верстъ, до Георгіевска 25, и того отъ карантина болѣе ста, а отъ С. Пешербурга гораздо болѣе чепырехъ тысячъ верстъ, какъ мы ѣхали.

1-го Августа. Дорога отъ Моздокскаго караннина до Георгіевска, превосходная, гладкая, ровная, исключая двухъ горъ, на двухъ послѣднихъ станціяхъ, у Маріинской хуже, и дурненькихъ двухъ моспиковъ; ѣхали съ шестью козаками, довольно было темно, засвѣпили фонари, и въѣхали въ два часа по полуночи въ Георгіевскъ; остановились въ домѣ Подицмейстера Павла Семеновича Березина;

очень хорошій молодой человекъ; жалъ, что грудью спраждешь, недѣлю назадъ лишился матери, и сестра его одержима чахоткою; горе написано на благородномъ лицѣ Березина. Первой разъ, ни сѣна, ни соломы, все выгорѣло. Изъ восьми спульевъ соспавиль себѣ кровашь, постлалъ шинель и крѣпко заснулъ; поварищъ успѣлъ прежде меня броситься на диванъ. Въ десянь часовъ утра ходилъ по городу; хуже многихъ деревень, ошъ частыхъ пожаровъ. Двѣ церкви и тѣ ветхи; однако много народу въ оныхъ; Воскресенье было, а пошому и я выслушалъ обѣдню. Казенныя строенія каменные. Арсеналь хорошъ. Съѣстные припасы привозяшь два раза въ недѣлю; фрукшовъ много, бергамоты велики, но не имѣють нѣжнаго вкусу. Управляющій губерніею живешъ въ хижинѣ, домъ его до пла сгорѣлъ, и прелесные тополи, бывшіе предъ домомъ; кое-какъ нажилъ, прослужа болѣе 40 лѣтъ во флотѣ, теперь въ жалкомъ положеніи; жена его, Гречанка съ тремя дочерьми, раздѣляетъ съ нимъ бѣдность. Не жалѣя денегъ, обѣдали хорошо; въ десятомъ часу, на купленномъ дорого сѣнѣ, успокоились.

2-го Августа. Оставя коляску въ Георгіевскѣ, для нѣкоторыхъ поправокъ,

принуждены были ѣхать въ двухъ кибиткахъ; это для меня не по сердцу было въ первый, но — нужда къ чему не приучишь! Въ пятомъ часу проснулись, выпили кофею, взяли кое-чего съ собою, съ егеремъ и поваромъ отправились изъ обгорѣлаго Георгіевска къ водамъ Кавказскимъ, 35 верстъ. Я все сидѣлъ на облучку, и не шакъ-шо дурно, когда кибитка туго набита сѣномъ. Пріѣхали къ водамъ въ девять часовъ утра; погода чудесная, и небо безоблачно; первой разъ видѣлъ во всей красѣ цѣпь Кавказскихъ горъ; на лѣвой сторонѣ отъ Георгіевска въ 17-ми верстахъ по лучшей дорогѣ извивается чистенькая рѣчка Подкумокъ, а верстахъ не болѣе сша, по своимъ глазамъ, или по своей оптикѣ, въ прямой линіи тянется цѣпь Кавказскихъ горъ. Здѣсь, у Подкумка, мы завтракали; здѣсь я обозрѣлъ вокругъ себя, и — сходя на колѣняхъ, написалъ слѣдующее: Цѣпь Кавказскихъ горъ можно раздѣлить на чешыре разряда. Первые горы покрыты зеленью и украшены древами разнородными огромной величины. Впотьамъ каменные, съ порчащими по бокамъ большими деревьями, успанные по мѣстамъ обгорѣлою отъ жаровъправою и ѣдымъ мхомъ. Третьи, подъ коими нео-

быкновенныя красивыя облака плавають, снѣжныя, взору пріятны; и чѣтверныя, ледныя, душу возвышающія. Всѣ, при яркомъ свѣтѣ живошворнаго свѣтила, обращаютъ на себя вниманіе мыслящаго шворенія и точно прелестны; но, кажется, всѣ онѣ, съ какимъ-то восшоргомъ благоговѣя созерцаютъ царицу горъ, Эльборусъ (*), покрытую вѣчными льдами и снѣгомъ; слезы умиленія сердечнаго текутъ изъ очей крощеннаго пупешественика, и онъ углубляется въ размышленія о величїи Творца, всё создаващаго и всѣмъ управляющаго; такъ бываетъ съ людьми, еще съ праваго пупи несовратившимися! Но чѣмъ рѣчесть безбожникъ? Онъ преклонитъ колѣна и воскликнетъ: есть Богъ и се чудеса его! Назовише мнѣ живописца, кто бы могъ срисовать цѣль горъ Кавказскихъ? Назовише Поэта, кто бы могъ дерзнуть огненнымъ перомъ написать похвальную пѣснь симъ горамъ? Назовише Исторіографа, который бы осмѣлился взяться за перо? Всѣ безмолвствуютъ и съ Апостолами рекутъ: Великъ Богъ и непоснижны дѣла его! А потому, смершныя, смирайшесь; отбросыте гордыню свою, мол-

(*) Сію гору называли мнѣ и Шамъ-горю.

чише, и проливайше слезы, удивляйшесь!
Однако я бы сказалъ нашимъ писателямъ,
особенно стихотворцамъ съ дарованіями:

Сюда спекайтесь, сонмъ Поэтовъ!
Сюда, вамъ спыдно вздоръ писать,
Бросайте перья вы извѣстовъ,
Спарайтесь Бога прославлять.
Сюда злодѣевъ привезите,
Во аглицевъ превращаясь всѣ;
Сюда вы злошю приносите,
Нѣтъ пужды больше въ немъ нигдѣ.
Одни изранены — больные
Лишь въ злошю могутъ пользу зрѣть.

Обращаюсь къ Эльборусу: когда всѣ
горы преклонили *верхи* свои, когда чело-
вѣкъ, шочно человекъ, въ изумленіи опъ
красопъ ея; тогда она, видимо съ какою-
то величавою, благосклонною, кропкою
улыбкою, благодаритъ все и всѣхъ, за
признаніе истинное къ ея лѣпошю, и бо-
лѣ опъ шого, что она заславляетъ по-
знавать Создателя и укрощаетъ буйношю
смершныхъ предъ Несозданнымъ.

О водахъ Кавказскихъ ешъ книги, а
я скажу нѣсколько словъ. Первыя — горя-
чія, въ 38 градусовъ; вторыя — кислосѣр-
ныя, здоровы для всѣхъ, въ 25 градусовъ;
шрешы, Варвація, горячія въ 32 градуса;

четвершья, въ двѣнадцати версахъ отъ сихъ водъ, на Желѣзной горѣ, желѣзныя горячія, 32 градуса; пяшья, въ сорока версахъ, кисло - холодныя, и шестыя отъ сихъ въ двѣнадцати версахъ, кисло - желѣзныя.

Не доѣзжая водъ, на правой сторонѣ, живутъ аулами мирные Черкесы; попадись къ нимъ въ руки, тогда узнаешь ихъ крошосъ; они только и бояшся одного Ермолова! Съ присоединенія Грузіи къ Россіи, изъ Тифлиса выѣзжали Главнокомандующіе, несчастный неуспрашимый Князь Циціановъ и нынѣ Ермоловъ; сей послѣдній прославляемъ отъ малаго до большаго, всѣхъ сословій; Чеченцы, Черкесы и всѣ нагорные обитатели не любятъ безспрашнаго, благоразумнаго Начальника, такъ какъ и взяточники въ губерніяхъ, ввѣренныхъ ему. Есть по дорогѣ селенія, Шотландское и Нѣмецкое: они-то снабжаютъ пріѣзжающихъ къ водамъ отлично - хорошимъ, бѣлымъ и сишнымъ хлѣбомъ, масломъ, молокомъ и разными съѣсными припасами. Спрашно, что иноземцы оставляютъ такъ называемыя свои благословенныя земли и приходящъ жишъ даже въ дикихъ мѣстахъ Россіи! Пусть ихъ селяшся, да пусть не бранятъ Русскихъ! Осшановились въ чистомъ домѣ

съ мебелими, прямо прошивъ горячихъ водъ, — десяць рублей въ сущки. Въ чужихъ краяхъ гораздо болѣе плащящъ; здѣсь сколько хочешь сиди въ ваннахъ, ничего не платишь, а шамъ за все плаши. Въ одиннадцатомъ часу утра вышли походить; первая встрѣча — Полковникъ Аполлонъ Маринъ, бывший мой ученикъ, хороший молодой человѣкъ; мы одинъ другому очень обрадовались; зашли къ нему, и у него выпили кислой воды по спакану: 35 копѣекъ сшоишь бушылка; по его совѣту, пошли на гору, и сѣли въ ванну кислосѣрную 25 градусовъ; пріятно въ ней сидѣшь, не хочешся разсѣпаться; ванна большая, можно шеспи человѣкамъ покойно вмѣстѣ сидѣшь и лежашъ, въ горѣ высѣчена. Полчаса и — кажешся, здоровѣе спашъ, и апнешишь сильный родился. Тупъ увидѣлъ Пуш — на молодого, который гошовъ съ похвальной спороны обратишь на себя вниманіе общее; почно онъ можешъ, при дарованіяхъ своихъ; я ему опъ души желаю всякаго блага; онъ слушашъ и колкую правду, но смирялся; и эша перемѣна дѣлаешъ ему чешъ. Въ горячихъ водахъ сдѣланы для нѣжнаго пола особенныя ванны, выстроены и убраны на горѣ домъ, и по горѣ масшерски сдѣланъ

въѣздъ, и пѣшкомъ неутомительно: лѣсница, имѣющая сто ступеней, и дурна и слишкомъ дорого стала; она построена прежде Ермолова. — До ужина опять обнимали насъ кисло-сѣрныя воды; часъ времени съ Маринимъ и Пушкинымъ языкомъ поступали и разошлись; здѣсь на водахъ, чего хочешь, все доспашь можно, и нахожу, что не дорого. Маленькой дождь.

3-го Августа. Въ шесть часовъ, не смотря на дождь, мы пошли на гору, Машукъ называемую, и будучи здоровы, пили кисло-сѣрную воду, два раза въ ваннѣ; за то обѣдали и ужинали съ величайшимъ желаніемъ; я читалъ о водахъ, сочиненіе Доктора Зей: надушо написано, впрочемъ, какъ говорятъ, справедливо; мнѣ принесъ сію книгу Полковникъ Преображенскаго полка, Деменковъ, который получилъ облегченіе отъ ранъ своихъ; а Маринъ, не владѣвшій рукою съ Бородинскаго дѣла, чувствуваетъ себя здоровымъ, поднимаетъ оную свободно; спрадалъ глазомъ отъ конпузии, и большое почувствовалъ облегченіе; мы поздно пріѣхали, ужъ время прошло; всѣ разъѣхались. Ермоловъ разводилъ садъ, и ежели нѣсколько лѣтъ пройдетъ съ такимъ попеченіемъ отъ начальства, то увѣренъ, что вся Европа оспа-

вишь свои воды, и будешь прїѣзжать за здоровіемъ на Кавказъ.

4-го Августа. Погода весьма хороша; послѣ ванны ходилъ и на базаръ: не дурень, много домиковъ выспроено; теперь не нужны палашки, ешь гдѣ помѣсился; хопя любители чужихъ краевъ не хопятъ хвалишь все то, что Русское. Покаются, да не будешь ли поздно? Колонисты богашѣють, имъ хорошо; нынѣ набѣговъ мало отъ нагорныхъ жителей; у нихъ поставлены солдаты съ пушками. Бѣлой хлѣбъ въ Шопландской колоніи, гдѣ много переселилось изъ Сарепты, отлично хорошъ; послѣ С. Пешенбурга, я такого не ѣлъ. Сушки прошекли быспро.

5-го Августа. Послѣ двухъ ваннъ, обѣдали; въ два часа выѣхали. Въ шесть прїѣхали въ Георгіевскъ; переодѣвшись, поѣхали Анастопудо: человекъ тихой; супруга его благоразумна и хороша собою; я до-сыща наговорился по-Гречески, былъ въ церкви; дома гошовился къ дальнему путешествію. Въ Георгіевскѣ Комендантъ — Генераль-Маіоръ Сшаль; всѣ его хвалятъ.

6-го Августа, простясь съ нашимъ хозяиномъ, пожелавъ ему здравія, выѣхали изъ жалкаго города въ три часа по полудни.

7-го Августа. Можно сказать, что отъ Георгіевска, дорога — въ началѣ спешь, съ нѣскольکو-посохшею правою, попомъ сѣнокосы, хлѣбъ до самаго Спаврополя, который гораздо и гораздо лучше Георгіевска: чистѣе; однако мало нашли съспнаго; шупъ двѣ церкви, одна каменная, другая деревянная. Отъ Спаврополя верстѣ семь гора, зелень веселая, рогашаго скоша множество, вдали горы зеленныя и лѣсистыя. Упромъ было холодно, попомъ жарко — до Богоявленской деревни, богатой, но не въ устройствѣ; и до Прочнаго окопа дорога отлочно хороша, козаки вездѣ молодцы; отъ Спаврополя до Богоявленска многочисленныя спада быковъ. Въ часъ по полуночи, прѣхали въ Прочной окопъ, одѣтые легли спать; здѣсь Комендантъ Маіоръ Широкой, человекъ учтивый. Небо двое сушокъ безоблачно и жаръ несносный; но до восхода солнечнаго, родъ морозу, или холодъ чувствительный, рѣзкій, а воздухъ чистѣе.

8-го Августа. — Воскресенье; распроснясь съ учтивыми офицерами, выѣхали рано съ Хоперскими Козаками: душа веселился, смотря на нихъ: одинъ другаго молодцоваше; Кубань въ лѣво, а въ право глазомъ не обкинешь равнину; за

Кубанью Черкесы, Кабардинцы, — мало показывающихся. Прочный окоп чистъ, и казармы хороши; при великомъ Суворовѣ выстроены. Сказывали, что Нижегородской Полковникъ Тупольминъ, изъ полковой суммы выстроилъ казармы. Вездѣ военные, и учтивы и опрятны. Кубанская линія въ лучшемъ порядкѣ, чѣмъ Кавказская, сколько я могъ замѣтить. Въ Темизбекѣ встрѣтились съ Генераломъ отъ Кавалеріи Н. Н. Раевскимъ: всегда со мною хорошъ, дочери благовоспитаны, сдѣлственно любезны, — сынъ меньшей привѣтливъ. Во второмъ часу по полудни въѣхали въ Кавказскую крѣпость, гдѣ Командантъ и Командиръ Навагинскаго полка — Подполковникъ Александръ Ѳедоров. Урнежевскій, крошкій и скромный, добрый и препорядочный 35-лѣтній человекъ. У него мы обѣдали, ужинали, въ банѣ были; въ особой казармѣ писалъ, чисталъ, и сушки миновали. Жаръ для меня былъ нестерпимъ. Не доѣзжая двѣнадцати верстъ до сей крѣпости, дорога гладкая; Кубань съ лѣсомъ по берегамъ, справа высокая, но отъ солнца обожженная. Проѣхали отъ С. Пешербурга болѣе 4,500 верстъ.

9-го Августа. Вспали, не выспавшись и опъ жару и опъ насѣкомыхъ. Комendanшъ съ офицерами заходилъ къ намъ, и настоялъ, чѣмъ у него завѣтракъ; выполнили желаніе Урнежевскаго, и у него же съ Генераломъ Н. Н. Раевскимъ и его фамиліею обѣдали. Чѣтали спарыя газеты у себя, вечеръ провели въ разговорахъ и въ чтеніи приказовъ Ермолова; всѣ почти имѣютъ оппечашокъ оппличнаго челоуѣка; между тѣмъ оппдавали справедливостъ и покойному Главнокомандовавшему въ Грузіи, Князю Циціанову.

10-го Августа, не доспавъ, проснулись рано, въ шестъ часовъ; при сопровожденіи госпепріимнаго Комendanша, выѣхали изъ Кавказской крѣпости; погода прекрасная; проѣхавъ всѣ Хоперскія спаницы, нашель одну другой лучше; и церкви каменные; дорога гладкая сѣмь верстъ; и оставя за собою Кавказскую губернію, вспутили въ чешвершомъ часу по полудни въ землю Черноморскихъ Козаковъ (прежде Запорожцевъ) и прямо въ Караншинный редушъ, называемый *изрядный истогникъ*. Тутъ нашли Ашамана Черноморцевъ, Полковника, сѣдаго, крошкого, съ добрѣйшимъ лицомъ челоуѣка, Григорія Кондрашѣвича Машвѣва. Ка-

раншинной домъ, передъ Моздокскимъ, показался дворцемъ, и подлинно — чистъ, въ чешырехъ покояхъ по двѣ кровати, въ каждомъ споль и спулья; скоро окурили всѣхъ насъ.

По тихой рѣкѣ Кубани всѣ станицы опмѣнно хороши; поля и нынѣ зеленѣющъ, скоша много, и хлѣбъ не совсѣмъ дурень; однако давно не запомняшъ шаковой за-сухи, шрава всегда въ росшъ человѣческой, какъ всѣ ушверждали.

Екашеринодаръ естъ столица Черно-морскихъ козаковъ, гдѣ и Войсковая Канцелярія; городъ обширный, но худо вы-спроенъ, и въ немъ не болѣе 3,000 обоого пола жишелей. Войсковой Канцеляріи чле-ны сказывали мнѣ, что всего на все съ женскимъ поломъ въ Черноморіи 70 ты-сячъ, болѣе мужескаго пола; что у нихъ 21 полкъ, въ каждомъ 550 человекъ, одѣшны въ синемъ, рукава за плечами, выбришны, у нѣкоторыхъ Козаковъ естъ еще *гупри-ны*. Во время нужды могушъ сверхъ ска-занныхъ полковъ съестъ на коней пысячъ десятишъ; спарики, дѣшши и козачки всѣ въ работѣ. Единообразіе одежды не шакъ-шо красиво; прочіе козаки одѣшны какъ хошашъ, и онъ шого кажушся молодцо-вашѣ и красивѣ, и борода придаешъ

мужество. Я не видѣлъ Уральцовъ и Донцовъ въ ихъ шиницахъ; но смѣло можно сказать о казакахъ:

Идѣть, и врагъ стоять не смѣетъ —
Бѣдишь, его и шни онъ рѣшетъ.

Докшоръ Караншинный съ излишествомъ учпивъ; мы хотѣли покупаться въ Кубани и бросились въ ея тихія струи; я держался берега, товарищъ мой поплылъ далѣе, и вдругъ при Черкеса, съ противоположащаго берега, кинулись въ воду: мы вздрогнули, однако ничего не произошло. Въ шесть часовъ по полудни обѣдали и ужинали съ Урнежевскимъ; часа черезъ два онъ поѣхалъ въ обратный путь со слезами на глазахъ, и мы, прощаясь, взаимно чувствовали печаль; трехъ-дневное пребываніе вмѣстѣ сблизило насъ; въ путешествіи своемъ, я на опытъ узналъ, что есть лица *привлекательныя*, не знаешь за что полюбишь человека; *напротивъ*, есть фигуры *оттолкательныя*, увидишь, и — хоть бы въѣкъ не видай.

Въ десятомъ часу вечера, при полномъ жаркомъ мѣсяцѣ, при звѣздномъ небѣ, на берегу тихой Кубани, въ десяти саженьяхъ или не много далѣе, осьь воров-

скаго - Черкесскаго пикета, сидя на стульяхъ, съ трубками, глопали теплый воздухъ. Могъ ли я предвидѣть, за годъ, что буду такъ далеко отъ родныхъ и друзей? На свѣшъ живучи, все можешь случиться.

Ермоловъ и Черкесовъ привелъ въ страхъ; однако жъ они зимою воровски переходяшъ покрывшую льдомъ Кубань, и ошгоняють скотъ; здѣсь какъ и на Терекѣ не надобно дремать, и всякой ложившися спать съ оружіемъ у изголовья; непріятная жизнь! Наши солдаты окликаются: „кто идетъ? кто идетъ? кто идетъ? говори! убью!“ Попробуй не ошвѣчаться, такъ и будешь въ Елисейскихъ поляхъ! Нѣсколько мѣсяцовъ тому назадъ, Полковникъ хотѣлъ испытать своего солдата, на часахъ стоящаго, прошелъ — не ошвѣчая: солдатъ приложился, и — Полковника не спало; кто правъ? кто виноватъ?

Возблагодаря Творца за благополучное путешествіе, споль дальное и многотрудное, мы легли успокоившися на свѣжее сѣно; я часно просыпался отъ ошкликовъ нашихъ Русскихъ и Черкесовъ; тушь мудрено бытъ соннымъ, каждой сѣлаешься и смѣшливымъ и ошороженнымъ.

11-го Августа. Въ седьмомъ часу утра, поблагодаря Ашамана Машвѣва, пустились въ путь, сопровождаемые сошнейю козаковъ, и благополучно очутились въ Екашеринодарѣ; дорога безподобная, слѣва скромно печешь Кубань, за нею виденъ лѣсъ, а вправо простирается зеленая равнина. Въ Екашеринодарѣ, по благосклонности начальниковъ казацкихъ, пригошвлена была для насъ чистая, хорошо-убранная квартира Майора Барабаша, кошорый и въ ошсуществіи своемъ не токмо угостилъ насъ, но и въ дорогу снабдилъ, виномъ и съѣсными припасами. По сему я долгомъ пославилъ себѣ, письменно изъявивъ ему мою и товарища моего благодарность — за угощеніе.

За нужное пославляю сказать, что въ Войсковой Черноморской Канцеляріи, вычисля опѣ Екашеринодара до Тамана, впередъ берущъ деньги за почтовыхъ лошадей.

Сверхъ сошни Козаковъ съ офицеромъ, данъ намъ Полковой Есаулъ Никиша Яковлевичъ Долинскій, чтобъ нигдѣ не было оспановки: молодець, добръ и услужливъ; — мы не ѣхали, а лешѣли.

Въ восьмомъ часу вечера, въ Ивановской спаницѣ, мы оспановились у одной

козачки, и на дворѣ, при двухъ мужес-
 ственныхъ часовыхъ, освѣщаемые печаль-
 ною луною, безъ свѣчъ, почти какъ днемъ,
 обѣдали и ужинали въ одно время; около
 насъ, на обширномъ дворѣ, быки съ важно-
 стію прохаживались, коровы прогулива-
 лись, шеляпа прыгали, ягнята щипали
 травку, курицы клокошали, цыплята
 подъ крылышки ихъ прятались, свиньи съ
 поросятами хрюкали, лошади ржали; ше-
 плопа нѣжная увивалась вкругъ насъ,
 хозяйка старая, но добрая, хлопотала,
 угождая намъ, и помогая повару; въ
 это время вспомнилъ я нѣкоторыхъ на-
 шихъ путешественниковъ; сколько пищи
 для *сентиментальнаго* сердца! сколько
воздуховъ ароматическихъ, цѣлебныхъ и
бальзамическихъ, какъ не выронишь слезу
 изъ праваго глаза! Оставя шроташельныя
 картины, я вступилъ въ разговоръ съ
 козаками, и узналъ, что козаки сохра-
 няютъ всѣ посты; что въ постные дни
 вина не пьютъ; что свято чтятъ своихъ
 родителей, слѣпо повинуются приказані-
 ямъ начальниковъ, вѣрны женамъ своимъ,
 и передаютъ все, что знаютъ, своимъ дѣ-
 тямъ. Молодые козаки, дѣши, наизустъ
 знаютъ всѣ походы опцевъ и дѣдовъ сво-
 ихъ! Вошъ прямо природное воспитаніе,

получаемое отъ родителей своихъ, а не отъ пришельцевъ, коими съ давнихъ лѣтъ наводняешия любезное наше отечество. Строгое повиновеніе наблюдается всегда и вездѣ, ибо начальники, бывъ прежде сами просшыми козаками, на опытъ дознали, какъ должно управляти подчиненными; доброша души сіяеши на лицахъ козацкихъ, и всѣ вообще умны, кропки, и привѣпливы; рассказы ихъ весьма пріятны; не лѣзя не любить ихъ!

12-го Августа. Вчера прилегли, но пѣма насѣкомыхъ не допустила сомкнуть глазъ; въ три часа, на самомъ разсвѣтѣ, уже были готовы къ отъѣзду; въ пятомъ выѣхали изъ Ивановской станицы. Упробило свѣжее. Насъ сопровождали 150 козаковъ; первыя двѣнадцать верстъ мы проѣхали съ быспрошюю молніею, менѣе нежели въ полчаса, и 28 другихъ въ часъ, до Копыла, лежащаго при рѣчкѣ Протоцкѣ. Здѣсь опасность заспавляетъ такъ скоро ѣздитъ. Тутъ на паромѣ живо переезжали наши экипажи, и насъ еще живѣе на лодкѣ; съ такою жъ скоростію доѣхали мы до Пешровскаго кордона на рѣчкѣ Калаусѣ — 25 верстъ; до Андреевскаго кордона на рѣчкѣ Куркѣ 25 верстъ; до Темрюка 25 верстъ, козаки перемѣнялись на

каждомъ кордонѣ. Дорога очень хороша; мосты гораздо лучше, чѣмъ внутри Россіи; камыши во всю почти дорогу, высокою и густою удивляютъ, имѣя три и болѣе сажени.

Черноморцы весьма ловки, молодцы, какъ и прочіе козаки, и офицеровъ имѣютъ опличныхъ. Темрюкъ станица, заключаешь въ себѣ девяносто домовъ, или мазанокъ, однако есть и хорошіе домики; церковь одна каменная изрядной Архитектуры; большого богатства внутри нѣтъ, но вездѣ хорошо и чисто; здѣсь въ Темрюкѣ мы остановились у Есаула: жена его въ пласточкѣ, мастерски повязанномъ, въ козацкихъ сапожкахъ, весьма и даже *занимательно* мила; вездѣ мы испытывали угощеніе древнихъ Папріархальныхъ временъ, подчуютъ и упрасиваютъ взять въ дорогу хлѣба, вина, плодовъ; словомъ, чѣмъ богаты, тѣмъ и рады; насильно даже кладутъ въ экипажи, и — *денегъ не берутъ!* Жарко, и немудрено — ѣхавъ съ шакою быспрошою, мы въ двѣнадцать часовъ времени, проѣхали 185 верстъ. Въ девятомъ часу вечера въѣхали въ Тамань; чрезъ крѣпость не хотѣли насъ пускать; но, видя чешыре экипажа на мосту, которыхъ нельзя было поворочить, доло-

жили Коменданту Каламаръ, и онъ позволилъ. Мѣсяць уже, плѣняя — свѣпиль, мы оспановились на лучшей улицѣ въ пригнотовленной кварширѣ козацкаго офицера. Насъ посѣпили любопытные и учпивые чиновники. Ужинъ и обѣдъ нашъ былъ въ одиннадцатомъ часу; послѣ чего принеся ошъ души благодарность Богу за благополучное окончаніе пушешествія по Кавказской и Кубанской линіямъ, упомянные возлегли на сѣно, и предались сладкому сну. Нынѣ дорога вездѣ широкая, ибо Ермоловъ велѣлъ сжечь камышъ по обѣимъ споронамъ, чшобъ шѣмъ безопаснѣе было для проѣзжающихъ. Въ камышахъ козаки поймали нѣсколько молодыхъ лебедей и намъ подарили; мы приказали чешырехъ зажаришъ; ночью Таманскія собаки вошли въ печку и похищили наше жаркое, которое мы готовились въ первый разъ въ жизни опвѣдать.

13-го Августа; едва мы проснулись, былъ у насъ Комендантъ, Полковникъ Каламара, родомъ Грекъ; всѣ объ немъ хорошо опзываются; онъ давно служилъ; я поговорилъ съ нимъ по - Гречески. Полковникъ гарнизона Бобовдовъ, добрый спарикъ, а Есаулъ Маршынъ Степановичъ смышленный Городничій. Мы осмошрѣли

крѣпость, которая при безсмертномъ Суворовѣ была въ лучшемъ видѣ, по словамъ здѣшнихъ жителей; шуть и шеперь находится девяносто орудій. — Тутъ повѣрилъ свои часы по солнечнымъ. Всего лучше, во всемъ Таманѣ, супруга Коменданша Каламары, прекраснѣйшая изъ брюнетокъ, Гречанка съ огненно-темными глазами, умна и мила, и говоришь прекрасно по-Гречески! Заходили къ Бобоедову и Есаулу; потомъ пошли къ проливу Киммерійскому. Подъ нашими ногами разбивались пѣнистыя волны, несомыя проливнымъ вѣтромъ къ берегу; взорамъ нашимъ представлялись Еникаль и Керчь; мы должны осматриваться, ибо часъ отъ часу буря сильнѣе поднималась. Стоя на берегу волнующагося моря, думалъ я: только передъ стихіями гордость, сила и богатство смиряются. — Утромъ былъ порядочный дождь, послѣ двухъ мѣсяцевъ засухи. Жителей въ Таманѣ не болѣе двухъ сотъ, и весьма мало съѣстныхъ припасовъ. Босфорскій проливъ съ берега прекрасенъ особенно при непогодѣ. Послѣ обѣда, по благосклонности Бобоедова, ѣздили мы на его дрожкахъ вершины при отъ Тамана на гору, которая 1818 года съ 15-го Августа до 15-го Сентября, при пламени и гус-

помъ дымъ выбрасывала грязь и каменья. Я собралъ нѣсколько камешковъ и окаменѣлой грязи разнаго цвѣта, для химическаго раздробленія, по приѣздѣ въ С. Петербургъ. По словамъ жителей, сіе явленіе случилось до восхода солнечнаго, съ ужаснымъ ударомъ; въ тоже почти время въ проливѣ Киммерійскомъ и въ Азовскомъ морѣ слышны были удары, и два раза появлялись острова, по кошорымъ могли ходить люди, и смѣлые ходили; вскорѣ вѣтромъ снесены были, или волнами смыты — исчезли. Тушь на горахъ и подъ горами росшихъ множество иліопропу, хотя онѣй и не такъ высокъ, какъ у насъ въ горшкахъ, но благовоннѣе нашего. Мы ходили опять къ берегу: волны шумящъ и вѣтръ противный; тепло, воздухъ чистъ и здоровъ; въ ожиданіи благопріятнаго времени къ отъѣзду нашему, мы купались въ соленой водѣ, ужинали, разсуждали и сожалѣли, что многіе города не похожи на города.

14-го Августа. Рано вставъ, вышелъ подышать, Тмушараканскимъ воздухомъ насладиться; противъ нашего домика жидовской пишейной домъ, гдѣ во всю ночь шумѣли и не успокоились; они мѣшали и думашъ; однако много пробѣжало въ голо-

въ моей историческихъ истинъ и басней; писалъ часа три; въ одиннадцать часовъ осматривалъ церковь Покрова Пресв. Богоматери (*), гдѣ видѣлъ извѣстный камень, о которомъ многіе писали и многіе на утвержденіяхъ основывали свои заключенія; но надо отдать справедливость покойнымъ: Минпрополиту Гавріилу, Болшину и Графу Алексѣю Ивановичу Мусину-Пушкину; сіи мужи соединенными силами вскрыли завѣсу, покрывающую Тмушарканское Княженіе, и всѣ переспали сомнѣваться о мѣстѣ онаго; нѣсколько лѣтъ тому назадъ, любитель древности и знапокъ отечественной Исторіи Алексѣй Николаевичъ Оленинъ, своими изысканіями еще болѣе удовлетворяетъ любопытство о семъ же Княженіи.

Не сколько веселья бываетъ избалованный ребенокъ, получа желаемыя игрушки; сколько я былъ радъ — увидя камень, который въ юности моей, лѣтъ шринадцать тому назадъ, сильно занималъ меня, когда и

(*) Тотъ ли самый храмъ стоитъ и по нынѣ, который выстроенъ Мстиславомъ, послѣ побѣды надъ Касогскимъ Княземъ Редеею 1022 года, не могу утвердить. Касоги не иные были, какъ нынѣшніе Черкесы; это не моя догадка.

я, будучи еще военнымъ, писалъ рѣчь о Тмушараканѣ и Мспиславѣ Владимировичѣ, копорую лучшій изъ кадешь бывшаго Греческаго Корпуса, Скіеда, говорилъ, предъ всею знашью С. Петербурга и предъ учеными людьми, и копорая удостоена была благосклоннаго вниманія и одобренія. Подошедъ къ сему камню, я обнималъ оный какъ стараго, но невидѣннаго мною знакома. Оный не болѣе пяди пяденей моихъ, гдѣ читаешь надпись: „въ лѣто 6576 (1065), индикта 6, Глѣбъ Князь, мѣрилъ море по лѣду, отъ Тмушаракани до Керчи 30,054 сажени. Другая половина сего камня шестъ съ лишкомъ моихъ пяденей, шолщина болѣе пядени. Надъ симъ камнемъ лежишь нынѣ другой камень съ надписью Греческою; но я не могъ болѣе разобрать какъ слово *воспоръ*. Съ обѣихъ сторонъ въ барельефѣ изображены фигуры человѣческія въ туникахъ, въ при чепверти аршина вышоты, съ поднятными руками, держащими вѣнки. Святость ли изображаетъ сей камень, или просто надгробіе надъ какимъ нибудь воиномъ? Не знаю. Пусть Ученые о семъ разсуждаютъ и пишутъ. Довольный своимъ ушромъ, обѣдалъ хорошо, и чилобъ избавитъ жару, заснулъ. Въ пяшомъ часу посѣпиль насъ Ашаманъ

Машвѣвъ и по видимому недовольный своею судьбою, что долженъ одинъ жить въ Екашеринодарѣ, а жена живетъ съ пятью дочерьми и двумя сынами въ Таманѣ. Жаль мнѣ шарика! Черезъ часъ пошли мы къ нему, не заспали дома, только съ двумя дочерьми кланялись; въ это время Генераль Н. Н. Раевскій былъ у насъ; мы, взявъ дрожки, поѣхали въ крѣпость Фанагорію, (такъ называется крѣпость Таманская) и привѣществовали пріѣзжаго почтеннаго Генерала, пили чай съ его дочерьми и Англичанкою, доброю Машень. Тутъ всѣ военные были, и всѣ препорядочные люди. Выѣхавъ изъ крѣпости, въ виду Керчи и Эникаля мы купались. Соленая вода здорова и тепла, но проливна если въ ротъ попадетъ. Почти 5,000 верстъ отъ С. Петербурга по сдѣланнымъ нами кругамъ. Въ 10 часовъ Кикимора, Славянскій богъ сна, покрылъ насъ своимъ крыломъ.

15-го Августа. Успеніе Богоматери; не удалось быть у обѣдни, ибо въ 8 часовъ ушла погода спихла, и мы перебрались съ экипажами на канонерскую лодку, по здѣшнему Лансонъ, одно мачтовое судно; въ девять часовъ, снявшись съ якоря и поднявъ парусы, при самомалѣйшемъ

вѣпрѣ, пустились по спрашной жидкости. Мнѣ два раза было дурно, хопя я и служилъ въ юныхъ лѣтахъ въ Балпійскомъ флотѣ; кусокъ хлѣба съ солью облетчилъ боль въ желудкѣ; писалъ на палубѣ; вѣпру попушнаго не было, и несносный шпиль досаждалъ. Съ нами переѣзжалъ одинъ Грекъ Плакидасъ, поргующій виномъ, человекъ умный и благочесливый. Еще въ Таманѣ пронуди меня слова Апамана Черноморіи Матвѣева; прощаясь, упирая слезы, онъ сказалъ: „не забудьте добрымъ словомъ;“ здѣсь на лансонѣ, вспомнилъ я оныя, и долго думалъ о немъ.

Въ девять часовъ ушра оставили за собою *Азію*, а въ пять по полудни бросили якорь въ *Европѣ* — у Керчи. Сей пушъ, при благопріятномъ вѣпрѣ, совершающъ въ два часа съ половиною, а мы ѣхали 8. Насъ привѣтснвовали морскіе офицеры, но мнѣ и шоварищу моему болѣе всѣхъ понравился Капишанъ - Лейшенаншъ Папиніюши, Грекъ, начальникъ флотиліи, сѣдовласый сорока - лѣтній молодецъ; умѣнь, скромень и всѣми любимъ; съ брапомъ его я воспишывался въ бывшемъ Греческомъ Корпусѣ; а пошому и съ нимъ вступилъ въ откровенный разговоръ, на Греческомъ языкѣ. Папиніюши водилъ насъ въ дре-

внѣйшую Греческую церковь, которая воздвигнута, по многимъ замѣчаніямъ, болѣе 1,500 лѣтъ тому назадъ; четыре колонны изъ Паросскаго мрамора поддерживаютъ куполь и всю церковь, легкой и пріятной Архитектуры. Приспройка недавно сдѣланная для помѣщенія большаго числа христіанъ, также весьма красива. Здѣсь видѣлъ Евангеліе и Апостоль, писанныя по-Гречески на пергаментѣ, чешко и чисто, не менѣе 500 лѣтъ тому назадъ. Мы всходили на гору и видѣли то мѣсто, гдѣ, какъ говорятъ, Мишридашъ, Понтійскій Государь сиживалъ. Я сѣлъ на сіи большія кресла, красиво изсѣченныя изъ дикаго камня въ скалѣ и окинулъ взоромъ вокругъ себя. Прелестная и величественная картина! Но какой ученый и преученный увѣришь меня, что это былъ точно тронъ Мишридаша? Чѣмъ докажешь, что сей Царь, на чистомъ воздухѣ возсѣдая подъ облаками, давалъ расправу, и гопповился на брань? — Однако и мнѣ кажешся, что по горамъ существовала стѣна, сдѣланная ошъ набѣговъ хищныхъ народовъ. Но — полно; кажешся, я не за свое берусь; есть схоластники, имъ предоснавлено писать диссертаціи, или подробныя изысканія. — Были у Н. Н. Раевского, ко-

шорый послѣ насъ прїѣхаль: въ безпокойствїи почтенный; сынъ меньшей очень боленъ; жаль молодца! Въ 8 часовъ у Эмануила Теофиловича Кордіо, у коего приспали; богашый человекъ и деньгами и дѣшьями: семь дочерей и пять сыновей — всѣ живы; я ихъ не видѣль, къ празднику поѣхали въ Ениколь. Въ Керчи считаешся около четырехъ тысячъ жителей обоего пола; Греческій языкъ вездѣ слышенъ; я говорилъ со многими Гречанками: они весьма привѣдливы и хороши собою. По древнему обычаю, сидятъ поджавши ноги, передъ своими домиками, на коврикахъ; въ будніе дни въ трудахъ; сего дня, въ праздникъ, проводятъ въ разговорахъ. Какая разница бывъ Грекомъ подъ законами Россїи и — Турціи!

16-го Августа, упрямъ, приглашенные Пациніотіемъ, смотрѣли, какъ починиваютъ на водѣ шрехъ - мачтовое огромное транспортное военное судно, поворачивая съ боку на бокъ, такъ что киль виденъ; спрашно! и шѣмъ болѣе страшнѣе, что оный моютъ швабрами пылающими, попомъ конопатятъ и дегшемъ мажутъ; все сіе производится со скоросью, смѣлостью и ловкостью. Въ 10 часовъ возблагодаря всѣхъ за учтивость ихъ, и бо-

лѣе Папиніоти, проспаясь съ хозяиномъ и со многими Греками, поѣхали въ Кефу или Θεοδοσίю, куда пріѣхали въ 8 часовъ по полудни, и приспали въ Греческомъ шпакширъ — пречисломъ; дорога хороша, мѣстоположеніе — зеленая сѣнь; весною шрава прекрасная, и шеперь на деревьяхъ шпорые лисшья. Обѣдали и ужинали въ десяти часовъ вечера, и улеглись.

17-го Августа, мы шолько что хотѣли выпши, явился Комендантъ, меньшей Сиріоти, израненый Майоръ, бывшій кадепомъ въ Греческомъ Корпусѣ — съ нѣкоторыми свѣдѣніями и оспрь; онъ повель насъ осмошрьшь караншинъ: ошлично чисшь и хорощъ! много спѣнь древнихъ, и новое шпроеніе прекрасно. 25 Іюля нынѣшняго тода, скопившаяся на горахъ опъ дождей вода, шакъ бышпро пошекла чрезъ караншинъ, что въ спѣнахъ Генуэскихъ прорвалась, и наводнила караншинъ выше двухъ аршинъ; много поврежденнаго, и шрехъ человекъ спящихъ шнесла вода въ Черное море; на другой день нашли ихъ бездыханными; помощникъ Инспектора караншина, Гирсь, благороднаго обращенія, и прочіе чиновники учшвы и порядочны. Ходили по бульвару безъ деревьевъ, по берегу Чернаго моря; на семь

мѣстѣ, говорили мнѣ, были древнія спѣны; начальникъ бывшій въ Кефѣ, Г. Ф. сломалъ, и сдѣлалъ гулянье, по которому гладко ходишь, но шакъ жарко, что ни кого не вспрѣшишь; когда посадишь деревья, чтобъ тѣнь была, тогда будетъ хорошо. Жителей считается болѣе чешырехъ тысячъ. Жаръ сего дня былъ нестерпимъ, и потому мы бросились въ Черное море и — нѣсколько прохладились; думали обѣдать дома, но — по сильнымъ убѣжденіямъ, согласились раздѣлитъ трапезу новаго Градоначальника Г. П — го, который при раза пріѣзжалъ къ намъ; — послѣ обѣда, на шлюбкѣ Градоначальника ѣздили къ Броневскому, бывшему Градоначальнику здѣсь. Онъ живетъ какъ пустынный, и — руками своими воздѣлывая садъ свой — кормится; отличный человекъ! я его давно знаю: преисполненный познаній, и великій знапокъ на многихъ языкахъ писанъ; нынѣ нашелъ его огорченнымъ; не вѣдаю причины; но жаль человека съ дарованіями, съ обширными свѣдѣніями по всѣмъ часямъ. Садъ его, имъ разведенный, имѣетъ болѣе десяти тысячъ фруктовыхъ деревьевъ; миндалю продаютъ пудовъ двадцать, и вошъ *погтеннаго* *доходъ*; въ саду, можно сказать, много есть милаго,

семо и овамо, въ пріяшномъ безпорядкѣ: по оштатки колоннъ Паросскаго мрамора, по камни съ надписями, — памятникъ, воздвигнувшій племянницѣ его, храмики, горки и проч. У Броневскаго заспали Н. Н. Раевского съ дочерьюми и съ больнымъ сыномъ. Распроспаяе съ философъ-хозяиномъ, поѣхали къ П — му; — купались, читали газетны, писали, ужинали, и проспились; дома у себя приготоновились къ завипрашнему опѣвду.

18-Августа. Вчера убѣдили меня ѣхать верхомъ по южному берегу Крыма, и я было согласился, хотя опъ жаровъ не такъ-то здоровъ; долженъ признахся, что для меня жестокой морозъ пріятнѣе, нежели зной; опъ холоду можно избавишься, а опъ жару некуда дѣвашся, и позыву къ ѣдѣ нѣтъ, сонъ бѣжитъ, человекъ весь не свой; а зимою каждый скоръ, румянъ, молодъ, бодръ! — Въ семь часовъ упря выѣхали изъ Феодосіи съ даннымъ намъ провожаемымъ, Татариномъ; располагаясь до Судака въ коляскѣ, а такъ верхомъ. Прѣхавъ 24 вершны до Кринички, я взглянулъ на маршрутъ, началъ счищать вершны, и — сочтя, что 300 вершъ должно ѣхать верхомъ и по 50 вершъ въ сушки, съ признапельностію нашель себя не въ

состояніи исполнишь сію шрудную для меня дорогу: я *сытъ и Кавказскою линією!* Пустъ называющъ меня шрусомъ; нѣтъ, — эшо не шрусосъ, а даже, если смѣю ска-
зашъ — досшюинство: ибо *когда бы люди брались за шо только, чшо могушъ вы-
полнишь, гораздо бы все лучше шло въ мірѣ:* анъ посмотришь большая часпъ не по силѣ шягосъ несешъ, вошъ и бѣда; не хорошо, *когда человекъ мечтаешъ бо-
льше о себѣ, нежели онъ есть.* Мало ли мы чипали, чипаемъ, видѣли, и видимъ, чшо *самонадеянность* часшо и очень часшо ко вреду служила и *хвастуну и ближнимъ!* Могъ бы множесшво примѣровъ предспа-
вишъ, но — боясь ушомишъ чипашелей, кои удосшояшъ своимъ вниманіемъ мои пущевыя записки, молчу. И такъ доѣхавъ въ несносный жаръ по гористой дорогѣ до Шахъ-Мурзы, (имѣніе принадлежащее Годлевскому), раздѣлились; товарищъ мой поѣхалъ верхомъ на Судахъ, а я въ Бурундухъ; прощаніе было слезное, мнѣ душевно горько! — Въ восемь часовъ вечера доѣхавъ до Бурундука, ночевалъ у ямщика Ивана Максимова, одинъ одинешенекъ; два человека бывшіе сомною и больны и хмѣльны; не на кого надѣяшся; хозяйка съ двумя дочерьми, видя мое положеніе, упростили пре-

дапсья покойному сну, и что онъ будущъ караулишь при экипажа; ушомленіе за-спавило принявъ съ благодарностью пред-ложеніе; вокругъ избы пусто и безлюд-но, вдали почтовый худой дворъ, вдали же изъ шести человекъ казачій карауль; лу-на взглядывала въ малое окно, а въ дру-гое смопрѣли на меня шо воль, шо коро-ва; дума занимала голову мою, началъ за-бывашься, какъ вдругъ вбѣгаетъ какой-то молодець съ обнаженною шпагою, гро-зно крича: гдѣ хозяинъ? Я проснулся, и ошкуда взялась смѣлосць? кричу грознѣе: *вонъ!* — Въ эшо время собачка Англійская, бывшая со мною, бросилась съ лаемъ на дерзкаго, и онъ — какъ привидѣніе — исчезъ; не знаю — кого испугался, меня или собаки?

19-го Августа. Въ пятомъ часу упра, былъ уже готовъ къ ошѣзду; хозяйка съ дочерьми не хошѣла взять плащы; но — по просьбѣ моей, для памяти, рѣшились без-дѣлицу оставишь у себя: наспоящія хри-стіанки! Дорога къ Симферополю или Ах-мечети, большею частію гориста, и не всегда хороша; мосты всѣ хороши; мѣсто-положеніе красиво, лѣсу много, и на деревь-яхъ новые листья. Въ десяти часовъ упра проѣхалъ *Карасубазаръ*, и — не выходя изъ коляски, спросилъ почтаря, опряшнаго

жида; онъ говорилъ: что лавокъ болѣе 300, что одна каменная Греческая церковь, одна Грекороссійская, одна Каполическая, одна Армянская, множество мечешей, и нѣсколько синагогъ, что жителей около 15-ти тысячъ; за вѣрность не ручаюсь. При вѣздѣ въ Карасубазаръ плѣняются взоры, прямые, высокіе, горделивые пополи и фруктовые деревья; сколько могъ замѣшнъ, одни Русскіе дома, окнами на узкія улицы, а прочіе дома всѣ обращенны окнами на дворъ; скучно видѣшь, Госпинный дворъ обведенъ высокою стѣною; вороша запираются по закашъ солнца, и шоръ оканчивается.

Изъ *Зюйской* станціи, послалъ передоваго къ Таврическому Губернатору Александру Николаевичу Баранову, прося его, чтобы приказалъ опвесити мнѣ квартиру какъ челоѣку, коропко съ нимъ знакомому по С. Пешербургу. За передовымъ черезъ часъ поѣхалъ и самъ; почти въ при часа вѣхалъ въ Симферополь, и — прямо къ Губернатору, который на крыльцѣ встрѣшилъ меня, какъ друга, какъ любезнаго брата; слезы шрепетали у обоихъ на глазахъ; душа его благородная, выказалась въ сіе время во всей красѣ своей; разумѣется, что бывшіе у него

госпи подражали своему хозяину, и мнѣ было пакъ весело, что нѣшь словъ пере-сказашь; давно сказано: *кто гувствуетъ много, тотъ мало говоритъ*. — Обѣдъ и хорошъ и приправлень дружескою бесѣдою. Послѣ обѣда явился Докшоръ, и занялся хмѣльными еще людьми, со мною прѣхавшими; самое лучшее лекарштво, что и всѣ придумали — ошправишь въ больницу, до ошѣзда нашего изъ Симферополя.

Любезный Губернашоръ приготовилъ для меня при комнашы, назнача и прислугу. До 12 часовъ мы сидѣли, и я съ удовольствіемъ внималъ о предпріятіяхъ начашыхъ, хоня молодымъ, но преисполненнымъ дарованій Губернашоромъ; все, что Александръ Николаевичъ предполагалъ совершишь въ Таврической губерніи, клонилось ко благу общему. Дай Богъ шолько ему сполько силъ и твердости, чтообъ кончишь многошрудныя свои желанія. Ужинъ прекрашилъ нашъ разговоръ, мы разошлись, и я посшавляю долгомъ ска-зашъ, что весело бытъ хоня бѣднымъ, но честнымъ человѣкомъ: вездѣ находишь дружбу, всюду встрѣчаешь любовь и до-вольштво, шогда, когда *гордецъ богатый и несправедливо нажившій сокровища, пре-зираемъ, и ни кто не хочеть не шокмо*

угодишь, но даже встрѣчаешься съ сими людьми.

20-Августа. Въ шестомъ часу ухра проснувшись, и возблагодаря Бога за милоспи, спалъ чинашь иноспранныя газетш; удивленіе мое усугубилось, — чиная о Неаполишанскомъ переворотѣ, и о процессѣ Англійской Королевы; свидѣлся съ хозяиномъ, который совѣщовалъ мнѣ — посмотришь базаръ: шолько въ пѣшницу каждую недѣлю, со всѣхъ окрестностей, прѣзжають шорговцы; каждый, чѣмъ богашъ, шо и предлагаешъ на продажу. Чрезвычайно жарко, даже душно! не смотря, что восемь часовъ ухра; однако я пошелъ: взоры не плѣняются базаромъ; весьма нечиспо! шолько и слышишь Тапарской языкъ! Фрукшовъ множештво и разнаго незначущаго шовару. Заходилъ къ Князю Балапуку, бывшему моему кадешу, подъ именемъ Кая-Бею: нынѣ Генераль-Маіоръ; не заспалъ дома; къ женѣ не заходилъ, ибо не водишся у Магомешанъ; написалъ записку къ нему, прося переслать въ его деревню. — Городъ Симферополь — чиспенъкій, но неправильно вышпроенъ; большею частію каменныя шпроенія, церквей христіанскихъ мало, мечетей за шо много; соборная церковь Св. Александра Невскаго,

на помѣ мѣсѣ, гдѣ великій Суворовъ редушъ выстроилъ при покореніи сего города, не кончена; но сумма опущена, и честный Губернаторъ Барановъ уже съ душевнымъ удовольствіемъ снремился все по совершить, что его предмѣспниками начато. Онъ конечно оставилъ свое имя въ семъ необразованномъ краю, и губернія процвѣтаетъ. Въ два часа съли объѣдешь, и бесѣда пріятная; Александра Николаевича Секретарь, Фабръ, съ просвѣщеніемъ и кротостію молодой человекъ, своими заключеніями о многихъ предметахъ обратилъ мое вниманіе, какъ и Офрейнъ — опспавный Шпабъ-Офицеръ, помѣщикъ въ семъ краю, точно съ правилами и благороднаго духа человекъ; Виллисъ, Англичанинъ, нашъ подданный, съ образованіемъ, при наружности привлекающей. Въ шестъ часовъ Барановъ предспавилъ меня дивизионному Генералу Удому; и онъ, жена и дѣти весьма учтивы и любезны. Онеюда пошли къ Офрейну; шупъ часа два провель; какъ будто съ родными, всѣ пришли мнѣ по сердцу. Хозяйка Екашерина Осиповна, не смощря, что Француженка, съ большимъ образованіемъ, съ умомъ любезнымъ и обращеніе самаго пріятнаго; мужъ ея — просвѣщенный съ кротостію че-

ловѣкъ; старшая шестнадцатилѣтняя дочь Леонисъ, при привлекательной наружности преисполнена дарованій и познаній; меньшая Зенеида шеперь оспрошою обращаетъ вниманіе: года чрезъ три, воспитанная родителями, будетъ украшеніемъ Крыма, по крайней мѣрѣ я такъ думаю и напередъ радуюсь. Тутъ же была гостыя, госпожа Лангъ, супруга Доктора, лѣтъ за двадцать, прекрасная женщина, съ крошосію, и у насъ въ Петербургѣ остановила бы каждого, и нѣжный полъ, разумѣлся *независтливый*, ошдаль бы ей справедливосшь: и спанъ и взглядъ, и все мило въ ней; мужъ ея, пріѣхавшій послѣ, челоуѣкъ сшепенный и молчаливый. Въ семь общесшвъ казалось мнѣ, что я дома, со всѣми родными или корошко знакомыми; ошкровенносшь переходила изъ устъ въ уста, и бесѣда сшановилась живѣе и любезиѣе, не взирая, что много говорено и объ ученосши; се признакъ истинной образованносши, безъ педаншсшва или напшажки нынѣшняго просвѣщенія. Насыпшвшисъ разговорами, лесшными для меня ошзывающими, раскланяся и пошелъ съ любезнымъ Губернашоромъ къ нему, гдѣ ожидалъ насъ Аѣинскій ужинъ, — не Аришшппа, а Сократическій, послѣ котораго каждый занялъ

свои комнаты; я помолился Богу, и заснул крепким сномъ.

21-го Августа. Въ шесть часовъ упрачивалъ уже газетны и писалъ; нѣсколько Гречанокъ присылали просить къ себѣ, общалъ завтра бытъ. Въ 12 часовъ съ Губернаторомъ и Офрейномъ ѣздить вдоль по Салгирю десятъ верстъ къ Ш..... К.... П.....: очень привѣтлива и довольна была — увидя меня; дѣпи ея миленькія. Мѣстоположеніе помѣстья не такъ-то очаровательно, какъ мнѣ рассказывали; есть горы, да гдѣ ихъ въ Крыму нѣтъ! Обѣдъ хорошъ, приправленный любезностію хозяйки. Салгиръ (рѣка), прославленная плаксивыми путешественниками, романтическими писателями, Салгиръ въ сіе время ручей, менѣе ручья, ибо и ушки ходятъ поперегъ онаго, а плавать не могутъ; говорятъ, что при дождяхъ, съ горъ льющаяся вода наполняетъ сію рѣку, и тогда Салгиръ до полутора аршина подымается, и будто сердится, и ѣзда въ экипажахъ прекращается. Въ семь часовъ были въ Симферополь; пошли было къ прекрасной Лангъ; не заспавъ дома, провели вечеръ въ пріятныхъ разговорахъ у Офрейны. Сего дня замѣтили, что и здѣсь есть *педанты*, и дуются какъ Индѣй-

скіе пѣшухи, и я принужденъ былъ употребить Апшическую соль; смѣху было довольно; въ самомъ дѣлѣ ничего нѣтъ безразсуднѣе, какъ представлять наружно-стїю свою и ученаго и глубокомысленнаго, не имѣя ни того ни другаго! Худо спалъ, любезный товарищъ мой представлялся во снѣ — и больнымъ, и желтымъ, и худымъ.

22-го Августа. Въ Симферополѣ, — Воскресный день, былъ у обѣдни; церковь бѣдна; жалко, что пѣвчіе обыкновеннаго напѣва не сохраняющъ, а пускающъ пѣнь сочиненія Боршнянскаго; и во всѣхъ случаяхъ люди бывающъ смѣшны, когда — родясь лягушками, хотящъ быть волами; прихожане довольно чинно ешюли, исключая одного сѣдовласаго, и еще со звѣздою; мнѣ больно было и за него и за шѣхъ, которымъ онъ мѣшалъ молиться. Послѣ обѣдни зашелъ къ одной Гречанкѣ, кошорая встрѣшила меня со слезами, рассказывая свое дѣло: я общалъ просить Губернатора; добрый и справедливый Александръ Николаевичъ, въ угожденіе мнѣ, общалъ еще разъ выслушать несправедливое дѣло; выслушалъ и опказалъ. Меня однако благодарили. Смѣшны люди! Ыздилъ черезъ Салгирь къ Мильгаузену, опличному чело-

вѣку, превосходному Доктору и крошк-
 му опцу семейства; Санктпетербургъ
 опѣздомъ его лишился знаменитого ме-
 дика, по многимъ отношеніямъ, — а бѣдные
 одного изъ благодѣтелей. Мильгаузенъ на-
 всегда здѣсь поселился, выспраиваетъ
 домъ, разсаживаетъ садъ, лечитъ безъ де-
 негъ, и успѣлъ въ короткое время приоб-
 рѣсти любовь и почтеніе всѣхъ. — Заѣз-
 жалъ къ Кузовлеву, женатому на Кахов-
 ской, коихъ дочь точно образована, и въ
 краю, гдѣ еще мало учителей, образуешь
 во многихъ часяхъ своихъ сестрицъ; по-
 хваляно родителямъ, давшимъ таковое
 воспитаніе, а не поверхностное, какъ мы
 видимъ: болтаешь, — болтаютъ многіе на
 многихъ языкахъ, а просвѣщенія не быва-
 ло! За обѣдомъ была одна фигура, видъ че-
 ловѣческій, а многословіе доказало, что
 чуждъ и просвѣщенія и доброты сердца.
 Въ седьмомъ часу по полудни, видимъ изъ
 балкона, чепырехъ верховыхъ лошадей и
 двѣ вьючныя, у меня сердце забилося; но
 когда сей кортежъ приблизился, и я
 узналъ своего шоварища, блѣднаго, жел-
 таго, одержимаго лихорадкою, невольно
 слезы покапились; мудрено безъ привычки
 въ несносной жаръ, бышь все верхомъ и
 по горамъ; пригласили Доктора Мильгау-

зена, копорый опасности не нашель, однако прописавъ лекарство, велѣлъ лечь въ постель, и чѣмъ больного оставишь въ тишинѣ. Видя присутствіе мое ненужнымъ, и когда Губернаторъ занялся бумагами о улучшеніи ввѣренной ему губерніи, я — будучи приглашенъ, поѣхалъ чрезъ глубоко-донный Салгиръ, къ Кузовлеву, гдѣ часъ любовался шанцами дѣвицъ Крымскихъ: не хуже лучшихъ благородныхъ шанцорокъ С. Пешербурга, первыхъ обществъ! Къ несчастію моему, всѣ почти хорошо говорятъ по-Французски; куда эта зараза не проникла! Почему не знаешь иноземные языки, но — до того доходишь, чѣмъ ошказываешь хорошимъ женихамъ для того шолько, чѣмъ не говорятъ по-Французски, спыдно и грѣшно! — А это случалось и не одинъ разъ въ сподлицахъ. Съ восьми часовъ вечера до полуночи сидѣлъ то у Губернатора, то у больного нашего; между тѣмъ Александръ Николаевичъ читалъ мнѣ свои обдуманые планы, цѣлю имѣющіе благоденствіе Тавриды; оспрадно роишелямъ имѣшь такого сына, и весело спранѣ имѣшь подобныхъ согражданъ, посвящающихъ юныя лѣта свои для счастья ближнихъ.

23 Августа. Симферополь. — Товарищу моему нѣсколько лучше; это меня радуешь, тѣмъ болѣе, что на чужбинѣ нашелся лучший Докторъ, и что попеченіе Баранова о больномъ, о мнѣ и нашихъ прислужникахъ, золотого вѣка; гостепріимство не хвастливое, не гремящее, а прямо отъ души. Посидѣвъ нѣсколько разъ у больного, и насытившись обѣдомъ и чтеніемъ до Тавриды касающимся, — въ седьмомъ часу пошли къ Ношарѣ; онъ молодой Гусарь, скромный и любезный; Елисавета Ивановна, супруга его, 17-ти лѣтняя, лѣпообразная, мать уже; хотя мало было словъ однако видна остроумца, и въ привлекашительныхъ глазахъ живость съ томноспію; — ее вообще Симферопольскія дамы называютъ живою душенькою Богдановича. Опкланявшись, Губернаторъ представилъ меня къ Елис. Яковл. Шостаку, урожденной Рудзевичевой, которую болѣе 25 лѣтъ не видѣлъ, и мы какъ знакомые; но чрезъ полчаса вспомнили юность нашу; у ней много дѣшей, и старшая дочь Александра Андреевна, прекрасная дѣвица, и столько скромна, сколько благовоспитанная должна быть. Здѣсь бывши, вспомнилъ сестру Шостака, Екашерину Яковлевну Ладыгину, ангела — а не женщину; но она давно пе-

реселилась, шуда, гдѣ — по достоинствамъ своимъ душевнымъ, ликуешь съ Несозданнымъ. Вечеръ провелъ въ чтеніи.

24 Августа. Симферополь. Не смотря на жары, я пользуюсь совершеннымъ здоровьемъ, за что несуся оцѣ души молебны къ Всевышнему. Товарищу моему легче. Почти часа чепыре, Губернаторъ читалъ мнѣ предположенія свои, какимъ образомъ привести въ порядокъ Магометанскую вѣру во ввѣренной ему губерніи, и о выморочномъ ихъ имѣніи: благоразумно написано, и я благодарилъ за довѣренность, шѣмъ болѣе, что онъ принималъ замѣчанія мои, съ благородствомъ душевнымъ. Послѣ обѣда ходилъ по городу, сучка и шоска соупсцовали мнѣ; гдѣ, гдѣ вспрѣлпшъ мушину, а женщины съ покрывалами. Улицы большею часпю шакъ узки, что двѣ шелѣги разѣхаться не могутъ, и окнами на дворъ. Заходилъ къ прекрасной Л. и внушкъ довѣренность къ себѣ; она пѣла очень мило, съ заспѣнчивоспю, украшающею нѣжной полѣ. Часа два сидѣлъ у Оф — ѣ, гдѣ бесѣда пріятна, и гдѣ Леонисъ пѣла хорошо, сопровождая свой голосъ гитарою. Зенеида, сестра ея, своими умными вопросами о Петербургѣ, своими оспрыми опвѣтами о Крымѣ, занима-

да также меня. У прекрасной Л — ь при малолѣтнія дочери, будущь со временемъ украшаютъ Тавриду, — бабушка ихъ, изъ Малороссіи, умна, не дурна и кропкая. Посидѣвъ съ больнымъ товарищемъ, удался къ себѣ за полночь.

25 Августа. Симферополь. Утро провелъ въ чтеніи иностранныхъ газетъ; духъ времени мнѣ не нравишся и беспокоитъ меня, воспитаннаго въ правилахъ должныхъ; беспокойство сіе побочное увеличилось, когда вошелъ къ любезному моему товарищу, нашель его въ объятіяхъ разлившейся у него желчи и въ сильной лихорадкѣ. Въ сіе время прислала мнѣ Г. Лангъ двадцать лимоновъ; знашь, что и здѣсь не изобиліе въ оныхъ, ибо у нее одной и было въ семь мѣсяцъ; Губернаторъ же послалъ въ Севастополь; чрезъ два дни привезуть; я письменно благодарилъ; больному нужны были, и сей подарокъ доказалъ, что приславшая, къ наружной красотѣ присоединяетъ красоту душевную.

Оставя больного на рукахъ Баранова и Мильгаузена, по совѣту перваго поѣхалъ на его прекрасномъ экипажѣ къ шѣмъ дамамъ, кои съ пріятною любезностію принимали меня по вечерамъ. Всѣхъ нашель въ занятіяхъ: или ошцы учили дѣшей сво-

ихъ, или машери, или старшія сестрицы меньшихъ; не такъ какъ большею частію у насъ — въ С. Петербургъ и Москвѣ. — Наспало утро, и мапушки съ *тономъ* вплошь до обѣда изъ магазина въ магазинъ, онѣ модницы къ модницѣ, или пустые ни къ чему неведущіе визиты занимающъ ихъ, а дѣши подъ руководствомъ наемниковъ и наемницъ, разумѣется иностранцовъ и иностранокъ, приучаются менѣ всего, знать свое опечесство. За обѣдомъ у Губернашора былъ Броневскій, человекъ съ обширными свѣденіями, и масперски излагающій мысли свои. Послѣ обѣда заходилъ къ почтенному Мильгаузену: онъ училъ дочь свою; я, чѣмъ не опвлечъ его отъ лучшаго занятія, скоро откланялся, и пошелъ къ дивизіонному Генералу Удому, и онъ и жена его люди учтивые, хорошіе; дочери премиленькія. Вечеръ наспалъ, и я рѣшился въ первой разъ быть въ Турецкой банѣ. Для всякаго случая взявъ человека съ собою, велѣлъ ему мыться, какъ ему угодно, а самъ опдался въ руки Тапарину. Баня не что иное, какъ чешвероугольное каменное строеніе, освѣщенное сверху, по шремъ сторонамъ каменные лавки, вдѣланныя къ полу; въ одной сторонѣ краны, изъ кошорыхъ по

желанію истекаешь горячая и холодная вода; полъ каменный, посреди коего каменное возвышеніе не болѣе поларшина, въ длину сажень, шириною не много меньше; баня шопишя съ низу, а попому полъ горячъ, и входящъ въ деревянныхъ башмакахъ, кои имѣють особенное названіе. У насъ паръ сверху внизъ спускается; здѣсь — съ низу вверхъ, и чшобъ нагрѣшь баню, обливають или брызжутъ полъ. Вошедшему мнѣ, банщикъ съ уклонкою головы просилъ прежде по-Турецки, а потомъ по-Гречески, лечь на возвышеніе, сдѣланное въ срединѣ, подложилъ подъ голову мою свернутое полошнице, и принялся за работу: сухими своими руками шеръ все шѣло мое довольно крѣпко, но съ искусствомъ, не больно; каждый сущавъ выпягиваль, направляль, переворачиваль меня какъ дитя; я молчалъ, а сидящій мой служишель удивлялся моему перпѣнію, и ни какъ бы не дался на шакое, какъ казалось ему, мученіе. Треніе продолжалось по крайней мѣрѣ полчаса. Послѣ чего просилъ лежать, а самъ обрызгиваль полъ, паръ обнималь меня; погода не много, онъ взялъ сухой шерстяной, довольно жесткой мѣшечекъ, надѣль на руку, и ну шереть меня; кончилось

сіе; шупъ vzdělъ на руку другой мягкой мѣшечекъ, снуспи наполненный ароматическимъ мыломъ, и началъ оняшь водить по шѣлу моему; потомъ просиль вспашъ и сѣспъ на каменную лавку, и принялся за голову: ужъ онъ ее мыль, мыль, ни какъ не слушаая словъ моихъ: довольно, довольно! — Наконецъ спаль обливашъ шо теплою, шо холодною водою, и — выпустилъ. Два часа и болѣе продолжалось пребываніе мое въ банѣ, и я съ чувствительною благодарностью долженъ признахся, что сія баня ешолько же полезна, сколько и наша Русская; ибо человекъ выходилъ молодець молодцомъ; что же производяшь заморскія ванны? Слабость и дряхлоспъ! Послѣ Русской и Турецкой бани, особенно послѣ первой, куда хочешъ поди, и въ жары и въ прескучіе морозы, а послѣ ванны ложисъ въ постель! Что лучше? Любители иноземнаго, не сердитесь: — а! вы молчите — на правду словъ мало. Такъ какъ баня близко отъ дому Оф — ь, шо я приглашенный пилъ у нихъ чай, — и довольный ворошилсѣ домой, гдѣ посидѣвъ у больного, съ Александромъ Николаевичемъ, занялся чтеніемъ, и время быстро и пріятно прошекло.

26-го Августа. Симферополь. Едва проснулся, вспомнилъ, что восемь лѣтъ минуло Бородинскому дѣлу, гдѣ веколебалась вражья Галловъ рапъ и съ ними двадцашъ языкъ. Вспомнивъ же сію кровопролитную битву, какъ забышь впо-раго Кн. Пожарскаго, Князя Смоленскаго, М. Л. Гол. Купузова; вѣки пропекушъ; но во всѣхъ концахъ вселенныя сіи мужи великіе будушъ живы. Больному поваріщу моему не много лучше, однако насилу могъ написашъ письмо къ родившей его, и я благодарилъ припискою, за хорошіе опъзывы обо мнѣ. Въ четвршомъ часу больному сшало очень дурно, все въ какомъ-шо усыпленіи, глаза мушныя, шо опкрышы, шо закрышы, ни единаго слова, и слезы капятся. Видя любезнаго друга спраданія, я и Барановъ спрадали, одинъ Мильгаузенъ молчалъ, надежды не перяя на выздоровленіе. Эшотъ день посвященъ былъ дружбѣ и слезамъ. Молишвы чистыя возсылаемы были ко Всевышнему о выздоровленіи молодата, хорошаго челоука.

27-го Августа. Симферополь. Товарищу моему со вчерашняго дня часъ опъ часу хуже; восемь дней ни зерна во ршу, кромѣ лекаршва. Душа моя очень больна,

и чѣмъ не впасѣ и мнѣ въ болѣзнь, велѣли гулять; — я пошелъ на базаръ, ни единого пріятнаго предмета не встрѣтилось взорамъ моимъ; заходилъ къ милымъ, и всѣхъ засмалъ въ полезныхъ занятіяхъ; нѣкоторыя мои замѣчанія на счетъ чтенія принимаются съ благодарностію, и вмѣстѣ со мною, ипокриша, Жанъ - Жака Руссо и дерзкаго Вольтера, здѣсь не уважають: это доказываетъ числоту душевную. Опадаемая мнѣ ободрительная справедливость оцѣ невинности содѣлываетъ счастье мое и на чужбинѣ. За обѣдомъ сколько хозяинъ Барановъ и Броневскій занимали благоразумнымъ разговоромъ, столько какой-то пріѣзжій выказывалъ во всемъ блескѣ глупости свою и даже низости чувствъ. Посидѣвши у больного до девяти часовъ, пошелъ съ Губернапоромъ къ О — ѣ, гдѣ заспали пріѣзжаго Сенапора Анд. Мих. Бор.; онъ удивлялся — увидя меня; учтивостями закидалъ и просилъ къ себѣ; благодарилъ и за то и за другое. Первой разъ съ пріѣзда моего въ Симферополь, часу въ пятомъ по полудни заблиспали молніи, загремѣлъ громъ и пошелъ маденькой дождь, послѣ кошората сильной вѣшрь. Какъ не благодарить Бога! Чѣмъ со мною было въ

споль прескучномъ городѣ, безъ Баранова и безъ любезныхъ особъ; единая тоска была бы мнѣ подруга: куда хорошая собесѣдница!

28 - го Августа. Симферополь. Ясно вижу, что путешесствіе для человѣка начитаннаго полезно, особенно если и душа образована; такой путешественникъ ни чему не удивляется, ничто не можешь совратить его съ пути должнаго, смотришь и — что заслуживаетъ вниманія, восхищается; но — безъ ахъ! и увы! величественныя красоты природы вдыхающъ въ него еще болѣе благоговѣнія къ Создателю всяческихъ. Красота нѣжнаго пола влечетъ чувствительное его сердце, и ежели соединена съ умомъ, слѣдственно съ добродѣтелию, болѣе и болѣе укрѣпляетъ въ правилахъ истинныхъ; но красота безъ должнаго воспитанія, не прогаешь благо-разумнаго путешественника; онъ льетъ слезы, разсуждая: что хорошее образованіе могло бы увеличить красоту наружную, и тогда безъ ужаса можно встрѣ-тишь старость. Красавица, лишаящаяся отъ времени наружной прелести, но при-обрѣтшая красоты душевныя, всегда пре-красна въ глазахъ мудрости, честности. Души крошкія приходятъ въ умиленіе,

когда видяшь престарѣлую особу, окруженную дѣтьми своими и чадами чадъ своихъ, и слыша глаголѣ сей почтенной особы, всегда поучительный, не на мечшахъ основанный, а на опытѣ дознанный. Обращимъ теперь взоры наши на старость, которая не готовилась къ оной. Нѣтъ — я не могу представишь сполнѣ горестную картину, хотя въ жизни своей и имѣлъ несчастіе встрѣчаться съ сими жалкими шварями; но старость, желающая молодиться, заслуживаетъ общее презрѣніе.

Признаюсь, въ каждой губерніи находилъ я пріятности, добрыхъ нравственныхъ людей, и сердился въ шожѣ время, видя людей съ нѣкоторыми дарованіями, невыполняющими долгъ свой; еспѣ и шакіе, кои ушѣхою счишають угнѣшашъ ближняго: — горе имъ! за окаменѣлость ихъ, они вживѣ оземлѣтели; что ожидаетъ сихъ нечесшивыхъ? Въ настоящей жизни презрѣніе а въ будущей, — конечно наказаніе.

Товарищу моему лучше. Барановъ любезный человекъ; но я сего-дня со слезами вспомнилъ С. Петербургъ, и если бы можно было, подобно Икару, придѣлалъ бы крылья и полетѣлъ бы въ столицу. Ходилъ по городу нѣсколько часовъ, два

раза промоченъ дождемъ, прошелъ 39 улицъ и переулковъ; шоска шакъ и ходила по пнямъ моимъ, вершѣлась передъ глазами и не давала мнѣ покою. День не въ день, съ утра почти не жилъ.

29-го Августа. Симферополь. Больному поварищу гораздо лучше, и потому въ двѣнадцатомъ часу утра поѣхали Барановъ, Мильгаузенъ, Офрейнъ и я въ *Сабл*, помѣстье, принадлежащее А. М. Бороздину, яко званые. — 15 верстъ дорога дурна, иногда виды изрядные; но виды не плѣняють, когда все въ страхѣ, что будешь на боку; пріѣхали и — угощены. Саблы вообще хорошо; но много еще денегъ надо, чѣмъ бы оспановить путешественника; однако школа (пепеньеры) фруктовыхъ деревьевъ заслуживаетъ особенное вниманіе, — тысячь прироста, можетъ быть и болѣе, прекрасно, прекрасно; но что всего привлекательнѣе и достойно вниманія благоразумнаго человѣка: эшо дочь Бороз., Мар. Андр., лѣтъ 18: — и крошость, и хорошее воспитаніе, и наружность привлекательная, и въ большихъ голубыхъ глазахъ видна добрая душа и чувствительное сердце. — Возблагодаря гостепріимнаго хозяина, въ семь часовъ по полудни были уже въ Симферополь; по шой же

дурной дорогѣ ѣхали. Удаляясь къ себѣ, единственно думалъ о счастіи земномъ, и рѣшилъ шѣмъ, что всѣ блага земнаго шара не могутъ составить счастія человѣку, коль счастія въ сердцѣ нѣтъ, и покой душевный оставилъ. Миръ съ совѣстью есть часть счастія, ибо можно ли вполнѣ быть довольнымъ, когда ближній и достойнѣе меня, спраждешь, и когда радость едва досшила тебѣ, горешь догоняешь! Кладу перо. — Пришелъ ко мнѣ Губернаторъ и до полуночи читалъ мнѣ свое сочиненіе о образованіи Ташаръ Таврической губерніи; похвально написано.

30-го Августа. Симферополь. Тезоимеништво Государя Императора; по долгу вѣрноподданнаго и прямо отъ души, въ мундирѣ, вмѣстѣ съ Губернаторомъ ѣздилъ къ обѣднѣ, гдѣ были всѣ чиновники, и военный штабъ; по малости церкви, солдаты стояли около церкви; погода прекрасная — лѣтняя. Сего дня мнѣ весело, и я былъ у многихъ дамъ до обѣда — и до обѣда даже вальсировалъ у Л., съ Леонисъ. Отъ того, что много было у Губернатора за обѣдомъ, и все лица незнакомыя, молчаніе почти не прерывалось, — товарищу моему больному легче. До десяти часовъ ходилъ; иллюминація въ казенныхъ домахъ;

но людей нѣтъ; спало грустно: видя скоро - богатыхъ въ холъ, въ изобиліи живущихъ и ненаказанныхъ, слыша кривые шолки о честности; — пора во свояси; почти со слезами молился и крѣпко заснулъ.

31 - го Августа. Симферополь. Съ поскою проснулся, плакалъ много, и это можешь разстроить здоровье; человекъ рѣдко доволенъ бываетъ своимъ состояніемъ; но во всемъ нужно держаться середины; это мудрено; нужно смиряться предъ обстоятельствомъ, особенно когда нельзя помочь себѣ. У меня нервы очень разстроены! За обѣдомъ у Куз., когда заговорили о моихъ родныхъ, слезы градомъ покапнулись, и почти весь споль былъ расстроганъ, — двѣ дѣвицы, милыя, не могли удержанъ своихъ слезъ; честь ихъ чувствительности! Видно, что хорошія дочери и вѣрно будутъ хорошія матери. Вечеръ просидѣлъ у любезной Л.; она была обворожительна, окруженная тремя малолѣтними дѣтьми; бѣда сердцу! скорѣе, скорѣе отъ очаровательныхъ мѣстъ, гдѣ крошечко умсвуютъ и скромно говорятъ.

1 - го Сентября. Довольный вчерашнимъ вечеромъ, спалъ сладко; но — вспомня, что сего-дня старшаго брата моего имя-

нины, вспомя, что мать и вся родня обо мнѣ говоряшъ и со слезами, залился и я; вошъ каково въ первой разъ разлучашься, и въ лѣта немолодыя! Привычка — вшорая мать природа. — Писаль много, посидѣль у шоварища, былъ у прекрасныхъ, а ихъ мужья ушромъ посѣпили меня и нѣкопоре офицеры, благовоспитанные; воспитанные же по нынѣшнему духу времени, не любяшъ меня, за неопровергаемыя истины, мною часто повтораемыя. Послѣ обѣда вмѣстѣ съ Офр., перешагнувъ Салгирь, былъ уже у Профессора Химии Дессера, эмигранта, друга и шоварища славнаго Химика Лавуазье, который кончилъ дни свои подъ гильйотиною, обезсмертивъ себя системою своею по Химии, и опшвергнувъ систему Бозргава; по системоѣ сего послѣдняго учился, но бывъ уже офицеромъ, слушалъ въ Академіи Наукъ въ С. Петербургѣ Профессоровъ Соколова и Захарова, которые приняли систему Лавуазье. Мы не заспали господина Дессера дома; жена его разсыпала учшивости на Французскомъ языкѣ: я долженъ былъ опшвѣчать, краснѣль, — ибо и не люблю говорить на семъ языкѣ и худо говорю; обрадовался, когда двѣ дочери ея, слыша меня, что я не возлюбляю Французскій діалектъ,

сполько были учтивы, что начали говорить по-Русски, и хорошо, особенно Эспель; послѣ нѣкоторыхъ приличныхъ словъ, обѣ вскочили, побѣжали и вскорѣ принесли изъ своего сада сливъ, виноградъ и другихъ плодовъ; опкланялся, давъ слово бытъ у нихъ и видѣться съ помещикомъ Симферополя, ихъ опцемъ. Опяшь перешедъ Салгирь, зашелъ къ Генералу Удому; какъ онъ, такъ супруга и двѣ миленькія дочери осыпали меня учтивостями; сидѣлъ у поварища выздоравливающаго, и попомъ, магическою силою влеченный, пошелъ къ Оф. —, гдѣ сердце шочно опдыхаетъ опъ любезности всего семейства; опкровенность — великое дѣло!

2-го Сентября. Симферополь. Утро провелъ въ чтеніи, гулялъ по скучному и безлюдному городу; званый, обѣдалъ у почтеннаго Оф., — и душа наслаждалась счастьемъ семейственнымъ; шестеро дѣшей опкровенностію дышали и здоровьемъ пользуются; родители занимающіеся ими, какъ занимались въ первыхъ вѣкахъ, и вѣчно вмѣстѣ. А что мы видимъ въ большихъ городахъ? Наемники и наемницы приведутъ дѣтей къ родителямъ, *приложатся къ рукѣ, да и вонъ!* Часо и по недѣлямъ не видятъ опцы и машери сво-

ихъ дѣшей, ибо прїѣзжаютъ поздно, вспа-
ютъ поздно, и опять поже, да поже!
Увы! — Вечеръ сидѣлъ съ товарищемъ и
хозяиномъ; — грустно, только что мо-
литвы ушѣшаютъ меня, сердце ноетъ,
душа плачетъ.

3-го Сентября. Симферополь. Въ вось-
момъ часу утра пошелъ на базаръ; смѣш-
но видѣлъ вмѣстѣ — Русскихъ, Армянъ,
Жидовъ, Грековъ, Ташаръ, Нѣмцевъ, Фран-
цузовъ и много разныхъ Азіяшцевъ; всѣ
по своему кричатъ, желая продать свой
товаръ. Хорошенькихъ покупателей было
мало; всѣ жишели запасающіяся съѣшными
припасами на недѣлю, однако можно до-
стать и въ другіе дни. Одна дама обра-
тила мое вниманіе: очень не дурна; не
смотря на мою поску, я для нее часъ и
болѣе гулялъ по небольшому базару: —
какъ слабъ человѣкъ! Но кто поспоришь
со мною и не скажешь, что весело смо-
трѣшь на каршину изящной работы, коль-
ми паче на швореніе Божіе, лѣпообразное?
Я успѣлъ познакомиться, однако не уда-
лось бытъ у сей любезной дамы. — Вечеръ
у Куз., — вальсировалъ съ шестью дѣви-
цами; — упомянутый спалъ хорошо.

4-го Сентября. Симферополь. Читалъ
много, съ 12-го до 2-хъ часовъ сидѣлъ у

прекрасной Л. — Опкровенность, любезность, кротость, скромность сидѣли съ нами; мнѣ весело и сердцемъ и душою; но, признаюсь, должно ѣхать, а то прощаніе съ милыми будетъ слезное; ошаташокъ дня дома въ чтеніи и пріятныхъ разговорахъ.

5-го Сентября. Симферополь. Послѣ холоду и дождей, погода прояснивается; но очень грязно, ибо городъ не мощень. Тезоименишество Императрицы Елисаветы Алексѣевны, и именины родившей меня; надѣвъ мундиръ, поѣхалъ къ обѣдни; гдѣ вспомня, что въ теченіе почти тридцати лѣтъ, первой разъ въ разлукѣ съ рѣдкою, почтенною матерью, и что я не могу поздравить лично, — слезы невольно въ изобиліи пошекли; не понимаю, какъ дѣти могутъ не любить родителей своихъ; къ несчастію, есть и такія; уже ли высреннее воспитаніе причиною? Не вѣрю; ибо чѣмъ лучше воспитанъ человекъ, тѣмъ болѣе чинитъ даровавшихъ жизнь ему. Въ сіе время вспомнилъ Эпикшета, Оивянина, идолопоклонника, который говорилъ: „Природа даровала дѣтямъ радости, но не обязалась дать добрыхъ, или злыхъ: каковы случатся, и ежели они не выполняютъ долгу своего, дѣти должны выполнять съ кротостию и

„смирениемъ долгъ свой и не смѣшь роп-
 „шась.“ Ежели шакъ писалъ идолопо-
 клонникъ, что жъ осмалось намъ Христіа-
 анамъ? — Безмолвствовашь.

Не смотря на шоску свою, послѣ обѣ-
 дни былъ у имянинницъ Симферопольскихъ,
 а осмальные часы — дома, въ любезной
 бесѣдѣ съ Барановымъ и шоварищемъ сво-
 имъ. За обѣдомъ былъ Князь Балапукъ:
 богаче всѣхъ считаеся по Крыму; Генера-
 ль — Маіоръ; но — я въ немъ нашель при-
 знапельнаго, учпиваго и даже слишкомъ
 любящаго меня; чеснь ему.

6-го Сеншября. Симферополь. Погода
 опять совершенно лѣшняя, и воздухъ бла-
 гошворный; первой разъ — послѣ жестокой
 болѣзни, поѣхаль прокапашь шоварища
 моего, — ему спало вдругъ лучше; до
 обѣда посѣщаль любезныхъ: *это потреб-
 ность души моей, какъ говоритъ одинъ
 нашъ трогательный путешественникъ.* До-
 ма обѣдалъ, гдѣ былъ Графъ Носпицъ, на-
 шей службы Полковникъ, съ опличнымъ
 просвѣщеніемъ человекъ; бесѣда его очень
 занимала меня. Вечерь сидѣль у Оф. —,
 гдѣ много смѣялся и припомъ далъ замѣ-
 шить, что и въ Крыму знають науку,
 не слишкомъ хорошую, пересказывашь
 сказанное, — иначе, и шѣмъ посѣвашь раз-

доть между семейспвами; люди — вездь люди. Тутъ былъ Губернскій Предводителъ Филапьевъ, коего по Пешербургу знаю, и Графъ Мезонъ, начальникъ Ногайцевъ; болѣе 40 тысячъ обоого пола въ его подчиненности; хваляшь сего Француза. — У Ташаръ начался Байрамъ или первые годовые праздники; по обычаю, введенному съ давнихъ лѣтъ, всѣ должны закалать ягненка, а шкуру Мулла, духовному, коихъ считается при ста-десяти тысячахъ Ташаръ, шесць тысячъ.

7-го Сентября. Симферополь. Погода какъ въ Юль; ищешь тѣни отъ жару, и шправа шрепшй разъ выказывается! — Послѣ Турецкой бани, гулялъ, и хошя былъ звань въ Сабли обѣдать къ А. М. Б., но — не любя общесство мушинъ, оспался въ Симферополь, и провелъ время счаешливо, *роскошь гувствуя въ душъ своей*: среди любезнаго семейства Оф. все прекрасно, и обѣдь хорошъ, приправленный Аевинскою солью; шущъ была госпожа Палласъ, супруга покойнаго, славнаго нашего Природы испытателя, женщина учтивая, владѣтельница прекраснаго сада и масперски умбюющая хвалишь, и шѣмъ заспавившая поцѣловать свою руку. Здѣсь же познакомился съ госпожею Бухольць, Ек. Мих.,

родомъ изъ Княженъ Черкесскихъ: особа, каковыхъ мало встрѣишь; кто правды не любишь, не приближайся къ ней: съ умомъ и разсудкомъ, каждому выскажешь въ глаза, кто чего споишь; женщина пріятная и по ея собственнымъ словамъ 42-хъ лѣтъ; но сохранившая по сіе время красоту привлекательную; всякой, увидя свѣжестъ лица ея, убавишь болѣе десяти лѣтъ; все въ ней прелестно, и глаза почто побѣдительны; при солнечномъ сіяніи и при свѣчахъ одинаково хороша; верхомъ же и въ Черкескомъ плащѣ почто баснословная богиня! Къ внѣшнимъ красотамъ присоединяетъ доброту души, гоштовую услуживъ каждому, и подѣлилась послѣднимъ. Послѣ обѣда, пошелъ къ Л....., благодарилъ прекрасную за присланный милый подарокъ, — чтобъ не забылъ ее въ столицѣ. Можно ли съ удовольствіемъ не вспоминать? Мужъ ея боленъ, и бесѣда, часа два продолжавшаяся съ Докторомъ симъ, показала мнѣ его просвѣщеніе и доброту сердца. Вечеръ дома въ чтеніи.

8-го Сентября. Симферополь. Рожд. Богоматери, и въ 1380 году въ сей день побѣда Димитрія Ивановича Донскаго, надъ Мамаемъ, на Куликовомъ полѣ — въ Тульской губерніи: начало избавленія Рос-

сін изъ подь ига Ташарскаго. Сего дня сильно почувсвовалъ превосходство богатаго надъ бѣднымъ, хопя и честнымъ и просвѣщеннымъ челоѡкомъ. Бѣднякъ, *свѣтской челоѡкъ* идетъ по снѣзѣ усыпанной цвѣтами къ счасію; сей изгибиспый хамелеонъ не покажетъ безобразному зеркалу; *безумца* ушверждаетъ въ мнѣніи, что ничего нѣтъ пусѣе — ума; *растопителя* увѣряетъ, что онъ только щедръ, а *скупаго*, что онъ экономя; *безобразной* женщинѣ доказываетъ плѣнность красоты; *богагу* швердишь, что онъ бы могъ съ пользою быть дѣловцемъ государственнымъ, ученымъ мужемъ, героемъ, что онъ покровишель Музъ, любимъ красавицами; хвалишь гордое *невѣжество*, и съ воспоргомъ превозносишь подвиги полководца, *бѣжавшаго* съ поля сраженія; *музыканту* говоришь, что такой-то Генераль былъ бы конечно великій челоѡкъ, если бы умѣлъ играть на инструменѣ; *живописцу* поетъ, что Апеллесъ, Зевксисъ, гораздо превосходнѣе умомъ Омира, Сократа. *Истиною руководимый* бѣднякъ, можетъ ли готовить себѣ счасіе такимъ постыднымъ образомъ? Распространишь сію спашью не шрудно, но и сего довольно. До сего написаннаго

мною разсужденія, былъ у обѣдни; былъ у прѣзжихъ Генераловъ Н. Н. Раевского и Графа Ланжерона: учтивостями обоихъ доволенъ, привѣтливостью супруги послѣдняго тоже; чѣмъ разбить поску свою, былъ у любезныхъ особъ; выходя же изъ церкви, нельзя было не замѣтить одну прелестную дѣвицу: по чертамъ лица и по значительнымъ взорамъ, заключилъ, что она должна быть Гречанка; съ нею было нѣсколько дамъ; кого ни спрашивалъ о ней, отвѣчали незнаніемъ. — Спранно покажется чинашелямъ, что въ мои немолодые лѣта, пусняки меня занимають; но —

Я люблю въ природѣ милое,
Восхищаюсь взоромъ крошечки,
И шеряюсь въ удовольствіи —
Счастье чувствуя въ душѣ своей.

Послѣ обѣда, пошелъ чрезъ Салгиръ, прямо къ Химику Дессеру; нашелъ въ немъ человѣка точно добраго и просвѣщеннаго; дочери любезны и хорошо воспитаны; Н. Н. Раевскій, приславши въ семь домъ, своимъ умнымъ разговоромъ разсѣялъ мрачныя мои мысли, и доспавилъ, не думая, покой душѣ моей.

9-го Сентября. Симферополь. — При всѣхъ коловрапносшяхъ жизни, гдѣ бы человекъ ни случился, ежели онъ находитъ удовольствіе въ чтеніи полезныхъ книгъ, скука не посѣтитъ его; но — не надо читать какъ *свѣтскіе люди*: они пробѣгаютъ книгу, какъ многіе путешественники, безъ размысленія, только чтобы *посмотрѣть невидальщины*, и все, что они видятъ, исчезаетъ въ воздухъ. Чтеніе съ размысленіемъ, подобно рѣкѣ Нилу: гдѣ протекаетъ, гдѣ разливается, тамъ изобиліе процвѣтаетъ. Какъ горько смотрѣшь на нѣкоторыхъ, кои вставъ садятся за туалетъ; не могутъ дожидаться конца обѣда, чтобы сѣсть опять за туалетъ; къ вечеру еще, между тѣмъ жалующся, что скука не оставляетъ ихъ. Бѣдненькіе! А какъ скажешь — занимайтесь чтеніемъ, думайте, что прочитали, займитесь рукодѣліемъ — вдругъ свѣтскіе люди кричатъ: ахъ, сударыня! не слушайте, вы богачи, молоды, хороши, оставьте среднему сословію — занимаетесь симъ вздоромъ; и въ самомъ дѣлѣ говоритъ нѣжнымъ голосомъ молодая барыня: какая тоска — книги, рукодѣлія; и ты, сказавъ правду, осмѣянь! Эти мысли бродили въ моей головѣ со вчерашняго дня; отъ чего родились? умолчу.

Жарко, однако гулялъ. За обѣдомъ у Губернашора были Н. Н. Раевскій, Графъ Ланжеронъ, А. М. Бороздинъ съ голубою достойною почпенія дочерью своею, фамилія Офрейнь и другіе; — я сидѣлъ между Леон..... и М. А. Бор..... — обѣ умны; мнѣ было весело, пѣлъ болѣе, что любезныя дѣвицы заставили меня говорить языкомъ ученаго, но не педантически; ибо я у *Русскихъ только угнлся, и сей науки не знаю*; дѣвицы жалѣли, что обѣдъ кончился, и я шже; довольный, пошелъ ходишь; погода прекрасная; посиѣлъ у двухъ умненькихъ дамъ, повалясировалъ у Офр., ужиналъ у себя; чиналъ и писалъ долго. Опять, усмѣхнувшись, врагъ счастья ближняго скажущъ: опъ чего я люблю молодость, будучи самъ немолодъ? Ошвѣчаю:

Люблю пріятную я младость
 Съ душою Ангельской — простою;
 Вкушаю я тогда лишь радость —
 Коль зрю невинность съ красою;

Доволенъ, коль встрѣчаю взгляды —
 Веселья полны и утѣхъ;
 Не нужно больше мнѣ оспрады,
 Блаженнѣ Царей я всѣхъ.

Люблю въ бесѣдѣ съ красотою
 Дѣлать и время и покой,
 Когда прекрасныя и сами
 Открыты мнѣ своей душой;

Тогда и я судьбѣ послушенъ,
 Не лью и я горячихъ слезъ,
 Къ чинамъ, къ богатству равнодушенъ,
 Вкушаю радости Небесъ.

10-го Сентября. Симферополь. — Дума
 мѣшала мнѣ спать; душою желаю бытьъ
 въ С. Пешербургѣ; но обязанъ повиноваться
 своей участи: *давши слово держись,*
говорятъ Русскіе, а не давши крѣпись;
 терпѣніе все преодолеваешь; но — терпѣть
 должно, на равнодушіе упираясь, и гово-
 ришь чаще себѣ самому: *въ міръ все прі-*
ятно, и ничего нѣтъ невозможнаго, осо-
 бенно для сердца; только стремись къ
 одной цѣли, и вѣрно достигнешь; волна
 прокладываетъ себѣ дорогу, стараясь
 оную найти; вода, капля за каплею па-
 дающая, пробиваетъ твердый камень,
 и человекъ, ведя себя кротко, дѣйствуя
 смиренно, рано ли, поздно ли, нехотя за-
 ставитъ молчать коварство; добродѣтель
 же вездѣ встрѣгаетъ и провожаетъ его.

Приглашенный ѣздилъ въ Сабли, вмѣстѣ съ хозяиномъ своимъ и поварищемъ; жарко, даже въ горахъ. Много было за обѣдомъ, и высокопарные разговоры о разныхъ предметахъ, заславили меня не внимать онимъ; *гдѣ все говорятъ, тутъ угнѣться негѣму*; я, сидя между дѣвицъ, учился быть крошкимъ: непорочная любовь мало по-малу вкрадывалась въ сердце мое; какъ весело! И въ самомъ дѣлѣ, сказала умнымъ и любезнымъ сосѣдкамъ своимъ:

Любить для жизни, для блаженства,
Къ богатству не искать путей,
Лишь въ дружбѣ видѣть совершенства,
Сосѣдамъ не ковать сътей —
Вотъ жизнь прямая, жизнь святая,
Жизнь, въ которой жить хочу.

Юныя дѣвицы согласны были со мною; много пріятносней услышала оцъ ихъ. Похвала оцъ невинности превосходила похвальные слова всѣхъ Академій; по крайней мѣрѣ, въ эпитафияхъ чувствовала и смерть меня заспанею.

Послѣ обѣда гуляли въ саду, попомъ пандовали; не могу сказать, чинобъ мнѣ весело было, хотя дѣвицами, хозяиномъ и

Ек. О. О. — очень доволенъ; но вынужденъ былъ двумъ дамамъ, не смотря на красоту ихъ, сказать *полкія истины*: обѣ покраснѣли и сдѣлались предлюбезными. Дай Богъ, чѣмъ мой урокъ послужилъ и впредь имъ въ пользу. При прощаніи, гостепріимный А. М. и хорошо образованная дочь, благодарили *прямо*, за посѣщеніе — и за живосиль моего нрава. — Въ 10 часовъ вечера пріѣхали домой; Барановъ, приглася меня въ свой кабинетъ, куда вскорѣ явился и товарищъ мой, читалъ намъ Броневскаго мысли о *южномъ берегу Крыма*; отлично написано, краснорѣчиво, логически, умно, дѣльно; мало у насъ таковыхъ писателей! — Въ концѣ сихъ мыслей Броневскаго сказано почти такъ: когда все выполнится по его обдуманному предположенію, *тогда лѣвится фруктовый садъ на 250 верстахъ, достойный величія и славы Россіи*. Сіе чтеніе уладило меня; но едва вошелъ къ себѣ, думая предаться безмятежному сну, мечты являлись мнѣ, я вскочилъ, попросилъ огня и вошъ что написалъ:

На прошедшихъ дняхъ не только я разсердился на невѣжу, но даже онъ успѣлъ огорчить меня; теперь ясно вижу, что мудрый Сократъ справедливо ска-

заль: *что лучше быть мертвымъ, нежели невѣжею, лучше быть проспымъ незнающимъ человѣкомъ, нежели получишь глупое, то есть: модное воспитаніе, болтаешь на многихъ языкахъ, и ни на одномъ не умѣешь мыслишь. Злодѣй менѣе можешь сдѣлать зла, нежели невѣжа или худо воспитанный; прошивъ злодѣя поставишь себя въ оборонительное положеніе, а прошивъ глупца, невѣжи, невоспитаннаго, чѣмъ прикажешь оборониться? — Ничто меня такъ не беспокоитъ, какъ молодой человѣкъ со способностями, Богомъ данными; проводишь время въ праздности и, кажется, съ удовольствіемъ обнимаешься съ невѣжествомъ, не предвидя, что самъ себя готовишь несносную старость; не знаешь и того, что невѣжа не можетъ быть добрымъ человѣкомъ; ибо невѣжество воспрещаетъ ему понимать, что другіе дѣлають и что онъ самъ дѣлаетъ. Невѣжа не можетъ быть ни хорошимъ начальникомъ, ни хорошимъ подчиненнымъ. Боже упаси! ежели невѣжа богатъ — всѣ должны терпѣть отъ него, хотя всѣ презирають его; однако есть невѣжи хитрые, уклончивые, кои выигрываютъ въ болышомъ свѣтѣ, низостію, лестію, подлостію; эти люди опаснѣе самыхъ хищныхъ*

лющихъ звѣрей. Бѣдный невѣжа только вреденъ самому себѣ и малому кругу своихъ ближнихъ; сего можно и унять; съ богатымъ невѣжею кто сладитъ? Невѣжа щедръ до расточительности, скупъ до гнусности, и всѣ его дѣянія безчестятъ человеческое достоинство. Сіе краткое описаніе невѣжи да послужитъ урокомъ, и да юношество прилѣпится къ ученію, къ истинному образованію себя. —

Давно уже за полночь, а мнѣ пришла мысль объ одной молодой особѣ, которой ставяшъ съши, и она — по невинности своей, можешь попасть въ оныя, и какъ осперечь, мало знакомую! Богъ да поможетъ ей; она несчастная доведена до пропасти; единъ шагъ немѣрный, мигъ, и низринется; поздно уже раскаяніе. Горе! горе тебѣ, младость неопытная, естли любовныя прелести соблазнили твою невинность; скоро изобразишься въ разсѣянныхъ взорахъ, что душа твоя лишена пищи, свойственной дѣшамъ твоимъ; веселость невозвратно потеряна, спокойствіе исчезло; среди смѣховъ, уныніе слѣдитъ тебя; все, повторяю, веселился вокругъ тебя, ты одна не чувствуешь радости; улыбка оплелъла отъ тебя; померкли розы на щекахъ твоихъ, блескъ

красоты примѣнно исчезаешь; печальная блѣдность замѣняешь ее; снѣдаемая внутренно, представляешь изъ себя образъ полухающаго свѣспильника, минушній умирающій свѣспъ испустившаго и исчезащаго въ вѣчной мрачности. Спрашно дойти до такого положенія! Но что сказать объ обольстителѣ, о водворителѣ несчастія доселѣ счастливаго семейства? Есть совѣспъ и у него, она не даетъ ему покою ни днемъ ни ночью; Фуріи безпрестанно окружаютъ его, онъ мучится до скончанія жизни своей, и проклятія несущся и за гробомъ его.

11-го Сенсября. Симферополь. — Послѣ безпокойнаго сна, сидѣлъ у себя и читая газетны, душою спрадалъ, размышляя, что всѣ говорятъ о просвѣщеніи, особенно Англии и Франціи, а гдѣ болѣе несчастныхъ жертвъ! Боже спаси Россію отъ подобнаго просвѣщенія; въ сіе время вошелъ ко мнѣ Графъ Ланжеронъ: я покраснѣлъ отъ неожиданнаго посѣщенія, — но Графъ всегда былъ учивъ, и тѣмъ конечно пріобрѣтаетъ общее къ себѣ уваженіе честныхъ людей. Поговоря о многомъ, опкланялся; благодарность моя провожала Его Сіашельство. Званный, обѣдалъ у Князя Балашука; приглашенныхъ не болѣе

20-ти; при дамы были за обѣдомъ: Графиня Ланжеронъ, супруга Дивизионнаго Генерала Удома и Ек. Ос. Офрейнь. Князь Балапукъ угощаль прежде Ташарскими жирными блюдами и своимъ Крымскимъ виномъ, попомъ уже пошли блюда обыкновенныя и вино Французское; довольно весело было. — Пока еще солнце не закатилось, посѣщиль я Ген. М. Турчанинова: его дома не засталъ, за то супруга его, своимъ милымъ, умнымъ разговоромъ утѣшила меня; все въ ней хорошо, двадцать вшорой годъ, мать проихъ дѣшей, сама кормитъ, и — шѣмъ болѣе заслуживаетъ вниманіе. Отсюда пошелъ къ ея малушкѣ Г. Шос.; почтенная женщина съ многочисленнымъ семействомъ; дочь ея Алек. Андр. съ крошесцію умна, наружность привлекательна, глаза значительны, бѣлизна необыкновенна, можно сказать:

Вокругъ ея прекрасной шею
Любовь разсыпала лилей.

Вечеръ сидѣлъ въ счастливѣйшемъ семействѣ Оф., гдѣ разговоръ всегда живой, и часто пріятно-поучительный; зашла рѣчь о счастіи. Сколько вѣковъ споряшъ, пишушъ, доказывающъ, и никшо

опредѣлительно не сказалъ, въ чемъ можно находить истинное счастье. Одни говорили, что пощъ счастливы, кто меньше имѣетъ желаній. Другіе: когда всѣ желанія выполняются. Иные: не имѣть никакихъ желаній, и быть довольнымъ во всѣхъ случаяхъ въ семъ коловратномъ мірѣ. Нѣкоторые: въ уменьшеніи нашихъ желаній. Софисты пвердили и пвердяшъ: въ распространеніи нашихъ способностей, и въ познаніи всего, что извѣстно! Мудрые мужи находили счастье въ томъ, чтобъ быть здоровымъ — душою и тѣломъ, — и такъ далѣе; кажепся мнѣ, и душа даже моя согласна, что мудрый Сократъ поднималъ покровъ, зашѣняющій истинное счастье; онъ говорилъ: тотъ счастливѣйшій изъ смертныхъ, кто радуется счастью, блаженству ближняго. Христіанинъ же находитъ счастье въ томъ, чтобъ не токмо прощать обидѣвшаго его, врага его, но и дѣлать добро, кто содѣлалъ ему зло. О, если бы мы слѣдовали сей послѣдней истинѣ! Сколько бы лѣтъ безмятежныхъ прибавили къ жизни своей.

12-го Сентября. Симферополь. — Воскресенье, былъ у обѣдни; служба продолжалась болѣе двухъ часовъ; прихожане

чинно внимали слову Божію; полковые пѣвчіе изрядно пѣли; но — опъ желанія превозмочь себя, часто ошибались, или депонировали; во всѣхъ случаяхъ, человекъ, сядящійся казаться шѣмъ, чѣмъ онъ не есть, спановицся смѣшнымъ. Во время служенія, видѣлъ Лео..... съ слезящими глазами, съ умиленіемъ молилась по-Католически; сеспра ея Зен..... съ благоговѣніемъ впериди въ алшаръ глаза свои; какъ примѣтно воспитаніе, данное родителями; рѣдко и лучшіе гувернеры и гувернантши занимающся Закономъ Божіимъ. До шрехъ часовъ посѣщаль многихъ, особенно дамъ; обѣдалъ у Оф. — какъ всегда, доволенъ, казалось и — мною довольны; даже одна особа, кошорой я говорилъ полновѣсную правду, призналась въ неоспорожности своей, и дала слово впредь воспользоваться моими доказательствами; кто поспориць, чшо дружба взыскашельнѣе любви, а пошому дружбою шупишь не должно, шѣмъ болѣе, чшо нынѣ опъ пакъ называемаго *утонченнаго воспитанія*, дружба спановицся рѣже и рѣже, — слѣдствено все приказываетъ оную *цѣнить* и оною *дорожить*. Заходилъ къ Дессеръ; любезны, а Эшпель засшавила меня много смѣяшся, сказавъ какъ бы съ опъ

кровенностію и покраснѣвъ, что въ меня можно и влюбиться; хотя это и шушка была, но мнѣ весело спало; пришедъ домой, грусть предстала глазамъ моимъ; я, отвратясь отъ нее, молился Богу, прося — скорѣ перенести меня въ С. Петербургъ.

До двухъ часовъ ночи чиналъ, мыслилъ, писалъ; разныя чувства лишали меня покоя; отъ С. Петербурга начиная, быстро переходилъ изъ губерніи въ губернію, изъ города въ городъ; горько вздохнулъ, обращаясь къ себѣ самому и къ ближнимъ; въ такомъ расположеніи духа, вошъ что излилось изъ пера моего:

Сижу одинъ, въ печаль глубокую погруженный,
Сижу одинъ, въ мертвой тишинѣ,
Не слышу вокругъ себя
Ни гласа, ни движенья,
Молчанье только прерываетъ
Снопъ сердца моего.

Сердце больно уязвлено
Ядовитою спрѣлой,
Ужъ исчезъ покой душевный,
Жаръ погасъ въ крови моей,
Одна медлительность плачевна
Продолжаетъ дни мои.

Не любовь одна причиною
 Что утѣхъ не нахожу
 Въ шумныхъ играхъ и бесѣдахъ,
 Въ кругу многихъ милыхъ мнѣ,
 Гдѣ я прежде веселился
 И въ восторгъ хохоталъ.

Есть другія огорченья,
 Раздирающъ больно душу;
 Какъ не плакать, не терзаться,
 Видя злость какъ торжествуетъ,
 Честность спонетъ — умираетъ,
 Оставляешь голодъ дѣшамъ.

Мнѣ говоряшь, и часпо, если пла-
 кашъ о бѣдствіяхъ рода человѣческаго,
 то лучше не жить, безъ того де жизнь
 крашка, и пошому надо наслаждаться,
 оставишь людей, а думаешь только о се-
 бѣ самомъ. Эпи слова эгоистовъ или се-
 бя-любцевъ, еще болѣе пираняшь меня.
Эгоистъ или *Есмій*, по мнѣнію общему,
 не что иное, какъ животное, имѣющее
 видъ человѣческій — и болѣе ничего; онъ
 злѣе лютейшихъ звѣрей, ибо холодное
 равнодушіе его къ бѣдствіямъ себѣ по-
 добныхъ, превышаетъ самую злость. *Эго-*
исты извѣстны, подлы, когда идешь
дѣло до ихъ лица; горды и несносны, ко-

гда счастье имъ везешь; чтобы не превоз-
жишь себя, оставляю перо и съ молиш-
вою предаюсь сну.

13-го Сентября. Симферополь. — Рано
всталъ и занялся чтеніемъ чужихъ дѣло-
выхъ бумагъ; вездѣ того желаюшъ, что
прошивно законамъ и здравый разсудокъ
не принимаетъ; *софизмами* и *двоесмы-
слиемъ* ополчаются прошивъ *истины*; горь-
ко читаешь! но образованный Русскими,
безъ всякихъ риторическихъ фигуръ ска-
заль, что просили просяшъ того, чего
нельзя выполнишь; поплакали и пошли
опъ меня; ежели же есть у нихъ капля
справедливости, они должны меня благо-
дарить, что вывелъ ихъ изъ заблужде-
нія.... Сего-дня былъ прощенъ ѣхать въ
Бакчисарай; я не побѣхалъ, чтобы дока-
зашъ молодымъ людямъ, что имѣю харак-
теръ, что *чувствую себя*. Обѣдалъ у Оф.,
всегда счастливъ и доволенъ: тущъ была
прекрасная старуха 17-ти дѣтъ Е. И.
Но. — Что за любезность, что за оспро-
та съ кротостію! хопъ кому можешь
вскружишь голову своимъ невиннымъ об-
ращеніемъ. — Вечеръ; на дворѣ луна шокмо
освѣщала; я взялъ шокку съ собою, по-
шелъ ходишь по нешумному городу, встрѣ-
пилъ Е. М. Б. гуляющую шокже, и позади

ея Арапъ; замѣшя по разговорамъ моимъ, что я не въ шарелкѣ своей, предложила свою руку, водила до устали, и со-
 пушествующую прежде шеску заставила
 скрыться; благодарилъ душевно. Доволь-
 ный, прищель къ себѣ; послѣ Аѳинскаго
 ужина, чиналъ и воспомина прѣшьяго дня
 разговоръ, пишу оный. Начали даже упре-
 ки мнѣ дѣлать, для чего я предпочитаю
 общества нѣжнаго пола, передъ мужчи-
 нами? Потому, отвѣчалъ я, что женскій
 полъ, особенно нынѣ, просвѣщеннѣе му-
 щинъ, слѣдственно любезнѣе, и потому,
 что съ дѣтства по сіе время кромѣ доб-
 ра, во всѣхъ родахъ, ничего другаго отъ
 нихъ не видѣлъ; ежели иногда и огорчали
 меня, я тѣхъ включалъ въ число мужчинъ
 и успокоивался. Чшобъ не любить и не
 почитать нѣжный полъ, надобно имѣть
 причины, — напримѣръ: Испорія намъ ос-
 тавила о Шведскомъ Королѣ Карлѣ XII,
 слѣдующее: съ дѣтства сей Король лю-
 билъ заниматься огнеспрѣльнымъ оружі-
 емъ; будучи лѣтъ принадацати, Генераль
 Шшейнбокъ и его учитель по военнымъ
 часнямъ, подарилъ ему однимъ вечеромъ
 24 пушечки. Карлъ XII такъ былъ симъ
 доволенъ, что нешерпѣливо ждалъ утра,
 чшобъ возблагодарить Генерала. До свѣшу

побѣжалъ къ нему; долго спучался у дверей; наконецъ дѣвка отворила, и Король принесъ свою благодарносѣ лежавшему въ постелѣ Штейнбоку. При выходѣ, та же дѣвка провожала со свѣчею Карла, который замѣня прекрасную Далекарлку, вздумалъ пошутить, и — какъ удивился, получа сильную пощечину! Вотъ причина, что Карлъ возненавидѣлъ нѣжный полъ, и даже не любилъ и встрѣчаться съ онымъ. Сей отвѣтъ мой заспавилъ молчаніе господъ нападашелей.
